
Финалист
Национальной премии
за художественную прозу
и премии «Киркус»
ЛАЙЛА ЛАЛАМИ
ДРУГИЕ АМЕРИКАНЦЫ
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
ДЖОЙС
КЭРОЛ
ОУТС
ОДНА СМЕРТЕЛЬНАЯ АВАРИЯ,
КАК ВЗМАХ КРЫЛЬЕВ БАБОЧКИ,
ЗАПУСКАЕТ РЯД НЕОЖИДАННЫХ
И ОПАСНЫХ РАЗОБЛАЧЕНИЙ.

Другие американцы
Лайла Лалами

Аннотация
Лайла Лалами. Другие американцы
Нора
Джереми
Эфраин
Нора
Джереми
Мариам
Нора
Дрисс
Эфраин
Джереми
Нора
Дрисс
Коулман
Джереми
Нора
Мариам
Эфраин
Джереми
Нора
Джереми

Андерсон
Нора
Дрисс
Коулман
Нора
Мариам
Джереми
Эфраин
Нора
Джереми
Нора
Эфраин
Коулман
Нора
Дрисс
Нора
Джереми
Эй-Джей
Нора
Коулман
Нора
Сальма
Нора
Джереми
Андерсон
Коулман

Эфраин
Нора
Джереми
Нора
Эй-Джей
Джереми
Мариам
Нора
Джереми
Нора
Мариам
Нора
Джереми
Коулман
Андерсон
Эй-Джей
Дрисс
Джереми
Нора
Благодарности
Об авторе

Аннотация

Калифорния, наши дни. Поздним весенним вечером марок канского иммигранта Дрисса Геррауи на перекрестке насмерть сбивает машина… Эта трагедия невольно сводит вместе совершенно разных людей: дочь Дрисса, его тоскующую по родине вдову, свидетеля-нелегала, до смерти боящегося депортации, ветерана войны в Ираке, детектива с семейными тайнами и ищущего примирения соседа. По мере того как персонажи рассказывают свои истории, мы узнаем, что, несмотря на расовые, религиозные и социальные различия, между ними существуют притягивающие их друг к другу связи. А когда раскрывается, что произошло с Дриссом Геррауи на самом деле, старые тайны вы ходят наружу, обнажая лицемерие жителей городка, – и наперекор всему дают начало новой любви.

Лайла Лалами
Другие американцы

Посвящается А. и С.

Laila Lalami
THE OTHER AMERICANS
Copyright © Laila Lalami, 2019

Настоящее издание выходит с разрешения Trident Media Group, LLC и The Van Lear Agency.

© Л. А. Базян, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Нора

Отца убили четыре года назад весенним вечером, когда я сидела в углу за столиком в новом, недавно открывшемся бистро в Окленде. Всякий раз, когда я думаю об этом, перед глазами всплывают две противоположные картинки: отец, задыхающийся на растрескавшемся асфальте, и я в кафе чокаюсь шампанским с Марго, соседкой по квартире. Мы праздновали, потому что Марго получила грант от фонда Джерома[1] и могла начать работу над своим произведением, это был второй ее крупный заказ в этом году. Мы заказали блюдо мидий, приготовленных на пару́, съели его вдвоем и засиделись допоздна. Официант пытался убедить нас заказать на десерт шоколадный мусс, когда у меня зазвонил телефон.

Я плохо помню, что произошло потом. Должно быть, я рассказала Марго о том, что случилось. Потом мы, наверное, оплатили счет, надели пальто и прошли пешком пять кварталов до нашей

[1] Примечания: 1

Благотворительный фонд, учрежденный американским кинематографистом Джеромом Хиллом для помощи начинающим артистам и художникам. — *Здесь и далее примеч. перев.*

квартиры. Кто-то из нас собрал мне сумку. Зато я помню, как ехала домой по 5-й автомагистрали сквозь ночной туман, окутавший миндальные рощи и апельсиновые сады, и думала о том, что наверняка это какая-то ошибка: в полиции неверно опознали тело или в больнице документы отца перепутали с чьими-то чужими. Я понимала, что такое вряд ли могло произойти, и все равно цеплялась за эту жалкую надежду, пока ехала. Фары освещали дорогу впереди лишь на несколько метров. Но на рассвете туман рассеялся, и, когда я добралась до Мохаве, на ярко-голубом небе висело ослепительное солнце.

Когда я вошла в родительский дом, там было пусто и тихо, слышен был только стук моих каблуков по полу, выложенному травертиновой плиткой. На столике в прихожей валялся номер «Ридерс дайджест», связка ключей, прикрепленных к желтому браслету, и солнцезащитные очки без одной линзы. На стене в коридоре одна из фотографий покосилась. Мама сидела на диване в гостиной и бессмысленно разглядывала радиотелефон, который держала в руке, будто не могла вспомнить, как им пользоваться.

— Мам, — окликнула я ее, но она не подняла головы, как будто не услышала. На ней была белая

рубашка и черное кимоно, в котором она ходила на карате накануне вечером. Рядом на оттоманке валялась брошенная спортивная куртка с кровавой аппликацией дракона на спине.

Мне вдруг показалось, что папа где-то рядом: вот его полупустая пачка сигарет на подоконнике, потрепанные тапочки под журнальным столиком, вот следы зубов на карандаше, торчащем из сборника кроссвордов. Сейчас он войдет, весь пропахший кофе и гамбургерами, и скажет: «Не поверишь, что мне сегодня утром рассказала одна покупательница», а потом заметит меня у кресла и вскрикнет: «Нора! Ты когда приехала?!» Его глаза засияют от восторга, он поцелует меня в обе щеки, и я почувствую, как щекочется его щетина. «Только что, — отвечу я, — только что приехала».

Но никто не вошел в комнату, и острая боль пронзила меня где-то в районе живота.

— Ничего не понимаю, — пробормотала я, хотя имела в виду, что не могу поверить в случившееся. Только это я и чувствовала с тех пор, как услышала новость. — Я только вчера с ним разговаривала.

Мама наконец шевельнулась. Она подняла голову, и я увидела ее покрасневшие глаза и по-

трескавшиеся губы.

— Ты с ним разговаривала? — удивленно спросила она. — Что он сказал?

Скрипнула заслонка почтового ящика, и почта глухо шлепнулась на пол у двери. Кошка, дремавшая в плетеной корзинке, подняла голову, потом снова свернулась клубочком.

— Что он сказал? — снова спросила мама.

— Ничего. Он просто хотел поболтать со мной, но у меня был урок, и я собиралась выпить кофе в те несколько минут, что у меня оставались до конца перерыва. Обещала ему перезвонить.

В отчаянии я прикрыла ладонью рот. Это был мой последний шанс поговорить с ним, услышать нежность в его голосе, а я упустила этот шанс. И все это ради горького кофе в бумажном стаканчике, который наспех проглатываешь, прежде чем взглянуть в скучающие лица детей, совершенно не понимающих, зачем им читать «Одиссею».

Мотоцикл пронесся по улице, дрогнули стекла в окнах. Я нервно щелкнула застежкой на часах. Затем в комнате снова воцарилась мрачная тишина.

— Что папа делал в ресторане так поздно? — спросила я. — Разве не Марти обычно все закрывает?

— Он купил новые светильники и хотел установить их, а Марти отпустил домой.

А что случилось потом? Наверное, он запер ресторан и вышел на улицу. Скорее всего, вертел в руках ключи, как всегда, когда задумывался о чем-нибудь, или его отвлекло сообщение на мобильном. В любом случае он не слышал и не видел, что на него несется машина, а потом уже было слишком поздно. Ему было больно? Он звал на помощь? Как долго он пролежал на асфальте, прежде чем испустил дух? Вдруг вспомнилась давняя летняя вечеринка в доме соседей, мне тогда было четыре года. Соседи тогда отремонтировали задний двор и хотели показать родителям, какой они оборудовали там уютный уголок для отдыха и барбекю. Сестра бросила меня: ей было уже десять и хотелось поиграть со старшими детьми. Я решила погоняться за стрекозами, но только мои пальцы сомкнулись вокруг одной из них, как я свалилась в бассейн. Вода была ледяной и на вкус напоминала миндаль. Меня камнем потянуло на дно, я поняла, что больше никогда не вдохну воздуха. Я пробыла в бассейне не дольше мгновенья, отец нырнул за мной, но за одно это мгновенье мои конечности заледенели, грудь горела, а сердце почти остановилось. И

теперь эта боль вернулась ко мне.

— Что-то здесь не так, — сказала я, чуть помолчав. — Стоило отцу задержаться допоздна в ресторане, как его насмерть сбила машина.

Я спохватилась, что произнесла эти слова вслух, но поздно. Мама заплакала. Она рыдала громко, даже не пытаясь сдержаться. У нее покраснело лицо, плечи дергались. Я пересекла гостиную, сдвинула в сторону свернутый молитвенный коврик, села рядом с мамой и, крепко прижав ее к себе, почувствовала, как она дрожит. Все это было очень странно и непривычно: и то, что я приехала домой весной в будний день, и то, что не сняла туфли в помещении, и то, что утешала плачущую маму. В нашей семье главным утешителем был отец. Именно к нему я прибегала, когда случалось что-нибудь плохое, будь то царапина на коленке, полученная при падении с турника в восемь лет, или проигрыш на очередном конкурсе композиторов месяц назад.

Мама вытерла нос скомканной салфеткой.

— Я поняла, что что-то не так, когда вернулась от твоей сестры. Зашла к ней, чтобы отдать детям нашивки для кимоно, в которых они ходят на карате, и она предложила остаться на ужин. А потом вернулась домой, но его не было.

Кресло, в котором обычно сидел папа, еще хранило отпечаток его тела. Как будто он вышел ненадолго в соседнюю комнату.

— Что сказала полиция? — спросила я. — У них есть предположения?

— Нет. Детектив задавала много вопросов. Спрашивала, были ли у него проблемы с деньгами, принимал ли наркотики, играл ли в азартные игры, были ли у него враги. И подобное. Я ответила, что нет.

Помню, как меня удивили эти вопросы, потому что в моей голове в этот момент крутились совсем другие: кто был за рулем и почему он сбил моего отца и уехал? Потом я рассеянно глянула в окно. Два черных дрозда сели один за другим на электрический провод. Сосед напротив сдувал огромного пасхального кролика, который пылился у него во дворе уже не первую неделю. Кролик бессмысленно таращился на своего хозяина огромными темными глазами, пока не рухнул к его ногам. Ветер трепал флаг на шесте, солнце палило нещадно.

Джереми

В то время я страдал от бессонницы и ходил в спортзал к открытию, в пять утра. Врач посоветовала мне регулярные физические упражнения, говорила, что это поможет. Она много чего советовала. Горячую ванну. Плотные шторы. Чтение. Настой ромашки. Я часами сидел в ванной, читал перед сном, пил настой ромашки чашка за чашкой, но ночью все равно лежал без сна, слушая, как тикают часы на тумбочке у кровати. Я уговаривал себя, как будто возможно уговорить себя заснуть: «Если ты сейчас заснешь, то сможешь поспать часа четыре, или три, или хотя бы два». А потом, незадолго до пяти, вставал и отправлялся в фитнес-центр «Дезерт».

В то утро я уже закончил кардиотренировку и качал мышцы на разных тренажерах, когда в зал вошел Фиерро. В спортзале в такую рань почти никого не было, так что я обрадовался ему, хоть он постоянно говорил о своей бывшей. Они тогда только расстались с Мэри, и он не мог с этим смириться. Из-за его болтовни я сбивался со счета, и приходилось дважды начинать комплекс

заново, чтобы быть уверенным, что довел его до конца. Пятьдесят обычных скручиваний, пятьдесят обратных, пятьдесят двойных, пятьдесят велосипедных. Оставалось еще двадцать минут до начала рабочего дня, и я решил пропустить упражнение на бицепсы и перешел сразу к жиму лежа. Мне нравилось не спеша поднимать штангу. До сих пор нравится. Я надел на штангу двести пятьдесят фунтов и лег на скамью, но Фиерро вдруг без спроса добавил еще по пятнадцать с обеих сторон.

— Ты что делаешь? — спросил я.

— Да ладно тебе. Если уж качаться, то правильно.

Он стоял у скамьи, готовый подстраховать, и ждал. На нем была серая футболка с надписью «Одним выстрелом — наповал», ее короткие рукава он закатал, чтобы были видны мускулы.

— То есть как ты?

Он наклонился, повернувшись ко мне здоровым левым ухом.

— Что ты сказал?

— Неважно, — ответил я. Можно было препираться с Фиерро весь день или смириться и прийти на работу вовремя. Я начал поднимать штангу.

— Короче, — сказал он, — прошлым вечером выяснилось, что Мэри забыла поменять свечи зажигания на «мустанге», хотя я трижды ей напоминал. Испортит отличную тачку. Слушай, сделай перерыв, если устал.

Я чувствовал, как со лба стекает пот, но не останавливался. Мне не хотелось, чтобы Фиерро оказался победителем. Мы служили вместе в морской пехоте и в те дни не уступали ни в чем друг другу. В спортзал вошла блондинка в черном трико, и все внимание Фиерро сосредоточилось на ней. Он проводил ее взглядом до дверей раздевалки.

— Я сказал Мэри, что не подпишу документы о разводе, — продолжил он сквозь зубы, — пока она не отдаст мне ключи.

Фиерро произнес это так, будто гордился своим решением, будто теперь наконец-то настоял на своем.

— А разве это не ее машина? — спросил я.

Я пару раз катался на этом «мустанге», после того как мы с Фиерро вернулись из Ирака. Лениво потягивал виски из фляжки на заднем сиденье, а Мэри везла нас туда, куда мы собирались в тот день, в бар или в клуб. Всякий раз, когда она поворачивала или перестраивалась в

другой ряд, серебряный ангелочек на цепочке, прикрепленный к зеркалу заднего вида, начинал раскачиваться. Помню, однажды она стала рассказывать, как ездила с подругами по работе на девичник в Вегас, и Фиерро грубо перебил ее. «В первый раз слышу о каком-то девичнике, ты никогда мне о нем не рассказывала», — возмутился он. Это была одна из первых их ссор. С тех пор они постоянно ругались, даже после того, как разъехались.

– *Ее* машина? А кто внес за нее первый взнос? Кто заменил дурацкие колпаки на хромированные диски? Кто поставил спортивную резину прошлым летом? — Фиерро ткнул себе в грудь большим пальцем, искривленным из-за старого перелома. — Я! Я все это сделал! — Он положил руки на штангу. — Ладно, Горецки. Отдохни.

— Все в порядке, — сказал я. Времени на отдых у меня не было. Если опоздаю на работу, Васко устроит мне разнос. Он уже довольно давно пытался подловить меня на чем-то, чтобы потом сказать, что, мол, надо пересмотреть график и не перейти ли мне в другую смену. Мне никак не удавалось разгадать, по какой причине он так ненавидит меня. Я сделал последние несколько подъемов и сел, чтобы перевести дух. Рубашка

стала мокрой от пота и липла к груди.

— Ты вроде рассказывал, что она встречается с кем-то? — спросил я.

— Что? Ничего не слышу, музыка орет.

— Ты говорил, что у Мэри уже кто-то есть.

— Да.

— Значит, к тебе она не вернется. Так подпиши чертовы бумаги, и делу конец.

— Нет уж. Не выйдет у нее так просто от меня отделаться. Вычеркнуть прошлое, как будто ничего и не было. Как будто *меня* не было. Не дождется!

Он добавил на штангу еще по двадцать пять фунтов с обеих сторон и устроился на скамье. Со стороны казалось будто он поднимает ее без особых усилий, дышит ровно и спокойно — вдох-выдох, вдох-выдох.

Я вытер лицо полотенцем и с минуту наблюдал за ним. После того как они с Мэри расстались, он много времени проводил в спортзале. Иногда занимался по два раза в день.

— Сестра устраивает барбекю, — сказал я. — Пойдешь со мной?

— Конечно, если она не против.

— Ясно, не против. Неохота идти одному. Очень выручишь меня, если согласишься.

— Лады, договорились. Когда?

— Послезавтра.

Десять минут спустя я уже мчался на джипе по 62-му шоссе, тарахтящий мотор нарушал тишину раннего утра. Восходящее солнце окрасило небо в ржаво-красный, мне захотелось ощутить остатки утренней прохлады, и я опустил стекло. В кофейнях и закусочных, словно промаргиваясь от сна, загорались огни. В участке я переоделся в форму и побежал в конференц-зал, но обнаружил, что пришел туда последним. Сержант Васко уже начал инструктаж и монотонно зачитывал отчеты за прошедшую ночь. Я сел и постарался не встречаться с ним взглядом.

— Поножовщина в Пятьдесят пятом квартале по Шэдоу-Маунтин-роуд. Подозреваемый расстроился из-за того, что его мать собиралась переехать к мужчине, с которым только познакомилась. Вытащил нож и трижды полоснул ее бойфренда по рукам. Нападение собаки в Тридцать втором квартале по Бермуд-авеню. Владельца неоднократно предупреждали, просили следить за своим питбулем, но он выпустил пса во двор, и тот перескочил через забор и напал на соседского ребенка. Наезд со смертельным исходом в Восемьдесят третьем квартале по Чемеуэви на пересечении с Шестьдесят вторым шоссе. Водитель

скрылся с места происшествия. Ночью расписали граффити стену школы. Второй случай за эту неделю. Это все. — Он начал складывать бумаги в папку и окинул взглядом присутствующих в комнате полицейских. — И последнее. В соцсетях никак не угомонятся по поводу инцидента с Боуденом. Десятисекундного видео, сделанного на мобильник, людям достаточно, чтобы решить, что они во всем разобрались. Не обращайте внимания. Мы не должны отвлекаться на всякую чушь в Интернете. Мы — профессионалы и обязаны выполнять свою работу.

Васко, должно быть, очень спешил и вышел из конференц-зала, никак не прокомментировав мое опоздание. «Везет мне сегодня», — подумал я. Смена прошла тоже довольно спокойно: одна жалоба на шумных соседей, штраф за неправильно припаркованный автомобиль, звонок в 911, который, как оказалось, набрали случайно, и Марти Джеймисон, которая в очередной раз попыталась заявить, что у нее украли ативан и перкосет, чтобы снова получить эти лекарства по рецепту. Вечером, снимая форму, я поймал себя на том, что мысленно составляю список всего, что мне еще нужно сделать вечером. Прочитать то, что нужно для занятий по этнологии. Поработать над эссе

по истории, подготовиться к экзамену. Работу по английскому отправить по электронной почте. На выходе из участка я глянул на доску со списком дел, по которым велось следствие. Одно имя заставило меня остановиться. Геррауи.

Эфраин

Я видел, как это случилось. Лучше бы не видел, потому что из-за этого у меня начались неприятности. И зря я рассказал обо всем Мариселе. В тот вечер я ехал на велосипеде по 62-му шоссе домой с работы, и тут с заднего колеса соскочила цепь. Когда мы жили в Аризоне, у нас была машина, «тойота-королла». Мы купили ее за 875 долларов у одного из служителей нашей церкви, но она сломалась после переезда, а отремонтировать ее или купить новую было нам не по карману. Получилось, что мы просто выкинули 875 долларов. Иногда Марисела жалуется, что другие приезжают в эту страну, чтобы добиться успеха, а мы всего лишь плетемся у них в хвосте. На это я ей отвечаю, что делаю все, что в моих силах, но выше головы не прыгнешь. Хотя мог бы ответить, что и мы бы добились успеха, если бы нам не надо было содержать двоих ее сестер в Торреоне. И велосипед не так уж и плох, Энрике отдал мне его задаром, я могу ездить на нем где хочу. Только цепь все время соскакивает.

Именно это и случилось в тот вечер. Я остано-

вился, потому что соскочила цепь. Я оттащил велосипед к тротуару, недалеко от того места, где 62-е шоссе пересекается с Чемеуэви-Уэй, и перевернул его вверх колесами. Вернуть цепь на место достаточно просто, но было темно, а у меня дальнозоркость, и я плохо видел, что делаю. Обычно я не ношу с собой очков, потому что они мне не нужны во время чистки ковров, которой я занимаюсь днем, и вечером во время стирки постельного белья в мотеле тоже вряд ли могут пригодиться. Я опустился на колени и начал на ощупь, звено за звеном, натягивать цепь обратно на шестерню заднего колеса. У меня получалось не быстро, но в конце концов я справился, только руки очень испачкал. Я осторожно поднялся, вытянув вперед руки, будто нащупывал что-то в темноте, потому что мне не хотелось испачкать брюки велосипедной смазкой. И вот тут я услышал шум приближавшегося к перекрестку автомобиля, а потом глухой звук. *Бум.* Такой вот. Я поднял голову, но машина уже сворачивала на боковую улицу. Какой-то старик скатился с капота и рухнул на дорогу лицом вниз, а машина даже не остановилась — поехала себе дальше, будто сбила консервную банку или пластиковую бутылку.

— Надо позвонить в полицию, — сказала Марисела.

Я прошел мимо нее к кухонной раковине и выдавил на руки средство для мытья посуды, чтобы оттереть с пальцев велосипедную смазку.

— Ты забыла, что случилось с Арасели? — спросил я.

Арасели жила на той же улице, что и мы, когда мы жили в Тусоне. Такая полная хохотушка с пышной прической. Она позвонила в полицию, чтобы сообщить о соседе, который избивал жену, но, когда полицейские приехали взять у Арасели показания, выяснилось, что у нее нет документов. Не успела она и глазом моргнуть, как Миграционная служба уже стучалась к ней в дверь. Калифорния не Аризона, так люди говорят, здесь другие законы, но лучше не рисковать.

— И что, ты просто уехал? — спросила Марисела, приложив руку к щеке. В ярком освещении кухни веснушки у нее на переносице казались темнее. Мы женаты уже двенадцать лет, а эти веснушки до сих пор выводят меня из равновесия. Я не мог солгать ей. Я отвернулся, продолжил нервно оттирать грязь с рук. Она подошла ближе, а когда заговорила вновь, в ее голосе звучало недоумение: — Ты просто бросил старика на дороге?

Вообще-то, нет. Не совсем. Я вытащил из кармана телефон, перепачкав его смазкой, но вспомнил, что звонок могут отследить. Тогда я оглядел дома, стоявшие рядом вдоль 62-го шоссе. Думал, куда обратиться за помощью. Там была закусочная с яркой вывеской, но окна не светились, только надпись «Закрыто» мигала красно-синим неоновым светом. Рядом с закусочной еще работал боулинг, и я пошел туда, но потом разглядел в темноте бегуна, который трусцой приближался к перекрестку. Это оказалась женщина в спортивных шортах — светлые волосы были собраны в хвост, а уши заткнуты наушниками. Она вряд ли что-то слышала, но как раз приближалась к шоссе, поворачивающему на Чемеуэви. Я понял, что она увидит старика на дороге и вызовет полицию. После этого я сел на велосипед и поехал домой.

— Значит, ты ему не помог? — спросила Марисела.

— Я ничем не мог ему помочь, — ответил я, вытирая руки бумажным полотенцем. Под ногтями остались следы грязи. Я прошел в спальню мимо Мариселы, мне хотелось снять наконец форму. Дети спали на кровати у окна, и я двигался тихо, чтобы не разбудить их. Елене в то время было восемь, а Дэниелу — шесть. Оба американские

граждане, хочу это подчеркнуть. Все, что я делал, я делал ради них. Или все, что не делал, в этом случае лучше сказать так.

Я взял чистое полотенце из стопки на кровати, и пошел в душ. Вода была теплой, я закрыл глаза, но передо мной возник образ старика, уткнувшегося лицом в водосточную канаву. Одна его нога была вывернута под неестественным углом, а рука прижата к груди, будто он хотел оттолкнуться от земли и встать. С закрытыми глазами я разглядел новые детали, на которые не обратил внимания в момент шока. На электрическом столбе позади него висело объявление, напечатанное на желтой бумаге и приколотое на уровне глаз. А почти в двух метрах от этого объявления белела копна седых волос старика, его ярко-зеленая рубашка выделялась на сером асфальте.

Я открыл глаза под водой. «Нет, — сказал я себе, — я не свидетель происшествия». Я видел только, как человек упал на землю, и белую машину, исчезающую в ночи. Я даже не мог сказать точно, какого она была цвета. Может быть, белая, а может, и серебристая. И что это была за марка или модель, я тоже не понял и не запомнил номерной знак. Так что, видите, я и правда ничем не мог бы помочь. Я видел только, как человек

упал на землю.

Нора

Я вышла из душа, вытерла запотевшее зеркало, заглянула в него и увидела свое встревоженное, изменившееся лицо. Я будто ждала чего-то. Я не могла поверить, что жизнь потечет дальше, день за днем, а отца в ней больше не будет, что на следующее утро взойдет солнце, и мама будет сидеть на кухне за столом, что кошка будет так же, как и раньше, облизывать еду, а соседка идти по улице, опираясь на ходунки. В последний раз я приезжала домой на День благодарения. С тех пор прошло всего пять месяцев, а я никак не могла вспомнить, как мы провели тогда праздник. Помню, что после застолья играли в настольные игры, посмотрели фильм в «Синема 6», прогулялись с папой в национальном парке Джошуа-Три. Но ничего более конкретного о тех четырех днях я вспомнить не могла. Обычные четыре дня.

После душа я одевалась как-то очень долго. Надела платье, пояс, часы, но каждый раз, когда начинала что-то надевать, задумывалась так глубоко, что мне приходилось специально вспоминать, что я еще не застегнула пуговицу

или застежку, не затянула ремешок. К тому времени, как я вышла из спальни, волосы успели высохнуть. Я шла через прихожую на кухню, и в этот момент распахнулась дверь. Вошли Сальма, Тарек и их близнецы. Взрослые несли сумки с продуктами, а восьмилетки сжимали в руках планшеты.

— Тетя Нора, — окликнул меня Заид и кинулся обниматься, Аида тоже подошла и тихо прижалась, обхватив руками мою талию.

Я обняла их в ответ и удивилась, как до сих пор иногда удивляюсь, тому, как они выросли с тех пор, как мы виделись в последний раз. Заметила и еще кое-какие небольшие изменения. Пятна псориаза на локтях у Аиды увеличились в размере, а у Заида на тыльной стороне ладони появилась временная татуировка с Капитаном Америкой. Как-то теплым весенним днем мы вместе с папой наблюдали, как дети плещутся в надувном бассейне, и он вдруг спросил меня: «Что дороже родных детей?» Я думала над ответом целую минуту, а потом сдалась. «Что?» — спросила я. «Родные внуки», — ответил он. Что ж, больше он никогда не увидит внуков, не построит космический корабль из лего с Заидом, не научит Аиду решать кроссворды.

— Ты когда приехала? — спросила сестра, бросая на пол сумки с продуктами.

— Рано утром, — ответила я.

Сальма казалась поразительно бледной, а блузка в горошек и черные брюки сидели на ней так мешковато, что я задумалась, не больна ли она. Но мысль эта испарилась, как только сестра подошла ближе. Мы обнялись, и она заплакала. Я вдруг поняла, что утешаю ее, так же как некоторое время назад пыталась утешить маму. Муж Сальмы стоял рядом и ждал, но момент затянулся, и он попросил близнецов пойти в гостиную, а сам принес из ванной для гостей коробку бумажных носовых платков.

— Прости, что сообщила тебе об этом эсэмэской, — сказала Сальма. — Я никак не могла до тебя дозвониться.

— Я ужинала в ресторане, — ответила я, — и не слышала звонка, твоего сообщения я тоже не читала. Мне мама все рассказала.

Эта мысль по-прежнему не давала мне покоя: пока отец лежал на тротуаре и истекал кровью, я праздновала с Марго.

— Ты купила кофе? — Мама появилась на пороге комнаты. Ее глаза казались крошечными, а на щеках проступили розовые прожилки.

— Да, мама, — ответила Сальма.

Я взяла одну из сумок и пошла за матерью и сестрой на кухню. На стене над полкой со специями висел в рамке коллаж из черных бобов в форме дерева, который я выложила во втором классе. Над каждой веточкой стояло имя: папа, мама, Сальма, Нора. Я была самой правой веточкой. На дверце холодильника из нержавеющей стали были налеплены с полдюжины фотографий близнецов Сальмы и магнитный календарь. Абсолютно пустой календарь, ни одной пометки о встрече. Тарек взял лист бумаги и черный маркер с маленького стола у окна, на котором валялись счета и журналы.

— Что ты пишешь? — спросила Сальма.

— Объявление для ресторана. — Он поднял вертикально листок бумаги. — Повесим на двери.

И он написал большими печатными буквами: «РЕСТОРАН НЕ РАБОТАЕТ ИЗ-ЗА СМЕРТИ В СМЬЕ».

— Ты пропустил одну «Е», — сказала я.

Тарек повернул к себе листок, чтобы убедиться, что я права.

— Всего одна буква, — сказал он и пожал плечами. — Это неважно.

— Еще как важно. Папе бы это не понравилось.

Он болезненно относился к таким вещам. — Я повернулась к сестре. — Помнишь, как он перепечатал все меню, потому что в названии фирменного блюда, стейка, оказалась опечатка? Он сказал тогда, что клиенты это заметят и решат, что рестораном управляет идиот.

— Помню.

Тарек добавил крошечную «е», едва заметную между «с» и «м».

— Ну вот, — сказал он, — исправил.

Он взял ключи от ресторана и вышел на улице через кухонную дверь. Я прислонилась к столешнице и наблюдала за мамой. Она аккуратно, ложка за ложкой, зачерпывала молотый кофе и высыпала его в кофеварку с такой осторожностью, как будто ей нельзя было ошибиться.

— Все это как-то странно, — сказала я. — Полицейские сказали, что нашли его у водосточной канавы на Чемеуэви-Уэй. Это значит, что тот, кто был за рулем, должен был съехать на обочину, чтобы сбить его.

— Именно поэтому полиция и считает, что за рулем был пьяный, — сказала Сальма.

В ее голосе звучала знакомая снисходительность. Она всегда так со мной разговаривала. Иногда намеренно, иногда случайно. В этот раз

сестра почувствовала, что подобная интонация теперь не к месту, и быстро добавила:

— Или это какой-нибудь морской пехотинец несся на базу в Твентинайн-Палмс. Они ездят, как психи, когда опаздывают.

Мама захлопнула крышку кофеварки и, повернувшись ко мне спиной, начала сворачивать бумажные пакеты из-под продуктов в аккуратные прямоугольники и раскладывать их на столешнице. Я восприняла эти ее действия как знак, что она не хочет сейчас говорить о несчастном случае и не нужно ни о чем ее спрашивать. Она уже рассказала мне все, что знала.

Оставшуюся часть дня мы провели в молчании. Мы достали из стеклянного шкафчика чашки с блюдцами для кофе и маленькие синие стаканчики для чая. Вымыли листья мяты и распаковали закуски, которые принесла Сальма. Когда звонил телефон, одна из нас снимала трубку и объясняла, как до нас добраться. Через некоторое время вернулся Тарек и бросил ключи от ресторана на столешницу.

— Кто займется бухгалтерией? — спросил он.

Я перестала раскладывать салфетки и с удивлением взглянула на него.

— Какой бухгалтерией?

— Кто будет выплачивать зарплату? Платить поставщикам? Теперь это будет непросто, закусочная закрыта.

— Ты что, серьезно сейчас говоришь о деньгах, в такое время?

— Нора! — Упрек прозвучал в голосе Сальмы.

— Что? Ты же сама слышала.

— Вполне разумные вопросы. Не всем же по твоему примеру вечно витать в облаках.

Витать в облаках. Всю свою жизнь только и слышу, что витаю в облаках. Это началось, еще когда мне было девять или десять, — я так увлеченно читала любимые книжки, что не слышала, когда меня звали обедать.

— Вечно ты витаешь в облаках, — нежно шутила мама.

Несколько лет спустя, когда я помогала в ресторане после школы, эти слова из ласковой шутки превратились в горький упрек.

— Ты неправильно посчитала сдачу. Вечно витаешь в облаках, — жаловалась мать.

А позже, когда я не захотела поступать в медицинский институт, это выражение произносилось уже с осуждением.

— Жизнь хочешь себе разрушить, бэнти[2]. Вечно ты витаешь в облаках!

Да, я витала в облаках, только так я могла выжить в этом мире. То, что лучше витать в облаках, а не ходить по земле, я осознала довольно рано, в свой первый день в начальной школе Юкка-Меса, когда миссис Нильсен бодро прочла имена всех детей в журнале, но так и не смогла произнести: «Нора Зор Геррауи». Она предприняла две безуспешные попытки, потом замолчала и хмуро разглядывала странное скопление согласных, непонятно как оказавшееся в списке фамилий. Дети сидели тихо, им было любопытно, что это за странное имя такое, которое не смогла прочесть даже учительница. Потом миссис Нильсен опустила очки чуть ниже на нос и уставилась на меня поверх них.

— Какое необычное имя. Откуда ты?

На переменке дети разлетелись во дворе в разные стороны, а потом сбились в маленькие группки: дети военных, дети из церкви, дети из трейлерного парка, дети хиппи. Я никого из них не знала, и никто не знал меня. Я стояла у синей стены рядом с качелями и наблюдала за ними

---

[2] Примечания: 2
Дочка *(араб.)*.

издалека. В буфете я ела заалук[3], который мама положила мне в ланч-бокс, а другие девочки за столиком перешептывались. Потом Бриттани Катлер, симпатичная блондинка с косичками и белозубой улыбкой, повернулась ко мне и спросила:

— Что ты ешь?

Я приветливо улыбнулась ей, радуясь, что могу наконец с кем-то поговорить.

— Баклажан.

— А похоже на какашки.

Другие девчонки захихикали и весь оставшийся день называли меня какашкожором. Во время чтения сказки все собрались вокруг миссис Нильсен, чтобы послушать «Рапунцель», но рядом со мной никто сидеть не хотел. Позже миссис Нильсен сыграла на ксилофоне «Мерцай, мерцай, звездочка» и спросила, узнал ли кто-нибудь из нас мелодию. Я сказала: «Это фиолетово-зеленая песня», на что миссис Нильсен ответила: «Нет, милая, это про мерцающую звездочку, она не фиолетовая и не зеленая. Тебе нужно выучить цвета». Я не знала, как объяснить ей, что уже выучила все цвета и говорю об ассоциациях,

---

[3] Примечания: 3

Блюдо марокканской кухни, салат из баклажанов.

которые рождает во мне музыка, о возникающих перед моими глазами цветовых оттенках. Поэтому, когда папа приехал за мной после уроков, я бросилась к нему со всех ног как к долгожданному спасителю. Он вытер мне слезки, отвез домой и позволил до ужина съесть любимое печенье.

Но на следующий день пришлось снова идти в школу. Я выучила алфавит и клятву верности[4], научилась держаться подальше от тех, кто дразнил меня. На уроках я молчала. Во время обеда сидела одна. Молчание дарило мне ощущение безопасности, но все-таки подвело меня через несколько месяцев: миссис Нильсен решила, что у меня трудности с обучением. Одним солнечным майским утром она вызвала маму в школу и говорила с ней, используя такие термины, как: «задержка речевого развития», «социальная тревожность», «оппозиционное расстройство». Все эти слова для моей матери ничего не значили. Тогда миссис Нильсен перешла на шепот.

— С вашей дочерью что-то не в порядке, — проговорила она.

Я играла на желтом коврике в углу и ждала, когда же мама скажет:

---

[4] Примечания: 4

Клятва верности американскому флагу. Во многих детских садах и школах США дети перед началом уроков произносят эту клятву.

— Все в порядке с моей дочерью!

Но она только медленно кивнула, как будто соглашаясь с учительницей.

Когда отец вернулся вечером домой и узнал, что произошло, он сказал, что учительница просто дура. Хмара![5] Так он обзывал телеведущих восьмичасовых новостей, когда они особенно сильно злили его. После этого он вытащил пиво из холодильника и начал перебирать счета на кухонном столе. Я ждала, какой будет реакция мамы. Мама среагировала мгновенно.

— А ты, конечно, лучше знаешь, чем учительница?

— Я знаю свою дочь.

— У Сальмы не было проблем в начальной школе. Она была первой в классе.

— И у Норы нет проблем, Мариам.

— Если она будет и дальше молчать, ее оставят на второй год. Так сказала учительница.

— Не оставят. — Отец взъерошил мне волосы. — Нора, не молчи на уроках, хорошо?

Угроза учительницы, так выразительно пересказанная мамой, оставила в моей памяти неизгладимый след. Если я продолжу молчать,

---

[5] Примечания: 5

Буквально — ослица *(араб.)*.

я останусь на второй год, а если я останусь на второй год, мне больше не придется встречаться каждый день с Бриттани Катлер и ее подружками. Так что я осталась в подготовительном классе еще на один год. Я снова учила алфавит и клятву верности, и в этот раз со мной училась Соня Мукерджи, такая же тихая девочка, как и я. Она тоже не вписывалась в коллектив одноклассников. К тому времени, как я перешла в следующий класс, у меня появилась подруга.

Тем не менее только в средней школе я нашла единомышленников — фанатов музыки. За два года до этого, заметив, что я часто говорю о музыке и о ярких цветах, отец записал меня на занятия по фортепиано к миссис Уинслоу — соседке, которая недавно вышла на пенсию и переехала в пустыню, а до этого много лет преподавала музыку в Университете Южной Калифорнии. И она объяснила, как называется моя способность видеть музыку. *Синестезия*[6]. И оказалось, что со мной все в порядке, что не только я таким образом воспринимаю звук, что многие музыканты ощущают музыку так же, как я. На прослушивании в школьный оркестр я сыграла

[6] Примечания: 6

Музыкально-цветовая синестезия — восприятие музыки в виде непроизвольно проявляющихся перед глазами цветовых пятен, полос, волн.

менуэт соль мажор и сразу же получила место. Соню тоже взяли, она играла на флейте. В оркестр попали и другие хорошие ребята: Лили, Джереми, Мануэль и Джейми. Дети, которые спрашивали не «откуда ты?», а «на чем играешь?». На стене над столом учителя был прикреплен плакат, на котором большими буквами было написано: «Ты занимался вчера? Ты занимаешься сегодня? Ты будешь заниматься завтра?» Строгая дисциплина и долгие репетиции, которые устраивал учитель, сплотили нас. Не было даже особой необходимости разговаривать, нужно было просто играть.

Однажды наш джаз-банд пригласили выступить на летнем фестивале в Палм-Спрингс. На сцене за роялем я вспомнила совет учителя: «Притворись, что играешь для одного человека, тогда не будешь нервничать». Я взглянула на папу, который сидел в первом ряду, наклонив голову чуть в сторону, и ждал. Потом закрыла глаза и начала играть. Пальцы побежали по клавишам, и мне показалось, что я просто болтаю с другими ребятами из оркестра: окликаю Мануэля на барабанах, отвечаю на вопрос Лили, заданный бас-гитарой. Разговор между нами длился и длился, я так погрузилась в эту многоцветную беседу, что почти испугалась, услышав бурные аплодис-

менты. Помню, как счастлива я была в тот вечер.

И все же ощущение, что я не такая, как все, никогда полностью не покидало меня. Сложности обычно возникали, когда меня спрашивали, в какую церковь я хожу, или когда мама разговаривала со мной на школьной парковке, или когда учитель истории задавал вопрос о Ближнем Востоке, и все в классе поворачивались ко мне в ожидании ответа. Мучило меня еще и то, что родители теперь постоянно ссорились. Каждый раз, когда кто-то хлопал дверью или разбивал тарелку, я запиралась у себя в комнате и включала музыку. Я мечтала вырасти, поступить в колледж, сбежать из пустыни. «Вечно витаешь в облаках!» — упрекала меня мама.

Внезапно сильный аромат кофе, закипающего в кофеварке, ударил в нос, и я поняла, что сжимаю салфетку в руке и всем телом опираюсь на столешницу.

— Я не витаю в облаках, — объяснила я. — Просто мне кажется, что сегодня не стоит говорить о деньгах.

— Мы не о деньгах говорим, — возразила Сальма. — Мы говорим о ресторане баба[7], который

[7] Примечания: 7
Папа *(араб.).*

был для него, как ты сама недавно заметила, очень важен.

— Я не об этом.

— О чем же тогда?

— Я ожидала от твоего мужа больше чуткости в сложившейся ситуации, вот и все.

— Он всего лишь хотел помочь.

В дверь позвонили, и я вздрогнула от неожиданности. Сальма пошла открывать, и браслеты на ее запястье ровно позвякивали, будто она отбивала ими ритм. Боль в груди нарастала, я аккуратно сложила салфетки на столе. Только приехала, и вот мы уже ссоримся. И зачем люди приходят так скоро, могли бы и подождать до похорон. Мне не хотелось снова и снова слушать историю, которую рассказывали заново каждому, кто приходил, о том, как во время вечерней пробежки школьная учительница наткнулась на моего отца, который лежал на тротуаре без сознания. Скорая приехала всего через несколько минут, но слишком поздно — он уже умер. Мне не хотелось, чтобы меня спрашивали, где я была, когда это случилась, как узнала об этом. Я устала пожимать руки друзьям сестры, устала слушать их приглушенные голоса. Через некоторое время я сбежала на террасу.

Джереми

Когда я подходил к ее дому, входная дверь стояла открытой нараспашку. Изнутри доносились разговоры, некоторые из них на языке, звучавшем знакомо, но непонятном. У входа стояло в ряд несколько пар обуви, и я подумал, нужно ли и мне снимать ботинки — а вдруг ее вообще нет дома? В коридоре висели фотографии и среди них фото нашего школьного джаз-банда. Я вдруг понял, что никогда еще не бывал у нее дома и тем не менее все эти десять лет мое изображение висело здесь на стене.

В гостиной толпились незнакомые люди, они стояли отдельными группками и пили чай из малюсеньких синих стаканчиков. Ее мать сидела на диване и увлеченно беседовала со стариком в черном жилете и белой тюбетейке. На кухне зазвонил телефон. Кто-то крикнул, чтобы принесли воды и таблетку адвила. Было шумно и душно, я почувствовал себя не в своей тарелке. Я приехал прямо из полицейского участка и теперь сомневался, правильно ли поступил. И тут я увидел ее на террасе.

Я прошел через стеклянные двери и испытал огромное облегчение оттого, что выбрался из толпы. Было уже совсем темно, небо из синего стало черным. Вдоль деревянного забора светились в темноте, словно угли затухающего костра, пучки красной кастиллеи. Половицы скрипнули под моими ботинками.

— Нора, — окликнул я ее. Она обернулась на звук моего голоса.

Ее длинные черные волосы рассыпались по плечам. А глаза были именно такими, какими я их помнил, — темными и честными. На ней было зеленое платье, стянутое на талии узким поясом. В желтом свете, проникавшем из гостиной, ее кожа казалась золотистой.

— Мои соболезнования.

Она молча смотрела на меня, и на мгновенье у меня мелькнула жуткая мысль, что она меня не помнит и что зря я пришел. Но потом она легко и бесшумно, босиком, прошлась по деревянному настилу террасы и обняла меня. «Ласково обняла», — думал я позже, сидя в теплой ванной.

— Спасибо, что пришел, Джереми, — сказала она. Потом она отступила назад и заглянула внутрь дома, в гостиную. Внезапно кто-то громко зарыдал, и тут же зазвучали скорбящие, утеша-

ющие голоса. Нора снова обернулась ко мне, в ее взгляде читалась тоска.

— Ты не против… если мы останемся здесь?

— Конечно, конечно.

Я сел рядом с ней на деревянную скамейку. Я ни минуты не сомневался, что поступил правильно, решив навестить старую подругу, но при этом не мог найти верных слов, чтобы как-то утешить ее. В результате не придумал ничего лучше банальности:

— Твой отец был хорошим человеком.

— Спасибо, мне приятно это слышать, — поблагодарила она и легонько коснулась моей руки.

— Помню, как он приходил послушать нас, то есть тебя, во время дневных репетиций. Никто больше из родителей так не делал.

Нора скрестила перед собой длинные загорелые ноги, ногти на ногах она красила красным лаком. Я отвернулся и хлопнул себя по карману, пытаясь вспомнить, сколько сигарет выкурил за день. Меньше пяти. Моя новая дневная норма.

— Можно я закурю?

— Конечно, как хочешь.

Я закурил сигарету и выпустил дым в сторону от нее, но ветер свел мои усилия на нет. Вот уже неделю свирепствовал ветер Санта-Ана, он нес с

гор в долину жару, пыль и крики диких животных. В промежутках между порывами ветра из гостиной доносилось тихое гудение разговора.

— Откуда ты узнал, что с отцом что-то случилось?

— Коллега занимается этим делом.

— Ты работаешь в полиции?

— Помощник шерифа. Почему это тебя удивляет?

— Я думала, ты станешь учителем или кем-то в этом роде. Ты всегда был лучшим в классе по английскому.

Только по этому предмету я и успевал. По правде говоря, я не особенно хорошо учился в старших классах. Постоянно отвлекался, жаловались учителя. Дело было не в том, что я не мог сосредоточиться на уроках. Я был страшно вымотан. Я работал после школы, присматривал за сестрой, каждый вечер сидел допоздна, ждал, когда отец придет домой. Ничего из того, о чем учителя говорили на занятиях, не казалось таким уж важным по сравнению с этим. На уроках английского мы хотя бы читали романы, я всегда любил читать. Я затянулся сигаретой и попытался представить Норину фантазию, как бы выглядел, если бы стал учителем, стоял бы перед детьми в классе.

Но этот образ показался мне нелепым. Я не мог представить другого пути, чем тот, по которому пошла моя жизнь.

— Мы не всегда получаем то, на что рассчитываем, мне кажется, — сказал я. — А кем ты стала?

— Я музыкант. Композитор.

— Ну конечно, кем еще ты могла стать.

Что может быть естественнее, чем Нора за роялем? Она всегда приходила на уроки музыки на минуту-другую раньше остальных, а уходила самой последней. Каждую композицию играла идеально с первого раза, и ей приходилось ждать, пока подтянутся остальные.

— А где-нибудь можно послушать твою музыку?

— Как тебе сказать, — она задумалась. — Я записала несколько композиций, их можно найти в Интернете, но оркестровых заказов и контракта на запись у меня нет. Работаю учительницей вне штата, чтобы оплачивать счета. Так что…

В этот момент мне показалось, что я должен как-то утешить ее.

— Уверен, скоро у тебя будет контракт.

— Хоть кто-то в этом уверен, — усмехнулась Нора.

Мы надолго замолчали, молчание не вызывало

неловкости. Спрятавшись вдвоем здесь, в темноте, мы видели все, что происходило в доме. От этого возникало странное ощущение близости, будто мы были свидетелями чего-то таинственного, даже недозволенного. На кухне сестра Норы ставила чайник на плиту и что-то говорила двум женщинам у столешницы. В гостиную вошла пожилая пара с тарелками, накрытыми алюминиевой фольгой. Зазвонил телефон. Он прозвонил три раза, прежде чем сняли трубку.

— Тебе хочется, чтобы все эти люди ушли? — спросил я.

— Такой ужасный день, я не могу ни с кем разговаривать.

— А кто они?

— Мужчина рядом с мамой — это мой дядя. Он привел друга, который работает в мечети в Лос-Анджелесе, чтобы тот помог нам организовать похороны. Пара, которая пьет кофе на кухне, — это наши соседи. А остальные гости по большей части друзья сестры.

На сосне ухнула сова. Нора подтянула коленки к груди и обхватила их руками.

— Не могу плакать, — сказала она.

— Я тоже не мог плакать, когда мама умерла. Сначала совсем не мог. — Я затушил сигарету.

— Можно стрельнуть у тебя сигаретку? Ты меня искушаешь.

Я щелкнул зажигалкой и заметил буквы, вытатуированные на внутренней стороне ее запястья, но слов разобрать не сумел — было слишком темно и у Норы дрожали руки.

— Конечно, это слабое утешение, — сказал я, — но Коулман, которая работает над этим делом, — отличный детектив. Она обязательно поймает ублюдка, который это сделал.

— Нам она ничего не сказала. Отца сбила машина в полуквартале от ресторана, но она не смогла там найти никаких зацепок. Ничего.

— Она найдет. Просто на это нужно время.

— Я так и знала.

— О чем ты?

— Что-то ужасное должно было случиться. Помнишь, после одиннадцатого сентября ресторан подожгли? Полиция так и не выяснила, кто это сделал. После этого папа вывесил огромный флаг, как будто нужно доказывать, что мы не террористы. Я уговаривала его продать бизнес, постоянно уговаривала. Но он не хотел, ему здесь нравилось. Бог знает почему.

Она как будто разговаривала сама с собой, спорила с прошлым, словно могла таким образом

изменить его. Как будто прошлое можно изменить. Я пережил то же самое, когда умерла мама. Однажды вечером вернулся домой с тренировки по бейсболу — похвалы тренера все еще звучали в ушах, мини-юбка Мэдди Кларк, кричавшей мне что-то с трибун, будоражила воображение, улыбка от шуток товарищей по команде все еще играла на губах — и обнаружил маму без сознания в коридоре с сумочкой на груди и почтой в руке. Я бросился к телефону, параллельно пытаясь вспомнить, что рассказывали на уроках оказания первой помощи, которые были у нас два года назад в седьмом классе. Что я должен сделать? Проверить пульс? Повернуть ее или оставить лежать на боку? Я осторожно повернул ее на спину, похлопал по щекам, расстегнул воротник. Мне удалось нащупать у нее пульс, но разбудить ее я не смог, не смогли и врачи, которые приехали на «скорой». К тому времени, как отец и сестра приехали в медицинский центр «Хай-Дезерт», она уже умерла. Легочная эмболия. До сих пор помню с поразительной ясностью, как в бесцветном больничном коридоре отец пытается объяснить врачу, что это, должно быть, какая-то ошибка, этого просто не может быть. Она не больна, только чуть-чуть кашляет.

Но никакой ошибки не было, мама умерла. Когда я вернулся в наш опустевший, темный дом, ее там не было. Она не окликнула меня из спальни и не спросила: «Ты что, еще не спишь? Ложись скорей, завтра в школу». Утром она не потягивала кофе, облокотившись на столешницу и глядя в окно на новый день. И не спросила: «Ты не забыл вчера вынести мусор? Какой-то странный запах». Не взъерошила мне волосы, не поинтересовалась, хорошо ли спал. Я вообще не спал, ни в ту ночь, ни во многие, последовавшие за ней. Слишком ощутимым было мамино отсутствие, я не мог позволить снам завладеть мною.

На похороны приехали тети Аура и Эстелла из Эль-Монте, прилетел дядя Пол из Орегона. Они купили мне черный костюм, помогли завязать галстук и рассказали множество историй о маме, которые я раньше не слышал: как мама выиграла второе место в танцевальном конкурсе на фестивале в округе Оранж; как она покрылась волдырями, когда сдавала экзамен на право работать учительницей в школе; как она могла сыграть на слух любую, даже самую сложную мелодию на скрипке; как всего через три недели после рождения Эшли она отправилась в Сонору помочь попавшей в беду кузине. Все эти истории

рассказывались, чтобы утешить меня, но только еще больше мучили. Мне хотелось, чтобы все родственники поскорей уехали. Потом они уехали, дом снова опустел, и я пожалел, что никто из них не задержался подольше. В школе я почувствовал себя чужаком. Товарищи по джаз-банду подарили открытку с соболезнованиями, которую все подписали, но весенний концерт я пропустил и чувствовал себя лишним, когда они обсуждали его. Несколько ребят из бейсбольной команды подошли, чтобы выразить соболезнования, но во время обеда сторонились меня, как будто мое горе было заразным. А когда я вернулся домой, отец сидел в темноте, пил и смотрел в одну точку. В доме стояла такая глухая и неумолимая тишина, что Эшли ушла ужинать к Джонсонам, шумным соседям, жившим через два дома от нас.

— Пап, хочешь, просто поужинаем хлопьями? — предложил я.

— Как хочешь, — ответил отец.

Домашнее задание я делал в гостиной и, чтобы заполнить тишину, включил телевизор. Звук, как ни странно, успокаивал, хотя и мешал сосредоточиться. Я читал и перечитывал одни и те же три-четыре строчки в учебнике, а мысли мои постоянно возвращались в те далекие дни,

когда мама была жива и здорова. Она никогда больше не придет смотреть, как я играю в бейсбол с командой, в которую с таким трудом попал, не подскажет, как правильней держать музыкальную интонацию во время игры на гитаре, не притворится, что смеется моей глупой шутке. Я даже не осознавал, насколько близки мы были, пока она не умерла.

Потом Эшли начала ходить с Джонсонами в церковь, где по вторникам и четвергам проводились популярные занятия по изучению Библии. В такие вечера она возвращалась домой с довольным выражением лица, и я уверен, что это выражение не могло быть вызвано исключительно угощением, без которого не обходилось ни одно занятие. Родители регулярно посещали церковь, хотя и не сыпали цитатами из Писания, не раздавали религиозные буклеты соседям и не закатывали глаза при слове «эволюция», как Джонсоны. Но теперь отец по воскресеньям даже из дому не выходил.

— Пап, мне приготовить макароны с сыром? — спрашивал я.

— Как хочешь, — отвечал отец.

Я начал приходить домой пораньше, чтобы успеть приготовить ужин. Я слишком часто

пропускал тренировки, и меня исключили из бейсбольной команды. В сентябре, когда самолеты врезались во Всемирный торговый центр в Нью-Йорке, отец распрямился в своем кресле и впервые обратил внимание на телевизор. С тех пор он смотрел «Фокс ньюс» с такой громкостью, что я уходил к себе в спальню, якобы для того, чтобы делать уроки, хотя большую часть времени что-то читал или играл на гитаре. Учился я теперь плохо.

Зато готовил хорошо. Почти каждый вечер к семи у меня было готово основное блюдо и гарнир к нему. Отец съедал все, что я перед ним ставил, но Эшли всегда спешила к Джонсонам и никогда не доедала свою порцию, приходилось доедать за нее. Я сильно растолстел, и в основном не в тех местах, в каких следовало. Когда я шел по школьному коридору, мне казалось, что все пялятся на сиськи, выросшие у меня под футболкой. Теперь, когда я здоровался с Мэдди Кларк, она брезгливо ворчала что-то в ответ. Всего несколько месяцев назад я на голову возвышался над остальными мальчиками, а теперь стал еще более заметным, но странным образом чувствовал себя невидимкой. Дни превратились в череду механических действий: подъем, дорога в школу, возвращение

домой, готовка ужина, сон, и все заново.

До маминой смерти я планировал поступить в университет, изучать логопедию. В детстве у меня были трудности с произношением и понадобилось несколько месяцев терапии, чтобы преодолеть их. До сих пор помню, какой радостью для меня была эта победа. А поскольку мама преподавала детям, для которых английский был неродным, мне казалось, что такая карьера — работа с детьми — мне подойдет. Но в декабре, в выпускном классе, когда пришло письмо о приеме в институт, энтузиазм мой уже угас, и я не был уверен, что логопедия — это мое.

— Пап, как ты думаешь, мне поступать? — спросил я.

— Как хочешь, — ответил отец.

Мне трудно было избавиться от ощущения, что теперь я сам себе родитель. Я ходил за продуктами, готовил и стирал. Когда у Эшли начались месячные, именно я пошел с ней в магазин за тампонами. У отца постоянно возникали проблемы с деньгами, поэтому я нашел подработку в кафе-мороженом. Денег все равно не хватало, и каждый месяц мне приходилось решать, какие счета оплачивать, а какие оставлять без внимания. Я хотел, чтобы хотя бы в этот раз

отец помог мне, направил меня, поговорил бы со мной о будущем, помог сделать выбор. Если ему это было не по силам, он мог хотя бы прийти на наше выступление. Хоть один раз. Перед каждым концертом джаз-банда средней школы Юкка-Вэлли я прилеплял к холодильнику флаер, на котором маркером были обведены дата и место, где пройдет концерт. Я выходил на сцену с гитарой и внимательно огладывал зал в надежде разглядеть отца. Но он так ни разу и не пришел, а вот Норин отец был там каждый раз. До сих пор помню, как бешено я завидовал Норе, когда видел мистера Геррауи в первом ряду. В его взгляде светилась гордость, то, чего я никак не мог разглядеть в глазах собственного отца.

Я взглянул на Нору. Кончик ее сигареты оброс пеплом.

— Осторожно, — предупредил я, — обожжешься.

Нора посмотрела на сигарету, словно не понимая, откуда та взялась у нее в руке. От непроизвольного движения пепел упал и рассыпался по тыльной стороне ее ладони. Она смахнула пепел, потом снова заглянула через стеклянные двери в гостиную. Толпа наконец поредела, осталось всего несколько человек. Нора встала.

— Еще раз спасибо, что пришел, Джереми. — Она проводила меня обратно через весь дом до двери.

На этот раз я не остановился, когда проходил мимо фотографии на стене в прихожей.

Мариам

Я старалась не заснуть, поэтому включила радио и искала на волнах передачу Клаудии Корбетт. Обычно она идет в обеденное время, и я слушаю, пока чищу картошку и режу петрушку, но из-за популярности программу повторяют в десять вечера. В тот вечер на передачу позвонила молодая женщина и рассказала, что вышла замуж всего полгода назад, и что они с мужем уже ссорятся, потому что он хочет переехать в Портленд, чтобы стать фотографом-натуралистом, а ей не хочется терять работу в страховой компании в Солт-Лейк-Сити, и что ни один из них не готов изменить решение. «Послушайте, — резко ответила ей Клаудия, как она иногда делает, когда позвонивший начинает нести чушь и не желает признавать очевидного, — никто не говорил, что брак — это легко. Брак — это работа».

Когда мы тридцать пять лет назад переехали в Америку, на многие вещи я просто не знала, как реагировать: оружейные магазины рядом с парикмахерскими, автострады, переплетенные друг с другом, будто нити в клубке пряжи, люди,

которые стучатся в дверь, чтобы поговорить об Иисусе, двадцать видов молока в продуктовом, знаки с надписью «Даже не думай тут парковаться». Помню, как я показывала один такой Дриссу. «Здесь даже есть знаки, запрещающие думать!» Но больше всего меня поражало то, как любят американцы исповедоваться на телевидении. Мужчины рассказывали о своих интрижках, пагубных привычках и зависимости от азартных игр, женщины делились проблемами лишнего веса, говорили о пластических операциях и внебрачных детях; даже подросткам было что сказать, в основном о своих ужасных родителях. И все это было вроде как в порядке вещей. Я не могла оторваться. Телевизор стоял на шкафу с хозяйственным инвентарем в задней части пончиковой, и, пока я мыла посуду или полы, я смотрела «Салли» или «Донахью», которых тогда показывали в середине дня, когда в заведении было тихо. Брат говорил, что телевизор поможет мне лучше понимать английский, я и правда выучила много новых слов, таких как *«тест на отцовство», «искусственное оплодотворение»* и *«эпидемия СПИДа».* Но главной моей проблемой были не незнакомые слова, а произношение, я легко могла сказать «стол», имея в виду «ствол»,

или «тугой» вместо «другой». Мне не хватало практики. В Касабланке у меня было две сестры, три дяди и восемь кузенов, а здесь, в Калифорнии, от всей моей семьи остался только брат, и то, чтобы увидеть его, надо было проехать двести с лишним километров. Я не осознавала, как это далеко, пока мы не перестали видеться каждый день и не начали встречаться не чаще раза в месяц, а иногда и того реже. Я как будто потеряла всех родных, стала сиротой, и для меня это оказалось самым трудным в новой американской жизни.

Однажды мы пошли в «Стейтер бразерс»[8] на 62-й. К тому времени мы прожили в Мохаве уже почти девять месяцев, но это была наша первая зима здесь, и мы еще не привыкли к холоду, поэтому я укутала Сальму в зеленое шерстяное пальто, которое купила для нее в секонд-хенде. Она сидела в тележке для покупок, это было еще одним непривычным для меня американским новшеством, но ей нравилось кататься по магазину, а я не видела в этом ничего плохого. Я просмотрела купоны, которые мы вырезали из газеты, и нашла скидку на резаные помидоры в

[8] Примечания: 8
Сеть продуктовых магазинов.

банке, но ни на одной полке в этом магазине их не было. «Уверен, у них есть эти помидоры», — сказал Дрисс. Он всегда был таким, всегда верил, что все получится, даже если дело касалось глупых мелочей, поэтому он искал банку, а я ждала и тряслась от холода в джинсовой куртке. Тут мимо нас прошла покупательница с тележкой, от нее пахнуло ароматом розовой воды, и в то же мгновение я оказалась в Касабланке рядом с сестрами. Мы накручиваем волосы на бигуди и красим губы помадами разных цветов, любуемся на себя в зеркале на туалетном столике, под рамку которого вставлена фотография Шадии[9]. Ее великолепную прическу, пышный начес, мы и пытаемся повторить. Радио включено, мы ждем, когда диджей поставит композицию «Би Джиз», позже к нам придут друзья, и все вместе мы пойдем в кино, смотреть фильм с Рошди Абаза в главной роли.

Сама не зная почему, я пошла за этой женщиной по проходу, вдоль большого холодильника, из которого она взяла молоко, масло, яйца и сок в таком количестве, что хватило бы на большую

[9] Примечания: 9

Шадиа — египетская актриса и певица. Известна ролями в легких комедиях и драмах 1950–1960-х годов. Символ золотого века египетского кино.

семью. Затем мы прошли к угловой витрине, на которой она выбрала новый ланч-бокс с картинкой из кинофильма «Инопланетянин»: инопланетянин и мальчик соприкасаются пальцами, и между ними мерцает лучик света. У женщины были длинные каштановые волосы почти такого же оттенка, как у меня, только она расчесывала их на прямой пробор, и помню еще ее пальто с огромными подплечниками по тогдашней моде. Она перешла в другой отдел и стала выбирать муку для выпечки из десятков вариантов, красовавшихся на полке.

— Здравствуйте, — сказала я. Женщина обернулась, вопросительно приподняв брови, ее губы растянулись в неловкой улыбке.

Мне хотелось сказать ей: «Меня зовут Мариам. А вас как зовут? Вы живете поблизости? Чем вы занимаетесь? У вас есть дети? У меня дочь, ей три года. Вы не хотите как-нибудь выпить со мной чаю? Вы хотите испечь торт? Я знаю отличный рецепт. Но эту муку брать не стоит, она не подходит для тортов». Но, когда я открыла рот, ничего этого сказать не получилось, слишком сильно колотилось сердце.

— Да? — спросила она. — Вам помочь?

— Это плохая му́ка.

— Что?

Потом я запомнила, что надо проговаривать слова про себя, прежде чем произносить их вслух, так меня учили в школе, когда мы читали стихи Аль-Хансы или Аль-Мутанабби и нельзя было произнести их с неправильной интонацией или как-то не так выговорить слова, но в тот день я забыла об этом и чувствовала только, как чужой язык предает меня.

— Это, — повторила я, — плохая му́ка.

Женщина удивленно посмотрела на полки.

— Я не понимаю.

— Слишком толстая.

— Простите, я совершенно не понимаю, что вы пытаетесь мне сказать.

Только теперь, когда я подошла к ней совсем близко, я разглядела у нее над верхней губой родинку, такую же, как у моей младшей сестры. Это было неожиданно, и я растерялась еще больше. Я и так уже все испортила и боялась сделать ситуацию еще хуже, поэтому просто показала на муку, погладила живот и улыбнулась, надеясь, что покупательница поймет мою мысль. Она удивленно мотнула головой и рассмеялась, показав кривые желтые от кофе зубы, потом положила в тележку коробку смеси для выпечки и ушла. Я

стояла рядом с полкой, на которой красовались баночки с кондитерской глазурью, и плакала. Там Дрисс и нашел меня, рыдающую рядом с глазурью.

— Что случилось? — спросил он и взял меня за руку. Я не знала, как объяснить, что ничего не случилось и в то же время все было не так, как нужно. Сальма смотрела на меня из тележки, и я быстро вытерла лицо, не хотелось ее расстраивать, особенно после того, как она радостно махнула мне банкой резаных помидоров, будто это был приз. Утешительный приз.

— А где купон? — спросил Дрисс.

У меня его не было — я обронила его где-то по дороге, пока преследовала женщину с тележкой. Я попыталась пройти свой путь в обратную сторону, но так и не нашла маленький конверт, в котором мы хранили все наши купоны. Несколько недель мы вырезали эти купоны, и Дрисс рассердился, потому что теперь надо было больше заплатить за продукты. Он ругался со мной по этому поводу, пока мы стояли в очереди к кассе. Тогда мы только начинали свой бизнес и нужно было экономить на всем. В те годы мы много работали, слишком много, и, возможно, нам следовало бы поработать и над нашим браком, как совето-

вала Клаудия Корбетт. В тот вечер я слушала ее в машине и думала, что нам стоит попробовать начать все сначала, перестать спорить из-за любой мелочи, научиться прощать себя и особенно друг друга, за ошибки, которые совершаем, но, когда я вошла в дом, Дрисса там не было. Обычно он сидел в своем кресле и разгадывал кроссворды — так он совершенствовал английский, просто одержим был поиском верного ответа и почти никогда не смотрел в мою сторону, когда я шла мимо него на кухню. Но, как я уже сказала, в тот вечер кресло пустовало, а на мой звонок он не ответил, и тогда я позвонила Сальме. На часах было девять сорок. Я точно помню, потому что, пока разговаривала с Сальмой, смотрела на часы на микроволновке, и она сказала, что не стоит волноваться, может, у него проблемы с машиной или сотовый разрядился. А через час приехала полиция.

Нора

Во сне я вновь оказалась в том мире, в котором папа был еще жив. Мы сидели вместе в светлой комнате, и пахло полынью, которую он добавлял в мятный чай. Он решал кроссворд и грыз колпачок ручки, обдумывая ответ на какой-то вопрос. «Пять букв, Нора. Отец всего, король над всем сущим. Что думаешь?» — «Война», — ответила я, не поднимая головы от пианино. «Точно! Спасибо, Норайни». Потом я открыла глаза, и стены спальни надвинулись на меня, их яркая и пустая белизна давила. Тяжесть повисла на плечах, как ненужное пальто в жаркий день. Просыпаться теперь было труднее всего: в момент пробуждения я вспоминала, что его больше нет.

Я повернулась на бок и свернулась калачиком. С комода на меня смотрела юная версия меня самой, там стояла фотография нашего джаз-банда, сделанная прямо перед школьным концертом в выпускном классе. Черное платье, волосы стянуты в строгий пучок, недовольная мина на лице. Как же мне не терпелось тогда поскорей уехать из дома! А сейчас я бы многое отдала, чтобы про-

вести с ним здесь еще один день. Я закрыла глаза в надежде снова заснуть, но все было бесполезно, сна ни в одном глазу. Одевшись, я включила Колтрейна и устроилась на кровати с ноутбуком, чтобы написать директору. Я заменяла учительницу английского языка, которая ушла в декретный отпуск, и мне необходимо было объяснить директору школы свой неожиданный отъезд — ведь я сразу же уехала из Окленда, как только услышала о несчастном случае. В письме я описала ситуацию и выразила надежду еще поработать в школе, хотя и знала, что он найдет мне замену и такую хорошую стабильную работу мне уже не найти. И тут из прихожей послышались голоса.

Когда через пару минут я вошла в гостиную, на кожаном диване, скрестив ноги, сидела детектив Коулман с папкой на коленях. У нее были темные глаза и длинные ресницы, торчавшие, как сосновые иголки. Правую бровь пересекал небольшой шрам. Мама держала в руках фотографию в рамке и показывала ее детективу. «Это 1980 год, до того, как мы переехали в Калифорнию».

— Здравствуйте, — сказала я, детектив встала и пожала мне руку.

Но стоило Коулман сесть, как мама заговорила

снова.

— Это мой муж Дрисс, а это я. Между нами наша дочь Сальма. Ей тогда было два года. А это… Нора, как называется башня, которая предупреждает корабли в море?

— Маяк.

— Точно. А позади нас маяк в Касабланке.

— Вы приехали из Марокко, миссис Герраури? — спросила Коулман.

— Да, в восемьдесят первом году. Это долгая история.

— Принести вам что-нибудь, детектив? — предложила я.

— Кофе, если у вас есть. Но, пожалуйста, не утруждайтесь только ради меня.

Я пошла на кухню, высыпала из кофеварки спитой кофе и засыпала новый. Много лет подряд отец рассказывал эту историю о своей прежней родине, я столько раз слышала его рассказ; слушать это снова было просто невыносимо. «Была суббота», — говорил он. Так он начинал каждый раз. «Была суббота. Последняя суббота перед экзаменами». Думаю, он так любил рассказывать об этом, потому что его история казалась ему воплощением американской мечты: Иммигрант Пересекает Океан, Открывает Бизнес, Добивается

Успеха.

Он рассказывал ее время от времени, просто чтобы напомнить себе, что все у него сложилось хорошо. Но все изменилось одним сентябрьским утром. Во всяком случае, для меня. Я первая почувствовала запах дыма. Я крутила ручку радиоприемника в машине, пыталась поймать станцию, по которой не передавали бы рекламу. Рядом со мной отец барабанил пальцами по рулю в ожидании, когда светофор переключится на зеленый.

— Просто поставь новости, — сказал он.

Но от новостей меня уже тошнило. Поэтому я и настояла на том, чтобы поехать с папой на работу в это субботнее утро. Я не могла больше всего этого выносить. Я выбрала станцию с классической музыкой, откинулась на спинку сиденья и погрузилась в многоцветье звуков. И тут запахло дымом. Когда папа свернул налево, на 62-е шоссе, я увидела поднимающийся к небу серый столб дыма. Сначала я решила, что горит машина или пропановый баллон, но, когда мы подъехали ближе, поняла, что дым идет из пончиковой.

Мы свернули за угол и увидели, что «Пончики Алладина» горят, как стог сена. Отец в ту же минуту выскочил из универсала и вытащил из

кармана мобильник, и тут к нам подбежал мистер Мелендес из магазина «7-Eleven» через дорогу.

— Я позвонил девять-один-один, — сказал он.

Мистер Мелендес рассказал, что менял бумагу в кассовом аппарате, когда услышал визг шин. Он не придал этому значения, но вскоре почувствовал запах дыма, проникавшего сквозь дверь, — смесь бензина, гари, плавящегося пластика и карамелизующегося сиропа. Годы спустя запах дыма, даже если он исходил от барбекю на пляже, пробуждал во мне воспоминание об этом поджоге. Я стояла тогда рядом с отцом и смотрела, как пламя лижет вывеску пончиковой, пока стеклянная рама не треснула. Какофония сирен вдалеке становилась все громче, она переросла в оглушительный рев, когда пожарные подъехали к стоянке. Под струями брандспойтов дым стал мутно-белым, у меня заслезились глаза и защипало в носу.

Причину возгорания обнаружил младший офицер пожарной охраны округа Сан-Бернардино: кирпич, завернутый в пропитанную горючим веществом тряпку.

— Самодельная, — констатировал он.

— Знаю, — ответил отец. Потом он сказал, что видел такие штуки во время протестов в Каса-

бланке в 1981 году. Он разглядывал кирпич и в недоумении качал головой. Думаю, папа в этот момент неожиданно для себя осознал, что преодолел больше 9000 километров, чтобы поселиться в безопасной стране, и вот теперь, даже в этой стране, он не в безопасности.

Когда мы вернулись домой, мама сидела в той же позе, в какой мы оставили ее в шесть утра. Она сидела на диване, поджав под себя одну ногу, и смотрела новости, где бесконечно повторяли кадры с горящими нью-йоркскими башнями-близнецами.

Увидев нас, она встала.

— Что случилось? — спросила мама.

Отец рассказал ей.

Я прошла мимо них к себе в спальню, сняла пропахшие дымом футболку и джинсы. Но даже после душа запах сажи преследовал меня. Ею пропахли все волосы. Из гостиной доносился вечный саундтрек моей жизни: родители кричали друг на друга.

— Мы должны уехать, — говорила мама.

— Куда?

— Вернуться домой. В Касу.

— Мы не можем вернуться, Мариам.

— Конечно можем. — Мама убеждала отца,

что в Марокко сейчас все не так, как прежде, что теперь все по-другому. Но папа так не считал. К тому же он прижился в Мохаве и больше не мог себе представить жизнь в таком большом городе, как Касабланка. — Поселимся в Марракеше, тебе всегда там нравилось.

— А как же Нора? Она еще не окончила школу. Нет-нет. Мы не можем переехать.

Даже после того, как я вернулась в гостиную, они продолжали говорить обо мне, будто меня рядом не было. Они спорили день изо дня, беспрерывно. И чем больше они спорили, тем чаще мама обращалась к Корану. После терактов именно в нем она нашла утешение и читала его каждое утро после выпуска новостей, чтобы успокоится. За обеденным столом она часто цитировала священную книгу на арабском со своим идеальным произношением, которое никто из нас никогда не смог бы повторить. И она снова начала молиться. Раньше мама никогда не проявляла такого интереса к религии, а отец принял эти перемены, хотя они и застали его врасплох. Однако когда однажды вечером он пришел домой и обнаружил все свое пиво в мусорном ведре, он отправился спать, не сказав маме ни слова.

Так продолжалось восемь месяцев — этот пе-

риод я назвала потом холодной войной. Каждое утро мама доставала пиво из холодильника, выливала его в раковину и выкидывала бутылки в мусорное ведро, а отец каждый вечер приносил домой новую упаковку из шести бутылок. Когда он поставил в гараже отдельный холодильник, она набила его мясом и овощами. Отец жаловался, что у него нет свободы в собственном доме; мама возражала, что не чувствует себя в безопасности. Он стал реже бывать дома, она стала ходить на карате.

Боевые действия утихли после того, как отец получил страховое возмещение и купил на эти деньги старый ресторанчик. Он назывался «Закусочная». Более американского названия и не придумаешь.

— Все теперь наладится, — обещал он маме. — Вот увидишь.

Так закончилась холодная война, и в дом вернулся шаткий мир. Но в результате этого годового противостояния я не могла дальше жить дома; бесконечные ссоры родителей стали невыносимы. Колледж рисовался мне тихой гаванью, и я отчаянно хотела уехать.

К тому моменту, как я вернулась с кофейным подносом, мама уже поставила фото обратно

на каминную полку, втиснув его между цветной свадебной фотографией Сальмы и Тарека и отпечатками ручек близнецов в рамке. Другая фотография отца, вынутая из рамки, лежала на журнальном столике перед Коулман.

— У вас есть дети, детектив? — спросила мама.

— Да, — ответила Коулман. — Мальчик. Майлз.

— Сальма — стоматолог. Она отлично ладит с детьми.

Я налила детективу кофе.

— Майлз в честь Майлза Дэвиса?

— Нет, в честь Майлза Эйкена. Муж любит баскетбол.

Коулман отпила кофе и подождала, пока я сяду, прежде чем открыть папку.

— Миссис Геррауи, вскрытие подтвердило, что ваш муж стал жертвой дорожно-транспортного происшествия. Водитель машины, сбившей вашего мужа, скрылся с места происшествия. Мистер Геррауи получил многочисленные травмы как непосредственно от удара в правую часть тела, так и от последующего падения на тротуар: перелом бедра и пяти ребер, пробитое легкое и кровоизлияние в мозг. Судя по всему, он переходил Шестьдесят второе шоссе на перекрестке с Чемеуэви, шел к месту, где припарковал машину,

когда его сбил автомобиль или пикап, ехавший на восток, в результате чего его отбросило на северную сторону Чемеуэви. Судмедэксперт сказал, что степень тяжести полученных травм позволяет предположить, что он скончался почти мгновенно. Скорее всего, смерть насупила около половины десятого вечера двадцать восьмого апреля.

Каждый раз, когда я думала о несчастном случае, я пыталась представить себе эту сцену, которую была бессильна предотвратить и которая обрела вдруг неожиданную четкость. Новые подробности только усугубили мои страдания. Я не знала, что он ударился головой и что у него было пробито легкое. Как долго он умирал? Мерил ли он время, считая вдохи, ожидая, что кто-то придет к нему на помощь? Новая боль пронзила меня, такая острая, что захотелось закричать.

Коулман замолчала. Думаю, она решила дать нам время переварить новости. На другом конце дивана кошка подняла мордочку, понюхала воздух и выбежала из гостиной.

— Аль-Лятиф[10], — прошептала мама, — Аль-Лятиф.

---

[10] Примечания: 10
Одно из имен Аллаха, упомянутых в Коране, «Всемилостивый».

— Хочу добавить, — сказала Коулман, — что обычно на этом этапе расследованием занимается дорожная полиция, но я уже три дня веду дело, и они попросили нас довести его до конца.

Облегчение скользнуло в мамином взгляде, она была рада, что ей не придется заново рассказывать все кому-то новому и незнакомому. Коулман достала еще один листок из папки с документами, и я заметила, что у нее обкусанные ногти. С этой привычкой я боролась всю начальную школу и победила ее только в средней. Вкус специального лака, которым я покрывала ногти, чтобы перестать их грызть, вернулся ко мне с прежней остротой. Сильный. Горький. Устойчивый.

— Также у меня есть предварительный отчет криминалистов, — сказала Коулман.

Надежда шевельнулась во мне. Телешоу научили меня, что на месте преступления, при вскрытии, в лабораторном анализе всегда находят улики. Я приготовилась услышать об отпечатках пальцев, следах ДНК, о небрежно выкинутом из окна окурке, о следах шин на асфальте, о пряди волос, извлеченной пинцетом из сточной канавы. Вместо этого Коулман заговорила об автомобильной краске.

— Криминалисты обнаружили микроскопиче-

ские частицы краски на одежде жертвы, вероятно от машины, которая его сбила. Белая краска, судя по всему.

— А часто машины красят в белый? — спросила я.

— Боюсь, очень часто. Большинство моделей.

— Значит, это все равно что искать иголку в стоге сена.

Лицо Коулман смягчилось.

— Я бы не стала делать такие выводы. Необходимо дождаться полного лабораторного отчета. Когда они закончат анализ, они смогут точно определить цвет машины и, возможно, сумеют сказать о ней что-то еще.

— А свидетели? — спросила мама. — Неужели никто ничего не видел?

— Нет, миссис Геррауи. Мы обошли дома и конторы рядом с местом преступления, но не смогли найти ни одного свидетеля. Я продолжу поиски. Опубликую объявление с просьбой о помощи в газете «Хай-Дезерт стар». Для этого я и попросила у вас фотографию, — детектив постучала пальцем по фотографии, которую мама вынула из рамки и положила перед ней на журнальный столик.

Я вспомнила, что Джереми Горецки хвалил детектива Коулман. Да, она и правда казалась

милой, было очень любезно с ее стороны прийти к нам сразу же после того, как я позвонила в участок и поинтересовалась, нет ли какой-то новой информации. И все же расследование как будто не особо продвигалось. Прошло три дня, и за это время убийца мог спрятать машину, перекрасить ее, избавиться от нее. Черт, он, скорее всего, сделал и то, и другое, и третье. Меня захлестнула волна горя, на мгновение я словно онемела. То, что произошло, не имело никакого смысла. Отец так ловко, всю свою жизнь, уворачивался от несчастий: протесты в Касабланке заставили его переехать в Калифорнию; после поджога он сумел купить закусочную. И вот беда все-таки настигла его.

Коулман закрыла папку и сунула ручку в карман рубашки.

— Спасибо за фотографию, — сказала она.

Мама потянулась к кофейнику.

— Еще кофе.

— Нет, спасибо, миссис Геррауи. Я лучше пойду.

— Мне завтра позвонить вам? — спросила я.

— Если хотите. Но я сама позвоню, как только появятся новости.

Я проводила детектива до двери и смотрела,

как она выезжает на патрульной машине задним ходом с подъездной дорожки. Ветер разносил по дороге пыль и грязь. Лай койота вдалеке превратился в вой.

Дрисс

Была суббота. Последняя суббота перед экзаменами. Мне хотелось отдохнуть от Канта и Шопенгауэра, и я решил выпить кофе с другом Брагимом в небольшой кондитерской в центре Касабланки, неподалеку от Парка Арабской лиги. С Брагимом мы познакомились пару лет назад на вечеринке по случаю выхода зимнего номера журнала «Ламалиф». Мы оба опубликовали стихи в этом номере. Мои были ужасны, я признаю это сейчас, но мой друг был талантливым поэтом. Позже он опубликовал еще несколько стихотворных подборок и подумывал выпустить сборник. Я же относился к поэзии как к любимому хобби, не более, а основные стремления и мысли посвящал гораздо более серьезным вещам. У нас с Мариам недавно родилась малышка, и мне нужно было закончить аспирантуру, чтобы получить хорошо оплачиваемую работу преподавателя.

Не помню, о чем мы с Брагимом говорили в тот день. Это был обычный день, хотя в том году много чего происходило: война в Сахаре тянулась уже шестой год, цены на муку и масло

катастрофически выросли, а профсоюзы призывали к всеобщей забастовке. Той весной почти каждую неделю организовывались какие-нибудь антиправительственные протесты. Но я точно помню, что о политике мы не говорили — мы были слишком озабочены предстоящими экзаменами, надеялись, что сдадим их с первого раза и остаток лета сможем немного отдохнуть. Мы потягивали кофе, оба любили черный, без сахара и молока, и запивали его водой. Потом у выхода из кафе мы попрощались друг с другом и разошлись в разные стороны. Внезапно я понял, что уже половина второго и я опаздываю на обед. Жене это не понравится. Я шел по рю Гуро, и тут из окна квартиры с третьего этажа меня окликнула пожилая женщина.

— Сынок, ты что делаешь на улице? — спросила она и потянула на себя ставни. — Иди скорей домой, сейчас опасно.

— Почему, бабушка? — спросил я.

Она указала в сторону бульвара Хасана I. Я не поверил ей до конца, нырнул в соседнее здание и поднялся на крышу, чтобы понять, что происходит. Стоя среди телевизионных антенн, я увидел, как по бульвару колонной едут танки — прямо на толпу протестующих на перекрестке. За ними

вдалеке в небо поднимались клубы черного дыма. Липкий знакомый страх охватил меня. Как мне теперь попасть домой? Может быть, стоит вернуться к Парку Арабской лиги и сесть на автобус или попробовать поймать такси? Я перешел на другую сторону крыши, чтобы посмотреть, безопасно ли на рю д'Алжэр, но там на тротуаре стоял джип с красно-зелеными полосками. Внезапно он сорвался с места и сбил двух подростков, которые убегали с бульвара, потом свернул и погнался за другим подростком. Это была девочка. На вид ей было не больше пятнадцати-шестнадцати лет. С другого конца улицы полицейский фургон перегородил ей дорогу и загнал ее в угол у аптеки с неоновой вывеской, на которой был изображен полумесяц. Потом из джипа выскочил полицейский и начал избивать девочку дубинкой. Красный кровавый нимб растекался вокруг ее головы.

Я помню, что подумал тогда: «Ну, вот и все. Это конец режима». Разве сможет он существовать, убивая собственных детей средь бела дня? Однако не успел я подумать об этом, как один из полицейских заметил меня на крыше, поднял пистолет и прицелился. Даже с высоты четырех этажей я разглядел направленный на меня черный ствол.

Я упал на колени и по свистящему звуку понял, что пуля пролетела мимо. Прижавшись спиной к стене, я ждал, когда на лестнице раздастся топот полицейских сапог. Я прождал так весь день. И ждал дальше, когда наступила ночь. До меня доносились звуки сирен полицейских машин. Визг шин. Звон бьющегося стекла. Крики людей. Шум ветра в пальмах.

Рассвет принес с собой зловещую тишину. Я спустился по лестнице, пересек пустой подъезд, прошел по улице, засыпанной стеклом от разбитых витрин, мимо окровавленного трупа, который все еще лежал под мерцающей неоновой вывеской, и пришел домой, где Мариам сходила с ума от беспокойства. Она тоже не спала всю ночь, прислушивалась к шагам за дверью, надеясь услышать мои шаги и одновременно боясь, что это окажется кто-то другой. Она не знала, жив я или мертв, но в полицию пойти не решилась. Если бы меня арестовали, расспросы в полиции ни к чему бы не привели, они не дали бы жене правдивой информации. А если бы не арестовали, ее расспросы вызвали бы лишние подозрения, послужили бы доказательством того, что я принимал участие в протестах.

— Меня не арестовали, — сказал я и взял ее за

руку, чтобы успокоить. — Все в порядке.

Но когда я рассказал Мариам о полицейском, который наставил на меня пистолет, она запаниковала.

— Ты уверен, что за тобой не следили? — Она испуганно посмотрела на дверь.

— Уверен, — сказал я. — Никто не следил.

Но страх не отпускал нас, и днем мы узнали от сестры Брагима, что он арестован. Никто не знал, где его держат. Забрали еще несколько знакомых мне аспирантов. Их наверняка заставят выдать имена предполагаемых сообщников, это был лишь вопрос времени. Мариам считала, что я чудом избежал той же участи, и поклялась, что никогда не позволит этому повториться. Ее старший брат жил в Калвер-Сити и предлагал нам стать спонсором, чтобы мы смогли получить визы в США.

Мариам сказала, что хочет уехать.

Через несколько месяцев мы приземлились в международном аэропорту Лос-Анджелеса, но довольно быстро обнаружили, что «Золотой штат» переживает серьезный экономический кризис. Дома, в Касабланке, жена работала секретаршей в приемной врача, но в Калифорнии работы не было, тем более для недавно приехавших и плохо

говорящих по-английски. А я был аспирантом философского факультета и умел лишь разглагольствовать о Сартре и Левинасе. Но в роду у меня были пекари — мой отец и дед всю жизнь этим занимались, — и, услышав от брата Мариам, что в Мохаве выставлена на продажу пончиковая, я понял, что мы должны ее купить.

— Ты хочешь купить пончиковую? — удивилась Мариам.

Она не могла поверить, что аспирант, который еще совсем недавно так горячо возмущался бедственным положением рабочих, страдающих от гнета капиталистов, вдруг захотел открыть свое дело. Я объяснил ей, что терять нам нечего, кроме футона, на котором мы спим с тех пор, как сюда прилетели. Кроме того, я заметил, что именно она отчаянно хотела переехать в Америку и что нельзя сидеть сложа руки.

Перед отъездом из Касабланки мы продали мою машину, драгоценности жены и все остальное имущество, но выручили за это всего несколько тысяч долларов. Поэтому деньги мы заняли у брата Мариам и пустили их все на покупку и обустройство пончиковой, которую назвали «Пончики Алладина». Я перекрасил стены, починил расшатавшиеся стулья и заменил светильники. В

меню над прилавком была перечислена выпечка, которую я готовить не умел: яблочные оладьи, булочки с корицей, медвежий коготь[11]. Я сорвал это меню и решил, что буду продавать только пончики и кофе. Американские пончики не так уж сильно отличаются от нашего марокканского сфенжа, и я экспериментировал с тестом до тех пор, пока оно не стало таким же мягким, к какому я привык с детства.

Первый год мы с Мариам и Сальмой спали все втроем на надувном матрасе, который разложили в подсобном помещении. Я пек и работал на кассе, а Мариам убиралась и вела бухгалтерию. Те деньги, которые не уходили на оплату счетов и расходных материалов, мы отдавали брату Мариам, чтобы вернуть долг. По пятницам мы ходили в центры для престарелых, полицейские участки, местные школы, на строительные площадки и приносили туда образцы наших пончиков в розовых коробках с логотипом магазина. Те, кто пробовал мою фирменную медовую глазурь, с восторгом рассказывали о ней друзьям. О пончиковой пошла молва. Она начала приносить прибыль. Мы смогли переехать в нормальную

[11] Примечания: 11
Сладкая выпечка из дрожжевого теста.

квартиру, а через три года купили дом. Родилась Нора. Мариам больше не работала в магазине, она присматривала за девочками дома. Так мы оказались в этой стране.

Эфраин

Марисела ждала меня на кухне, разложив на столе газету. Я решил сначала, что это «Ла пренса», которую она иногда покупает в «Каса маркет», но когда я сел напротив нее с тарелкой и стаканом воды, то увидел, что это «Хай-Дезерт стар». Я уставился в тарелку и не поднимал глаз от еды. Хотелось просто спокойно съесть торта де карнитас[12]. Мне казалось, я заслужил это после тяжелого рабочего дня. Мы с Энрике час блуждали в Ландерсе, пытаясь найти дуплекс, где должны были сделать уборку, а когда мы наконец добрались куда нужно, хозяйка страшно злилась и ходила за нами из комнаты в комнату, смотрела, как мы моем ковры шампунем, и заставляла то и дело оттирать одни и те же старые пятна, даже если они были такими старыми, что стереть и отмыть их было просто невозможно. Потом она попыталась расплатиться с нами купоном, и Энрике пришлось трижды объяснять ей, что купонами можно расплачиваться с работниками фирмы «Чистка ковров Роба», а мы работаем

[12] Примечания: 12
Мексиканский сэндвич с тушеным мясом.

на фирму «Чистка ковров и мебели Рона». Из-за этой задержки все другие заказы нам пришлось сделать позже, и, когда мы вернулись к фургону, Рон обозвал нас тупыми и ленивыми идиотами. И теперь мне хотелось хоть немного побыть в тишине и покое.

Но жена подвинула ко мне газету.

— Я не читаю по-английски, — раздраженно буркнул я, хотя, честно признаться, немного читать умею: могу, например, заполнить заявление о приеме на работу или понять, что написано на бумажках, приколотых к пробковой доске в продуктовом. Сдается дом. Продается машина. Требуется уборщик.

— Это о том несчастном случае, — сказала она и ткнула указательным пальцем в статью, чтобы привлечь мое внимание. Еще до рождения детей Марисела ходила на курсы английского, а теперь, когда они пошли в школу, сидит с ними по субботам в библиотеке, когда они читают, так что и у нее получается читать все лучше и лучше. Это она разговаривает с хозяином квартиры, если потечет кран или когда мы опаздываем с арендной платой.

— Тут написано, что полиция просит помощи в расследовании. Вот. Читай.

— Я без очков ничего не вижу, — сказал я.

Марисела достала очки из кармана фартука и положила их передо мной на стол. В то время она работала в доме престарелых, ухаживала за стариками, которые не могли больше сами о себе заботиться. Эта работа изменила ее. Каждый ее жест теперь источал обезоруживающее терпение.

Я отодвинул очки в сторону.

— Попозже, — сказал я и откусил кусочек, но вкус был не тот. Хоть сэндвич, обернутый алюминиевой фольгой, лежал на теплой сковородке, булочка болильо впитала все соки, и мясо стало сухим. Одно разочарование за другим, ну что за день.

— Что это? — спросил я.

— Они ищут свидетелей.

Уже миллион раз объяснял ей, что я не свидетель. Я не видел, что случилось. Все, что видел, — как человек упал на землю. Я открыл болильо, соскреб с мяса лук и чили и ткнул в него ножом.

— Это свинина?

— Здесь написано, что жертва жила в Юкка-Вэлли.

— Ты же знаешь, я не люблю с говядиной. Вкус совсем не тот.

— Ему был шестьдесят один год. Остались дочери и внуки.

Она сказала это, чтобы я заглянул в газету, и пришлось в конце концов надеть очки. На фотографии был изображен пожилой мужчина с широким лбом и вьющимися седыми волосами, он сидел в кресле и улыбался кому-то за кадром. На коленях у него лежала бумажная тарелка со скомканной салфеткой и недоеденным куском шоколадного торта. Такие фотографии делают во время какого-нибудь праздника — Рождества или дня рождения, — когда дом полон родных и друзей, все танцуют и веселятся. Подпись под фотографией гласила: «Дрисс Геррауи». Помню, я подумал: «Какое странное имя».

— Он откуда родом? — спросил я.

Марисела наклонилась над статьей.

— Здесь не написано.

Я подумал, что этот человек вряд ли был американцем. Скорее всего, он, как и я, иммигрант. А Геррауи звучит похоже на Герреро, но имя явно не испанское. Ножом я положил булочку обратно на мясо.

— Это не свинина, — сказал я.

— Свинина. Я просто срезала весь жир, — объяснила Марисела.

Было еще кое-что, что изменилось с тех пор, как жена начала работать в доме престарелых. Она решила, что мы должны есть только «здоровую» пищу. Больше никаких чичаррон[13] перед телевизором. Никакого мороженого после ужина. Не больше одной ложки сахара в утреннем кофе. А теперь она еще и срезает жир с карнитас — с таким же успехом она может срезать всю радость с моей жизни.

— Хочешь, полью мясо соусом? — спросила она, похлопав меня по руке. — Сейчас сделаю.

Она отнесла тарелку на столешницу и принесла ее обратно через несколько минут. Я откусил еще кусочек. Мясо стало влажным, но вкус все равно был не тот. Как часто все идет наперекосяк из-за глупых случайностей. Если бы сегодня утром я повернул налево на развилке, мы с Энрике не опоздали бы к первому клиенту, и хозяйка не рассердилась бы так сильно. Мы бы выполнили график, и босс не обозвал бы нас ленивыми. Но я сидел за рулем, а Энрике смотрел в карту, как у нас было заведено. Когда он смотрел на дорожные знаки и говорил «налево» — я поворачивал налево. Еще одна случайность: если бы я работал

---

[13] Примечания: 13
Хрустящая закуска, жареная свиная шкурка.

в мотеле вечером в субботу, а не в воскресенье, то не оказался бы на 62-м шоссе в ночь аварии. И никогда бы не увидел этого старика, этого Геррауи. Даже не узнал бы, как его звали.

— Они ищут кого-то, кто мог видеть сбившую этого человека машину, — сказала Марисела.

— Я же говорил, я не видел машины.

— Ты сказал, что она была белая.

— Я сказал «кажется, белая», но я не уверен. И даже если бы я видел машину, то все равно не пошел бы в полицию, не хочу рисковать.

Я надеялся, что это остановит мою жену, но ошибся.

— Amor[14], — сказала она и снова пододвинула ко мне газету, — здесь написано, что можно позвонить анонимно. На горячую линию.

Зря я вообще рассказал ей о несчастном случае.

---

[14] Примечания: 14
Любимый *(исп.)*.

Джереми

На следующий день, в конце смены, я снова приехал в тюрьму Джошуа-Три, доставил туда женщину средних лет, арестованную за употребление метамфетамина. Полицию вызвал сосед, когда обнаружил, что она сидит на крыше его сарая. Пока ее оформляли, я сходил попить воды на склад, где штабеля консервированных бобов, сухого молока и мешков риса и макарон возвышались колоннами до самого потолка. Лампы отбрасывали неровный свет на серый бетонный пол, гнетущую тишину прерывал только лязг металлических дверей где-то в коридоре. Тюрьма всегда немного нервировала меня, несмотря на то что мне часто приходилось там бывать. Я выбросил бумажный стаканчик в мусорную корзину и поспешил в приемную, где обнаружил, что Стрэттон оформляет нового подозреваемого. Фиерро.

Я зашел в кабинет.

— Ломели, — окликнул я.

— Да?

— В чем его обвиняют?

— Угрозы. Порча имущества. — Ломели попра-

вил на носу очки и заглянул в документ, он водил пальцем по строчкам, пока не нашел нужную. — Разбил машину бывшей жены. Здесь написано, что это «мустанг-купе». Разбил окна, прошелся битой по обшивке, разрезал шины.

— Господи.

— Да уж, разошелся парень. — Ломели взглянул в сторону стойки регистрации, где оформляли Фиерро, и присвистнул, не то с восхищением, не то с осуждением. Сам Ломели разводился трижды, и этот факт его биографии не очень-то сочетался с красовавшейся на его столе стопкой любовных романов с наклейками «Библиотека Юкка-Вэлли» на корешках.

— Вы его знаете? — спросил он.

— Мы вместе служили в Ираке.

Ломели удивленно воззрился на меня.

Я был не единственным ветераном в участке, Стрэттон участвовал в войне в Персидском заливе, Виллегас был в Боснии, а одного из диспетчеров направили в Новый Орлеан после урагана «Катрина», — но я почему-то никак не мог вписаться в коллектив. Я не ходил с ними выпить после работы, не пересылал шутки по электронной почте и не ржал над анекдотами Васко. И вот теперь единственного моего друга

арестовали. Буквально вчера я виделся с Фиерро на барбекю у сестры. Он казался нормальным, болтал с другими гостями, играл с детьми, флиртовал с одной из коллег Эшли, симпатичной рыжеволосой девушкой с веснушчатым лицом и пухлыми губками. К тому моменту, как нам пора было уходить, он весь сиял, смеялся и шутил. А теперь вдруг такое!

— Его отвезут в Уэст-Вэлли, — сказал Ломели через минуту.

— А здесь его оставить не можете?

— Нет места.

Я снова вышел в коридор и подошел к стойке регистрации, где Стрэттон снимал отпечатки пальцев у Фиерро. Рядом с телефоном-автоматом лежал список поручителей, а под ним — коробки с синими латексными перчатками. На дальней стене висело объявление: «Если вам кажется, что вы беременны, и вы хотите сделать аборт, обратитесь к дежурной медсестре».

— Принимаете какие-нибудь лекарства? — спросил Стрэттон, протянув Фиерро влажную салфетку, чтобы он стер чернила с пальцев.

— Какие лекарства?

— От диабета, болезней сердца, в таком роде. Вам нужно постоянно принимать какое-нибудь

лекарство?

— Нет, сэр.

Сальные волосы Фиерро падали ему на глаза. Он смахнул их и глянул вокруг, будто ныряльщик, наконец-то выбравшийся из воды и глотнувший свежего воздуха. Его глаза встретились с моими.

— Привет, — сказал он и широко улыбнулся.

— Послушай, ты что, рехнулся?

— Да это все Мэри, делает из мухи слона!

— Ничего себе муха!

— Горецки, вы знаете этого человека? — спросил Стрэттон.

— Иногда, мне кажется, лучше б не знал.

— Это моя машина, *моя*! Нет закона, который запрещает мне раздолбать ее в хлам!

Он говорил так, будто произносил неоспоримую истину и будто скоро все остальные осознают, насколько он прав. Как же сильно он отличался теперь от того человека, того мальчишки, с которым я познакомился когда-то в тренировочном лагере в Сан-Диего. Мы вышли из автобуса, еще сонные, в грезах о славе, но голос инструктора по строевой подготовке вернул нас к действительности. «С этого дня, — гаркнул он, — чтобы я не слышал от вас ничего кроме „Да, сэр“ или „Нет, сэр“. Ясно?»

Нас выстроили на плацу и сказали, что делать. Ступни развернуть под углом 45 градусов. Смотреть прямо перед собой. Знать Единый кодекс военной юстиции. Когда мы маршировали к зданию, порыв ветра вырвал у меня из рук документы. Я побежал за ними. Одна из страниц прилепилась на грудь Фиерро, он вернул ее мне. Инструктор заорал, чтобы мы немедленно вернулись в строй, — голос у него был такой высокий, что казалось, будто это кукарекает взбесившийся петух. За что, орал он, что он такого сделал, что ему досталась партия таких тупоголовых мальчишек, как вот эти два болвана? В чем он провинился? Как же он сумеет сделать из нас морпехов?

Я настолько привык к тишине и равнодушию окружающих, что крик инструктора резанул меня, как нож. Мне захотелось побежать обратно к автобусу и вернуться в свой дом на Вэлли-Вью-Драйв, полный сокрушительного, но надежного безразличия. Но Фиерро воспринял вопли инструктора безропотно, сердито уставившись куда-то вдаль. В ту первую ночь, когда мы лежали на койках, которые нас заставили разложить и застелить несколько раз, пока нам не удалось это сделать за одну минуту, я решил шепотом

извиниться перед ним за то, что втянул в неприятности, но Фиерро в ответ лишь пожал плечами и признался, что не случилось ничего такого, чего бы не проделывал с ним раньше отец. А когда мы поняли, что оба родом из маленьких городков в Мохаве, расположенных всего в двадцати милях друг от друга, то сразу стали друзьями, как часто бывает, когда тебе восемнадцать и когда ты вдали от дома. Даже когда дела шли туго, когда инструктор поливал нас грязью, называл сучками, педиками и членососами, Фиерро ни на что не жаловался. Но все это было до лагеря Такаддум, до Рамади[15].

Когда почти через пять лет мы вернулись с войны, от его сдержанности не осталось и следа. Он превратился в болтуна, хулигана и фанфарона. Помню, мы пошли выпить в «Джошуа-Три салун» через несколько недель после возвращения домой, и он болтал не переставая. Была холодная январская ночь, в воздухе носилось предчувствие снегопада, но мы вышли из бара в футболках, в которых пришли туда в два часа дня. Холода я не чувствовал, но меня так трясло, что я выронил ключи от машины. Я опустился на колени и искал

---

[15] Примечания: 15
Город в Ираке.

их в грязи, когда меня ослепили фары полицейской машины. Тест на трезвость я пройти не смог, но Фиерро заболтал шерифа, сказал ему, что мы служили в Ираке, и попросил отпустить меня с предупреждением, свято пообещав при этом, что я не сяду за руль, а вызову такси. Наверное, я должен был испытывать благодарность к полицейскому, когда он согласился, но я чувствовал лишь ярость, сам не знаю почему. Что-то в этом человеке с редеющими волосами, жалостливым взглядом и обвислым животом вызывало во мне сильное желание врезать ему. Я и не догадывался тогда, что когда-нибудь сам стану полицейским, а Фиерро попадет в тюрьму.

Стрэттон отвел Фиерро в камеру предварительного заключения и запер двери. Я смотрел на него сквозь металлические прутья, недавно выкрашенные в веселенький голубой цвет. Я не знал, как ему помочь, как разгрести бардак, который он устроил.

— Не волнуйся, меня скоро выпустят, — ухмыльнулся Фиерро. — Ну а пока пообщаюсь с помощником шерифа Горецки и другими официальными лицами.

— Смотри у меня, артист. Чтобы больше не вляпывался ни в какое дерьмо, ты понял?

Нора

Настала моя очередь. Я шагнула в комнату, залитую серым светом, но старалась не смотреть до последнего. Как только я загляну в гроб, смерть отца станет неотвратимой реальностью, мне придется с ней смириться. Простой гроб из лакированного дерева без каких-либо украшений. Отец лежал, накрытый белым погребальным саваном. Бледное лицо, на правой щеке синяк, губы плотно сжаты. «Что ты в тот день хотел мне сказать?» — прошептала я. Он редко звонил в середине рабочего дня, но не настолько редко, чтобы встревожиться. Только теперь, в этой душной комнате, где за моей спиной вполголоса переговаривались работники морга, я начала осознавать, как велика моя потеря. Я стояла у гроба с ноющим в груди сердцем, пока не пришло время уходить.

Снаружи так слепило солнце, что пришлось прикрыть глаза рукой. Воробышки, шумно хлопая крыльями, слетелись на эвкалиптовое дерево на краю парковки. Мужчина в коричневом костюме стоял рядом с катафалком, чьи

распахнутые задние дверцы напоминали пасть голодного зверя. Сестра с семьей уже сидели в своем кадиллаке, но мама ждала у моей машины. Я вставила ключ в замок зажигания, и тишину разорвало нарастающее скрипичное крещендо. Я выключила радио.

В обрушившейся тишине мама сказала:

— Все неправильно.

У мамы все всегда происходило неправильно. Она покинула родную страну вместе с семьей, но страшно тосковала по тому, что не смогла взять с собой. Скучала по старому дому, по друзьям детства, по крику муэдзина на рассвете. Независимо от того, насколько экстравагантной получалась ее стряпня, она каждый раз оставалась ею недовольна, всегда не хватало какого-то важного ингредиента и вкус получался не тот. Свадьба сестры спровоцировала у нее приступ ностальгии, благодаря чему наш дом превратился в восточный базар, где можно было украсить себя татуировкой из хны, полюбоваться на вышитые пояса, латунные подносы и паланкин для молодоженов. Маме пришлось отказаться от многих традиций, и чем больше проходило времени, тем более значимыми для нее они становились.

Это касалось и похорон. На ее взгляд, мы с

сестрой организовали все неправильно, не так, как полагалось. Ее шокировал тот факт, что тело отца пролежало в морге четыре дня, прежде чем его передали нам. «Мертвым место в земле», — повторяла она снова и снова, хотя ни я, ни Сальма ничего не могли изменить, нужно было дождаться результатов вскрытия и необходимых документов. Когда тем утром мы приехали в морг, мама как будто удивилась, что нас встретили только трое сотрудников.

— А как было бы правильно? — спросила я.

— Они должны были совершить молитву, в мечети. Внести его внутрь и помолиться о нем. А потом ваш дядя и Тарек… как называется, когда идут на кладбище?

— Похоронная процессия?

— Точно. Они должны были возглавить похоронную процессию, а мы пришли бы к могиле на следующий день. — Она осуждающе посмотрела на меня, будто я была виновата в осквернении священных традиций. — Но здесь все делают не так.

Внезапно я поняла, что никогда еще не хоронила никого из знакомых, у меня не было опыта столкновения со смертью. Мне не с чем было сравнить, в отличие от нее. Мама потеряла обоих

родителей и тетю еще до того, как ей исполнилось двадцать. Их фотографии стояли на комоде у нее в спальне рядом с другими семейными фотографиями из Касабланки.

— Прости, мам.

Телефон зажужжал, пришло сообщение от подруги Элизы. «Думаю о тебе сегодня», — писала она. Мои подруги из Сан-Франциско не смогли приехать на похороны. Элиза преподавала и не могла отпроситься; Анисса уехала в командировку в Техас и не могла отпроситься; Марго выступала на музыкальном фестивале в Питтсбурге и не могла отпроситься. Я попыталась подавить разочарование, но оно продолжало подступать к горлу, как желчь. Теперь понятно, какой освобождающей может оказаться смерть: она заставила всех вокруг меня исчезнуть. Возможно, они боялись показаться навязчивыми или бестактными в это скорбное время, поэтому просто написали короткие сообщения с соболезнованиями и спросили, чем можно помочь. Вопрос, на который нет ответа.

В зеркало заднего вида я заметила, что катафалк тронулся с места. Я не видела, как в него загружали гроб, и эта оплошность вызвала во мне странное чувство вины, как будто я подвела

отца.

— Они должны были подать нам какой-нибудь сигнал, — сказала я и, выехав с парковки, пристроилась за машиной сестры. Катафалк выехал за металлические ворота морга Исламского центра и помчался к выезду на автостраду на Вермонт-авеню. Стояла первая неделя мая, и жакаранда уже цвела, деревья покрылись ярко-фиолетовыми цветками. По тротуарам сновали торговцы и пешеходы. В правом ряду на въезде грузовик столкнулся с кабриолетом, поток машин медленно перетекал в левый ряд.

— Твой отец ненавидел автострады, — сказала мама, наблюдая за суматохой на дороге. — Когда мы только переехали в Калифорнию, он хотел, чтобы я везде его возила. Я все время нервничала из-за аварий.

— Поэтому он не хотел уезжать из пустыни?

— Ему не нравился Лос-Анджелес. Там полно сумасшедших водителей.

— Знаешь, в чем ирония, мам? На Шестьдесят втором шоссе в три раза опасней, чем на обычных дорогах Калифорнии. До этой недели я не знала об этом. Так что мы могли бы жить в Лос-Анджелесе или где-нибудь еще, и папа был бы в безопасности. Никто из местных психов ему бы

не угрожал.

— Но он любил пустыню. Мальчиком он каждую весну ездил в Марракеш навестить бабушку. И еще он любил походы по парку Джошуа-Три, ты же знаешь.

— Джошуа-Три — это не Юкка-Вэлли.

— Всего шестнадцать километров пути.

— Можно и сто шестьдесят проехать, если очень надо.

Мы уже доехали до Восточной транспортной развязки Лос-Анджелеса, чтобы выехать на 60-е шоссе. Было чуть больше одиннадцати утра, по почти свободной автостраде с огромной скоростью неслись машины, и мама в панике хваталась за ручку над пассажирской дверью каждый раз, когда какая-нибудь из них со свистом проносилась мимо. Телефон зажужжал в подстаканнике; еще одно сообщение. Я взяла его.

— Нора, ты же за рулем!

— Ничего.

Я глянула на экран. Снова соболезнования. Я бросила телефон обратно в подстаканник. Даже теперь, через месяц после того, как Макс сказал мне, что ему нужно время, чтобы подумать, понять, чего он хочет, сердце каждый раз сжималось, когда приходило какое-нибудь сообщение.

Мне так хотелось услышать его голос, услышать, что он любит меня и что все будет хорошо. В глубине души я по-прежнему надеялась, что он предпочтет меня своей жене.

— Хочешь, я прочту тебе?

— Что? А, да, конечно.

Мама взяла мой телефон.

— Это от Андреа. «Прости, что не могу быть с тобой сегодня, но…» А как прочесть остальное?

— Надо разблокировать телефон.

— Скажи мне пароль.

— Не надо, я прочту потом. Мы почти приехали.

Вслед за сестрой я въехала на территорию кладбища Роуз-Хиллс, проехала вниз по идеально ухоженным дорожкам к участку Сидар-Крест-Лоун. Рядом с парковкой росла дубовая роща, на деревьях шелестела свежая весенняя листва. За рощей лужайка спускалась в долину, покрытую ярко-зеленой травой, хотя весна стояла засушливая.

— Какое огромное, — прошептала мама, глядя на могилы, которых было и вправду бесконечное множество. Потом она закрыла лицо руками и заплакала.

Я потянулась к маме через перегородку, разде-

ляющую сиденья, и коснулась ее колена. Все-таки странно, я так легко плачу, когда смотрю «Маленький домик в прериях»[16] или когда слушаю Умм Кульсум[17]. А теперь у меня стоял комок в горле, ныло сердце, но при этом ни слезинки. Что со мной? Почему я не могу горевать, как все остальные?

Я сидела рядом с мамой, ждала, когда у нее хватит сил открыть дверь машины и выйти. Тарек и Сальма уже ждали нас, он в черном костюме, она в синей рубашке и длинной юбке до щиколоток. Близнецы были в торжественных нарядах, которые обычно надевали на школьные концерты. А мама с головы до ног была укутана в белое. Вдовий белый цвет. Цвет одиночества. Цвет скорби. Мы пошли по тропинке к могиле, и звук наших шагов нарушил тишину, царившую в этой части кладбища. Садовник, выпалывавший сорняки, остановился и уставился на нас.

Сальма повернулась ко мне.

— Ты не забыла шарф?

---

[16] Примечания: 16

Сериал 1974 года (9 сезонов) о семье американских первопроходцев, путешествующих по еще неизведанной земле.

[17] Примечания: 17

Египетская певица и актриса. Одна из наиболее известных исполнителей в арабском мире.

— Нет, конечно. — Я полезла в сумочку, но шарфа в нем не было. — Кажется, я оставила его в машине. Схожу за ним.

Сестра вытащила из своей сумки синий шарф.

— Ты что, привезла запасной? — удивилась я.

— На всякий случай.

Несколько человек ждали нас у могилы. Мои тетя и дядя из Калвер-Сити, двое кузенов, друзья Сальмы и Тарека и еще трое-четверо незнакомцев. В земле зияла в ожидании могила. Потом привезли гроб, и имам повернулся лицом к востоку, прикрыл уши ладонями и призвал верующих к молитве. «Аллах велик, — пропел он, — Аллах велик!» При этих словах дядя и Тарек встали вместе с другими мужчинами спереди, а мне вместе с мамой, сестрой и всеми остальными женщинами пришлось остаться сзади.

«Именем Аллаха всемилостивейшего и милосердного», — начал имам. У него был красивый баритон, но когда он читал Фатиху[18], то доходил почти до ноты «фа», зеленовато-голубой. Слова молитвы, когда-то знакомые, как старая колыбельная, давались нелегко. В последний раз я ходила на праздничную службу, когда мне было

---

[18] Примечания: 18
Первая сура (глава) Корана.

шестнадцать. Поездка закончилась очередной ссорой родителей в машине на обратном пути.

Священнослужитель в длинных одеждах, произносящий молитву, вряд ли растрогал бы отца. Но, думаю, само кладбище Роуз-Хиллс ему бы понравилось. Повсюду росли ивы, воздух был чистым и свежим, а земля под ногами казалась мягкой. Лазурные птицы гонялись друг за другом по лужайке. Хорошее место, чтобы немного отдохнуть. Голос имама вернул меня к действительности. Он пел молитву в честь Пророка, молитву за упокой души умершего и молитву за души живых.

Потом гроб опустили в могилу, и отца не стало.

Дрисс

Вот как все было. В тот год Ид аль-Фитр[19] пришелся на середину декабря, и Мариам захотела, чтобы мы всей семьей поехали в Риверсайд, в мечеть, на утреннюю службу. Я сказал ей, что она может отвезти девочек, если хочет, но я не поеду. Я атеист. Ей не нравится, когда я так говорю, особенно если ее брат из Лос-Анджелеса гостит у нас. Но это правда. Я несколько раз слышал, как она извинялась перед ним, объясняла, что я это не всерьез, просто назло, чтобы вывести его из себя. Но я говорю это вполне серьезно. У меня нет желания притворяться кем-то другим. И все-таки в тот день я согласился поехать — Мариам очень настаивала, к тому же Сальма приехала из колледжа на зимние каникулы, не хотелось никого расстраивать.

Праздничная служба начиналась в семь утра, но в половине седьмого припарковаться было уже негде. Мне пришлось несколько раз объехать парковку, прежде чем я нашел свободное место, и

---

[19] Примечания: 19

Праздник прекращения поста. Отмечается в конце Рамадана, месяца поста, духовных размышлений и молитв.

настроение у меня испортилось. Мариам пошла вперед по бетонной дорожке, девочки за ней, а я отстал, мне хотелось докурить сигарету. У входа хорошенький мальчик лет десяти-одиннадцати держал оранжевое ведерко с надписью «Для пожертвований». Мне захотелось сказать, что десятина — это не пожертвования. Одно дело налог, и совсем другое — подарок. Но, похоже, люди были не прочь отдать свои деньги. Мариам еще дома приготовила чек и запечатала его в конверт, но, когда она бросила конверт в ведерко, мальчик окликнул Нору:

— Сестра, прикрой ноги. Ты выглядишь непристойно.

Непристойно! На мгновенье мне показалось, что я ослышался. Он вообще понимает, что значит это слово? Я обрадовался, что Нора резко обернулась к нему.

— Ты что-то сказал? — спросила она, удивленно улыбнувшись.

— Прикрой ноги, сестра.

— Да ты кто такой вообще, парень?

— Твой брат по вере, — важно ответил он. Потом он кивнул в благодарность женщине, которая положила в оранжевое ведерко хрустящую пятидесятидолларовую купюру.

Мимо нас проходили люди в праздничной одежде. Каждый наряд отличался: мужчины надели костюмы, тоба[20] и дашики[21], женщины — длинные, свободно струящиеся одежды, шальвар-камизы[22] и яркие туники. Моя дочь надела черную юбку ниже колен, но для мальчишки — блюстителя нравов этого оказалось недостаточно. У мечети скопилось уже довольно много народу, я слышал нетерпеливые гудки автомобилей на парковке. Одному старику пришлось обойти нас, чтобы войти.

— Мы опоздаем, — сказала Мариам и потащила дочерей в женскую часть мечети.

К тому времени я докурил сигарету, но не вошел внутрь, а наблюдал за мальчиком. Вьющиеся волосы, маленький нос и кожа песочного цвета. Так же, наверное, мог выглядеть мой сын, если бы не зеленые глаза. Его лицо излучало уверенность, от которой мне было не по себе.

— Как тебя зовут? — спросил я.

---

[20] Примечания: 20

Длинные, до щиколоток, халаты, которые носят мужчины-мусульмане.

[21] Примечания: 21

Рубашка яркой расцветки.

[22] Примечания: 22

Традиционный наряд. *Шальвар* — это брюки, а *камиз* — это рубаха, туника.

— Казим.

— А сколько тебе лет?

— Одиннадцать.

Как я и думал. Такой юный и уже ни в чем не сомневается. Когда-то и я был таким. Цитировал Коран, преклонял колени на соломенных циновках в мечети по соседству, соблюдал пост не только в Рамадан, но и в течение нескольких дней в Шавваль и Шаабан. Ритуалы утешали меня; они убеждали меня, что мир таков, потому что в нем много греха, и неважно, каков этот грех: соблазнительный или отвратительный, все, что нужно делать, — это сопротивляться ему. Такая вера полна математической элегантности: верь в Бога, следуй его правилам, и будешь вознагражден; если же не станешь верить и повиноваться ему, наказание ждет тебя. Но однажды мистер Фатхи, учитель религии в моей школе, рассказал нам о семи уровнях ада. Я знал уже о реках огня и фонтанах гноя и крови, ожидающих грешников, но в тот день урок был о том, что у этих несчастных не будет передышки — даже после того, как их тела сгорят, кожа снова отрастет для того, чтобы снова сгореть. И я вдруг вспомнил мистера Нгуена, у него на левой руке был шрам от ожога — результат столкновения с французскими ко-

лонистами во время войны в его стране. Я любил мистера Нгуена, весь класс его любил, потому что он превращал скучную алгебру в увлекательную игру. Настоящее чудо, свидетелем которого я был. Поэтому я спросил мистера Фатхи, будет ли его друг мистер Нгуен гореть в аду вместе с остальными неверующими. Вместо ответа я получил подзатыльник и наказ больше не перебивать учителя. Я был всего на пару лет старше этого мальчика Казима. В тот день во мне зародились сомнения. С годами их становилось только больше, пока ничего, кроме них, и не осталось.

— А ты не думаешь, — спросил я мальчика, — что вера ставит перед тобой более серьезные вопросы, чем ноги моей дочери?

Казим бросил на меня взгляд, полный глубокого разочарования, он явно расстроился, что я не смог воспитать дочь должным образом. В мечети прозвучал последний призыв к молитве, и мальчик повернулся, чтобы уйти, но я не позволил ему.

— Отвечай, — приказал я, схватив его за запястье. Казим не хотел спорить, и, наверное, я слишком сильно сжал ему руку, потому что он всхлипнул.

Внезапно, как из-под земли, передо мной воз-

ник старик. Это был имам. У него были темные волосы, аккуратно подстриженная бородка и такие же зеленые, как у Казима, глаза. Он начал цитировать Коран: «Скажи женщинам верующим, пусть они не выставляют напоказ своих прикрас, кроме тех, которые видны». Я процитировал в ответ: «Скажи мужчинам верующим, чтобы они опускали свои взоры». Он утверждал, что традиция требует, чтобы женщина ходила в чадре; я настаивал на том, что традиция предписывает носить чадру только женам Пророка. Он предупредил, что женщинам не следует искушать мужчин в мечети; я высмеял мужчин, которых так легко отвлечь от молитвы. В конце концов он сказал, что ему нужно сейчас провести молитву, а религиозные вопросы мы можем обсудить в другой раз.

Я закурил новую сигарету и подождал у входа в мечеть Мариам и девочек. В машине на обратном пути я рассказал жене о случившемся, но вместо того, чтобы встать на мою сторону, она пожаловалась, что я поставил ее в неловкое положение перед общиной. Я был потрясен.

— Но ты ведь никого из них не знаешь, — сказал я. — А я твой муж.

— Я знакома с миссис Хаммади, но ты ведь не

мог…

— Ну хорошо. Но, кроме нее, ты никого не знаешь.

— …Удержаться, как же не поспорить с имамом, будто ты умней его.

— Конечно, я умней его. Почему он должен указывать мне, что правильно, а что нет?

— Нора надела слишком короткую юбку, я сказала ей об этом еще до того…

— Ой, только не надо теперь во всем винить ее. Это ведь ты…

— …Как мы вышли из дома. Но она никогда меня не слушает.

— …Потащила нас туда. А ради чего?

Нора на заднем сиденье надела наушники и уставилась в окно. Мы переругивались с женой еще какое-то время, используя друг против друга старые проверенные аргументы, но потом я свернул на 62-е шоссе и замолчал, потрясенный видом. Стоял холодный ясный декабрьский денек, и на вершинах горного хребта Сан-Бернардино лежал снег. Долина, вся поросшая высокой травой, мескитовыми деревьями и юккой, медленно прогревалась под лучами утреннего солнца, дорога шла то вниз, то вверх, то в сторону, и наконец мы достигли первой рощи юкки. И тут я подумал:

как же рвутся верующие попасть на небеса, а ведь все, что им нужно, — здесь.

Коулман

Я хорошо помню это дело. Это было первое убийство, которое я расследовала после того, как весной 2014-го меня перевели сюда из Вашингтона, округ Колумбия. Родом я из Нью-Йорка, но именно в округе Колумбия я росла, ходила в школу и работала пятнадцать лет, так что мне этот переезд дался непросто. Но еще трудней пришлось Майлзу. Я видела это по его глазам, когда мы спрашивали у него за ужином, как прошел день. Он ковырялся вилкой в картошке, односложно отвечал на вопросы, а иногда просто пожимал плечами, а потом запирался у себя в комнате и включал видеоигры. Майлз был раньше милым малышом, ластился к мамочке, но теперь не позволяет мне целовать его на ночь. Я понимаю, что переезд из родного дома — это тяжело для ребенка, но все-таки он не первый, с кем такое приключилось. В этой стране, да и во всем мире, такое происходит каждый день. Как же другие с этим справляются? Хотела бы я знать.

Это была даже не моя идея переехать сюда, в самый центр пустыни. Это пришло в голову Рэю

после того, как ему предложили должность регионального менеджера в Палм-Спрингс. Он так долго ждал, когда его повысят, наблюдал постоянно, как людям с меньшим опытом, чем у него, предлагают хорошую работу, что не сомневался, что, если не примет это предложение, другого может и не дождаться. И все у него получилось, он сумел неплохо заработать, дом у нас был теперь побольше, и не нужно было расчищать с дорожек снег зимой, и, главное, можно было спокойно болеть за «Лейкерс»[23]. И как вы думаете, успокоился Рэй после этого, ведь его карьера удалась? Ни в коем случае, теперь он стал работать еще усерднее. Каждый вечер изучал отчеты о продажах, вел маленькой линейкой вниз по каждой колонке, чтобы не пропустить ни ноля, ни запятой. Рэй всегда любил цифры, они никогда его не разочаровывали, не таили в себе никаких секретов и тайн. Иногда, просматривая отчеты о продажах, он разговаривал сам с собой.

А тем временем Майлз сидел в своей комнате и дулся.

Так что работа стала моим спасением. Не то чтобы я получала удовольствие. Быть свидете-

---

[23] Примечания: 23

Американский профессиональный баскетбольный клуб из Лос-Анджелеса.

лем семейного горя совсем неприятно, но я была опытным детективом. Я могла разложить все факты по полочкам. Могла попытаться раскрыть дело, дать возможность семье погибшего ощутить некую завершенность, справедливость, хотя поначалу мне не хватало материала для работы. Никаких следов шин, которые можно было бы изучить. Никакого мусора от машины. На перекрестке не было ни одной камеры видеонаблюдения. Единственный свидетель — бегунья, которая обнаружила тело на дороге. При вскрытии выяснилось, что в крови жертвы нет ни наркотиков, ни алкоголя. Ни финансовых проблем, ни пристрастия к азартным играм — одним словом, довольно скучный парень; по крайне мере, до тех пор, пока я не просмотрела сообщения в его телефоне, хотя и там не нашлось ничего существенного. Все мои надежды были связаны с тремя микроскопическими частичками краски, которые криминалисты обнаружили на одежде жертвы. Вот и все. Ничего больше.

Все это означало, что придется поговорить с Мёрфи. Не то чтобы у меня к нему какие-то претензии, просто не совсем комфортно с ним работать. У него был заведен определенный порядок. Не меньше сорока лет он проработал в

криминалистической лаборатории, давно мог уйти на пенсию, если бы захотел, но вместо этого продолжал тянуть лямку в своем белом лабораторном халате с вышитым на нагрудном кармане именем, как у настоящего врача. И сказать по этому поводу я ничего не могла, потому что знала, как сержант среагирует на мою критику, будто я не справляюсь со стрессом или требую к себе какого-то особого отношения. Я все еще считалась новичком в участке, а Мёрфи работал здесь со времен Ноева ковчега.

Короче, я пошла к Мёрфи, чтобы выяснить подробности, связанные с этими частичками краски. У него в кабинете было огромное окно, так что кактусы, за которыми он ухаживал, получали много естественного солнечного света. Мёрфи называл их «кактусовые». Растения в горшках стояли на деревянной полированной полке, в двух разных ее концах, а между ними располагалась стереосистема, из которой тихо звучала классическая музыка. На дальней стене висели постеры в рамках. В углу стояла кофемашина с чашками, блюдцами и салфетками. И конечно же, у него была электроплитка, что создавало опасность пожара, но, как я уже говорила, он проработал уже лет сорок. Комната больше похо-

дила на гостиную, чем на рабочий кабинет. Дверь стояла нараспашку, но я легонько постучала.

— Мёрфи! Есть какие-нибудь новости для меня?

— Эрика! — улыбнулся он мне. Он всегда звал меня по имени, я не привыкла к такому обращению и каждый раз чувствовала себя неловко.

— Есть что-нибудь о частицах краски, которые вы отправили в Сан-Бернардино?

— Так сразу результата не будет, нужно подождать несколько дней. Хотите кофе?

— Я только что пила, спасибо. Не могли бы вы проверить, вдруг уже пришли результаты.

— Красный вам очень идет, — сказал он, разглядывая мою грудь. В то же мгновение я пожалела, что успела снять куртку.

— Проверьте, пожалуйста.

— Как, еще раз, имя, напомните?

— Геррауи. Наезд двадцать восьмого апреля.

Он наконец повернулся к компьютеру и стал искать отчет.

— Повезло, — сказал он, — сегодня утром пришли результаты. Фурье-спектроскопия показала, что краска на самом деле серебристая.

— Серебристая?

— Серебристая. Похоже, что это «форд», вы-

пущенный в период с девяносто второго по девяносто восьмой.

— А какая это может быть модель?

— «Таурус», «краун-виктория», «мустанг», «эксплорер». Выбирайте что хотите. — Принтер зажужжал на столе, распечатывая отчет. — Они красили ей все подряд.

— Мне показалось, вы сказали, что мне повезло.

— Могло быть и хуже.

Вряд ли. Накануне я попросила сержанта Васко провести повторный осмотр места преступления, но он ответил, что не может выделить мне помощников. «Здесь у нас не столица и не мегаполис, — сказал он, — у нас ресурсов не хватает». Он как будто испытывал меня, проверял, смогу ли я распутать это дело без помощи его сотрудников, но, как ни странно, чем больше препятствий он мне чинил, тем сильней мне хотелось с ними справиться. Мне не нужно было ничего доказывать, особенно человеку вроде него, особенно с моим послужным списком, и все же именно это я и делала.

— Вы точно не хотите кофе? — спросил Мёрфи. — Я купил недавно очень хороший, эфиопский.

— А это ваша семья? — спросила я, указывая подбородком на фотографию в рамке, где обнимались белокурая женщина и голубоглазый ребенок. Мне хотелось немного пристыдить Мёрфи, намекнуть, что женатый мужчина за шестьдесят не должен так себя вести.

— Да, это мой сын. А это моя сестра, — объяснил он. — Бывшая жена переехала в Сиэтл четыре года назад, поэтому сестра помогает мне воспитывать сына.

Я засунула руки в карманы и попыталась произвести в уме некоторые математические подсчеты.

— Он как будто того же возраста, что и мой мальчик, — сказала я, стараясь скрыть удивление.

— А сколько вашему?

— Ему только исполнилось тринадцать. Он в седьмом классе.

— А в какой школе?

— Ла Контента. А ваш в какую ходит?

— В ту же, что и ваш сын. — Он впервые посмотрел мне в глаза и улыбнулся. У него были густые длинные волосы с проседью, аккуратно зачесанные за уши.

— Может быть, они дружат, — сказал он.

— Сомневаюсь. — Майлз с трудом заводил друзей, именно поэтому он и злился на нас с тех пор, как мы привезли его сюда. — Это большая школа.

— Да, это правда, — ответил Мёрфи. — Ваш сын любит бейсбол? По субботам у нас в парке всегда играют в бейсбол. Будем рады, если ему захочется прийти.

— О! — Я немного растерялась. Я пыталась познакомиться с мамами других детей из школы Майлза, и они вели себя достаточно дружелюбно, но быстро потеряли ко мне интерес, когда выяснилось, что я не могу сопровождать семиклассников на экскурсии, работать волонтером на весенней книжной ярмарке или стоять за столом на благотворительном пикнике. Некоторые из них были домохозяйками, остальные работали с девяти до пяти и могли выкраивать время на подобные мероприятия. Но для меня, с моим графиком, это было нереально. Когда я предложила им попросить Рэя, они страшно удивились. *Разве мужчина может продавать выпечку на благотворительном пикнике?* Конечно, вслух никто из них ничего не сказал, они просто занялись своим делом, то бишь распродажей выпечки, и не предложили ему поучаствовать. — Спасибо,

Мёрфи. Я расскажу Майлзу об игре.

— Хорошо, а я дам знать, если выяснится еще что-нибудь об этой краске. Иногда требуется несколько дней, чтобы определить по краске конкретную модель автомобиля.

Выйдя из кабинета Мёрфи в то утро, я вернулась к своему рабочему столу не прямым путем. Мне не хотелось столкнуться с сержантом, который наверняка начал бы расспрашивать меня о ходе расследования, а мне пока особо нечем было похвастаться. Только тремя частицами краски, один из которых криминалистическая лаборатория Сан-Бернардино уже превратила в газ. Воздух вместо улик.

Джереми

Симпатичный небольшой дом с деревянными садовыми креслами у входа, подвесным колокольчиком на карнизе и деревянным забором вокруг двора. Фиерро называл этот дом «ранчо». «Пора обратно на ранчо», — говорил он, когда мы ходили в боулинг. Он говорил так, будто ему не хочется возвращаться домой, но глаза его улыбались от предвкушения встречи с новой женой и новым домом. На подъездной дорожке стоял серебристый «мустанг-купе», каждый дюйм которого был разбит, помят и поцарапан. Боковое зеркало состояло из мелких осколков, отражавших лунный свет. Имя «Фиерро» счистили с почтового ящика, от него остались лишь призрачные серые линии. Я прошел по узкой дорожке из бетона и постучал в парадную дверь.

С другой стороны послышался звук — кто-то приоткрыл глазок и посмотрел в него. Наконец дверь открылась.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Мэри. Из-под рыжих волос смотрели покрасневшие глаза. На ней была белая майка, и я разглядел

татуировку у нее на плече. «Лучше смерть, чем бесчестье». Она сделала эту татуировку в подарок Фиерро, как сюрприз, в честь того, что он был награжден Бронзовой звездой[24]. Но подарок ему не понравился, он спросил тогда, зачем она испортила свою прекрасную кожу.

— У тебя все хорошо?

— Нет, у меня все нехорошо. — Ее голос резал, как стекло.

— Прости. Глупый вопрос.

— Он до смерти меня напугал, разбил машину вдребезги, да еще и ржал, пока ее разбивал. Не мог смириться с тем, что у меня останется машина, ничего не хотел мне оставлять, никакой мелочи. Гребаный урод.

Я никогда не слышал, чтобы она ругалась. Она была из тех девушек, которые говорят «о боже!», «какой ужас!», и, когда кто-то рядом матерился, всегда краснела. Это и очаровало Фиерро, он потому и сделал ей предложение. «Подожди, пока не вернешься с войны, — сказал ему сержант Флетчер, когда узнал об этом. — Не повторяй моих ошибок». Но Фиерро никого не слушал, он был без ума от нее. Ей было девятнадцать, она

---

[24] Примечания: 24
Четвертая по значимости боевая награда в Вооруженных силах США.

поступила в школу косметологии и мечтала когда-нибудь устроиться в Голливуд. «Я женюсь на этой девушке», — сказал он. Так он и сделал.

— Мне так жаль, Мэри.

Я старался придумать, как бы повежливей попросить ее отозвать иск против Фиерро, уговорить ее взять с него деньгами за испорченную машину, но, когда я коснулся ее руки, она отпрянула со страхом в глазах. Я смутился и сам отступил на шаг от порога. Она смотрела на меня так, будто и я был запятнан в преступлении Фиерро, будто его поступок был связан как-то и со мной тоже. Но то, что мы вместе служили в морской пехоте, не означало, что мы одинаковые. В любом случае проблемы у Фиерро начались задолго до того, как мы отправились на войну. Она и сама знала. И все равно ее взгляд остановил меня, не позволил мне напомнить об этом.

— Послушай, — произнес я после паузы. — Смени замки.

— Да, я догадалась. Слесарь ушел час назад.

— И заведи собаку.

— И все? Больше ничего мне не посоветуешь? Может, тебе просто сказать своему дружку, чтобы он оставил меня в покое? Если бы ты действительно хотел помочь, ты бы так и сделал. Не

позволяй ему приближаться ко мне.

— Я говорил ему много раз, Мэри. Он не слушает. — Я снова почувствовал, в каком она бешенстве, и понял, как сильно просчитался, решив, что приеду к ней и все исправлю. Я сделал только хуже.

Порыв сухого ветра пронесся по улице, и кусок стекла выпал из окна «мустанга» и разбился о подъездную дорожку. Какое-то время Мэри разглядывала осколки, потом снова устремила на меня зеленые глаза.

— Знаешь, если бы пять лет назад мне кто-нибудь сказал, что именно у тебя будет постоянная работа и ты будешь учиться в колледже, я бы ни за что не поверила.

Я хотел ответить, что и сам не поверил бы. Пять лет назад Фиерро устроился охранником в Индейское казино в Моронго, в то время как я подрабатывал кровельщиком, когда удавалось получить работу. Пять лет назад я так напился на их свадьбе, что меня вырвало в фонтан, где плавали лепестки роз. Пять лет назад я не мог вспомнить имя подружки невесты, когда проснулся рядом с ней в мотеле на следующее утро, ее светлые волосы с остатками заколок и блесток опутывали мою грудь. Я потерял год, а

может, даже полтора, просто бессмысленно плыл по течению, пытаясь заполнить чем-то дыру в груди, которую, как мне казалось, оставила война, пока не понял, что это та самая дыра, из-за которой я пошел в морскую пехоту. Я жил тогда с сестрой, и она все время просила меня ходить в церковь по воскресеньям и перестать пить. «Пообещай мне, — умоляла она, — пообещай!» И я сдержал половину обещания. Несколько недель спустя, возвращаясь с очередных кровельных работ, я увидел билборд с рекламой полицейской академии в Сан-Бернардино.

Возможно, со временем это постоянное ощущение, что ты не на своем месте, пройдет у Фиерро, так же как прошло у меня. Но Фиерро нужно постараться, чтобы это получилось.

— Может, он еще образумится, — сказал я.

— Да? Что ж, удачи. Я сделала все, что могла. С меня хватит.

И с этими словами она захлопнула дверь.

Нора

Столовая в начальной школе «Юкка Меса» всегда казалась мне огромной, но в тот вечер она выглядела маленькой и тесной. Конечно, это была иллюзия, столовая не изменилась, изменилась я. Складные стулья стояли аккуратными рядами, и почти половину уже заняли: на сиденьях лежали шарфы и свитера, чтобы никто на них не сел. В центральном проходе пожилой мужчина в кепке с надписью «Доджерс» устанавливал камеру на штатив. Я прошла за мамой в первый ряд, где в одиночестве, уставившись в телефон, сидела Сальма. Мы поцеловались.

— Где Тарек? — спросила мама.

— Срочный вызов, острая боль.

— Как жаль, — сказала я. — Он пропустит спектакль.

— Так бывает, когда работаешь зубным врачом, — холодно произнесла сестра.

Я заглянула в программку. Название спектакля «Спящая красавица» было написано золотыми буквами. Я пропустила обращение режиссера, список спонсоров и призыв к сбору средств на

постановку в следующем году и начала внимательно читать имена актеров, искала близнецов. Аида и Заид играли стражников.

— У них роли со словами? — спросила я.

— Нет.

— Как же так?

Сальма пожала плечами.

— Что ж, мне все равно интересно, — сказала я. — Я еще никогда не видела их в школьном спектакле.

Из-за занавеса взвизгнул подключаемый микрофон. Кондиционер на секунду выключился, потом заработал снова. Когда я ходила в эту школу, никакого кондиционера не было, только огромный противно жужжащий вентилятор под потолком. А я должна была потеть в ожидании своего выхода за кулисами в тяжелом костюме, сшитом миссис Флеминг для спектакля, и дешевая ткань царапала мне кожу. Каждый год я получала одни и те же роли, но я все равно любила играть в спектаклях, потому что пьесы были как книги. Читать книги, конечно, мне нравилось больше. Когда я читала, то могла вообразить себя не просто немым персонажем, а главным героем.

— Уже десять минут седьмого, — заметила я,

взглянув на часы.

— А что, ты куда-то спешишь? — резко спросила сестра.

С таким раздражением она говорила со мной с тех пор, как курьер из адвокатской конторы доставил нам завещание отца. Завещание он составил много лет назад, и мы все знали, что в нем: имущество делилось между супругой и детьми. Но никто из нас даже не догадывался, что отец застраховал свою жизнь на сумму в 250 000 долларов. И единственным выгодоприобретателем назначил меня.

Столовая постепенно наполнялась людьми. Зазвонил чей-то мобильник, потом еще один. Где-то сзади скрипели стулья.

— Не понимаю, — сказала Сальма. — Просто не понимаю. Что я ему такого сделала?

— Ничего, — ответила мама. — Это не твоя вина.

— И не моя тоже, — сказала я, глядя на маму, но та не обратила внимания на мои слова; она не отводила взгляда от Сальмы.

— Ты решила, что будешь делать? — спросила сестра.

— Ты о чем?

— А ты как думаешь? О деньгах, которые он

тебе оставил.

— С каких это пор тебя так волнуют деньги? Или это Тарек интересуется?

— Дело не в деньгах.

— А в чем тогда?

В зале погасили свет, зрители затихли. Сальма повернулась ко мне.

— Я осталась здесь с ними. Я пошла в стоматологическую школу. Я ухаживала за отцом, когда ему удалили катаракту. Я делала все, что он хотел, пока ты… — она неопределенно взмахнула руками, — …*шаталась* по музыкальным фестивалям. И вот все деньги он оставляет тебе. Да ты даже на нормальную работу не можешь устроиться!

Оскорбление сестры все еще звенело у меня в ушах, когда пожилая женщина сзади нас выразительно откашлялась. Я наклонилась к Сальме и прошептала:

— Хочешь обсуждать это прямо здесь?

— Какая разница, где это обсуждать?

— Он ведь не все мне оставил. Вам с мамой достался его бизнес.

— Да, это так заботливо с его стороны не лишать нас хотя бы этого.

Я взглянула на маму в надежде получить от нее хоть какую-то поддержку или хотя бы сочув-

ствие. Но она положила руку Сальме на колено, как будто просила у нее прощения.

— Твой отец никогда не говорил, что изменил завещание, — вздохнула она. — Я бы не позволила ему, если б знала.

— Какая разница, он все равно это сделал, — сказала Сальма. — Нора всегда была его любимицей.

Сколько же злости было в ее голосе! Сколько обиды! Но с чего она взяла, что отец любил ее меньше? Разве он не читал ей те же книги, не водил ее в те же парки, не играл с ней в те же настольные игры? Разве он не возил ее каждое воскресное утро за пятьдесят километров в Палм-Спрингс на подготовительные курсы для поступления в колледж, а потом ждал два часа, чтобы отвезти обратно? Разве он не оплатил стоматологическую школу? И ее свадьбу в округе Ориндж? И разве он не присматривал за близнецами, когда она уезжала на конференции? Разве он любил ее меньше?

— Послушай, — сказала я, — я ничего у него не выпрашивала.

Мой голос потонул в звуках фортепианной увертюры.

Женщина, сидевшая на ряд позади нас, накло-

нилась вперед и шикнула.

— Ну и что, что не выпрашивала, — проворчала Сальма. — Мне теперь что, пожалеть тебя? И почему ты всегда в чем-то обвиняешь Тарека?

— Сколько раз мне повторять одно и то же? *Я ничего не знала о страховке.* Не понимаю, почему ты так злишься, я ничего не сделала. А Тарек всегда…

Чья-то холодная рука схватила меня за плечо, и я вздрогнула от неожиданности.

— Или замолчите, или выйдите из зала, — сказала женщина. У нее были темные глаза и коса, заплетенная набок. Будто постаревшая миссис Нильсен, моя первая учительница, вдруг возникла передо мной.

— Уберите руку, — резко ответила я.

Занавес поднялся. На сцене стояли король и королева, они любовались маленькой принцессой, спящей в колыбели. Меня настолько выбили из колеи обвинения сестры, что было трудно сосредоточиться на пьесе. К тому же костюмы были сшиты кое-как, а лица детей слишком сильно раскрашены. Когда одна из фей преподносила свой дар Авроре, она чихнула, и зеленые блестки разлетелись в разные стороны, только в колыбель не попали. Хорошо хоть, спектакль

оказался недолгим. За сорок пять минут принцессу прокляли, укололи веретеном, заколдовали и заперли в королевском дворце. Аида и Заид наконец появились как ночные стражники: они спали, когда принц прошел мимо них в спальню принцессы. Поцелуй, проклятье снято, и зал взорвался аплодисментами.

Как только занавес закрылся, я снова повернулась к сестре, но Сальма, проигнорировав этот мой жест, энергично прокладывала себе путь к выходу. Ей очень хотелось, чтобы я исправила ситуацию, но, даже если бы я могла это сделать, это не изменило бы папиного выбора и того, что он о нас думал. Он считал, что Сальма справится без его помощи, а я — нет. Но ей казалось, что это значит нечто совсем другое: что он любил ее меньше, чем меня. Я вышла на улицу, небо казалось мутно-оранжевым, а воздух — тяжелым от жары. Сальма стояла у качелей, и в глазах ее блестела зависть, которая не позволила мне больше произнести ни слова.

Я не ожидала, что такая умная женщина, как моя сестра, будет завидовать, и тем не менее она завидовала. В действительности зависть терзала ее с того самого дня, как она узнала, что меня приняли в Стэнфорд. Сальма училась в

государственной школе в Сан-Бернардино, но в медицинский колледж поступить не смогла и пошла учиться в стоматологическую школу Лома-Линда, чем была весьма довольна, пока мне не пришло письмо о зачислении в Стэнфорд. Она не разговаривала несколько дней. А мама, напротив, только и делала, что рассказывала всем об этом. Брату и его семье, новым друзьям из мечети, соседям по улице. Внезапно все, что я говорила или делала, стало для нее чуть ли не гениальным. Ее одобрение было настолько приятно и непривычно, что, возможно, именно поэтому я и решила изучать медицину. Но когда три года спустя я позвонила домой и сказала, что передумала учиться в медицинском колледже и хочу заниматься музыкой и учиться в Миллс-колледже, мама пришла в ужас, а сестра посчитала, что я просто рехнулась. Мама не могла поверить, что все эти годы математики, биологии и химии закончатся камерным квартетом и джазовым ансамблем.

— Не делай этого, — предупреждала она меня. — Ты загубишь себе жизнь.

— Мам, успокойся, ты говоришь так, будто я беременна.

— Беременна? Почему ты так говоришь? Чем

ты занималась в школе?

— Ничем, я просто пытаюсь объяснить, что это всего лишь диплом о высшем образовании, а не пожизненное заключение.

— Ты снова витаешь в облаках!

А Сальма тем временем обручилась с Тареком Дарвишем, сокурсником-стоматологом, чьи родители эмигрировали из Сирии в 1970-х годах. Вместе с Тареком они планировали открыть совместную стоматологическую практику, а мама и в тот день, и в каждый день после того дня бесконечно повторяла, что именно такого поведения следует ожидать от ребенка, ради которого родители *пожертвовали всем.* Я позвонила сестре и попросила ее вразумить маму, но та лишь расхохоталась в ответ.

— Постой. Ты что, серьезно, Нора? — спросила она. — Музыка?

Только папа не насмехался надо мной. Он слушал мою музыку и время от времени, несмотря на возражения матери, присылал мне чеки на небольшие суммы. И теперь он отложил для меня немного денег, из-за чего сестру буквально обсыпало от зависти. Она не могла даже взглянуть на меня, когда мы стояли посреди оживленной шумной толпы. В тот момент я подумала, что

лучше вернуться в Окленд, хватит с меня. Меня ждет незаконченная композиция, мои друзья, моя настоящая жизнь. Тут я увидела, что близнецы бегут к нам через школьный двор.

— Тетя Нора, тебе понравилось? — спросила Аида.

— Очень, — улыбнулась я. — Я никогда еще не видела такого прекрасного королевского стражника. Дай пять.

— А из меня получился хороший стражник? — спросил Заид.

— Никто не умеет притворяться спящим лучше тебя. Дай пять.

Дети стояли между своей мамой и бабушкой, их лица светились радостью, никто, кроме них, не улыбался мне так с тех пор, как я приехала домой. Я предложила сфотографироваться. Взглянув на детей сквозь видоискатель фотоаппарата, я вдруг заметила, что волосы Аиды потемнели, их оттенок стал похож на мой. Я хотела сказать об этом, но Сальма взяла детей за руки и объявила, что им пора.

— Доброй ночи, — сухо бросила она и повела детей к машине.

На обратном пути я слушала, как мама в десятый раз за день повторяет, что ничего не знала о

том, что отец застраховал свою жизнь.

— Даже не знаю, когда он купил страховку, — говорила она. — Наверное, заплатил со счета компании.

— Ты тоже винишь меня в этом, мам?

— Я не виню тебя. Я волнуюсь за тебя. За твое будущее.

Мама произнесла это с таким смирением, будто это была ее тяжелая доля — заботиться обо мне. Так происходило каждый раз, когда я возвращалась домой. Мы проводили вместе несколько тихих часов, а потом она начинала говорить и перебирала все варианты на тему того, как я ее разочаровала. Почему ты не найдешь работу получше? Может, тебе поступить в юридический колледж? Почему ты не возвращаешься домой, ты ведь все равно не поступаешь в юридический колледж и не можешь найти хорошую работу? Я говорила тебе, что дочь миссис Хаммади выходит замуж? Ты это наденешь на ужин? Белый тебе не идет, ты в нем слишком смуглая. Ты смотрела видео, которое выложил Тарек? Его выступление перед Американской ассоциацией пародонтологов посмотрели 313 человек, представляешь? И самый главный вопрос, который с годами звучал все чаще: когда ты выйдешь замуж?

Мама не успокаивалась, пока не добивалась безоговорочной капитуляции. Поэтому я составила собственный набор каверзных вопросов. Почему ты бросила институт, когда вышла замуж? Почему вы привезли нас сюда, в центр пустыни? Почему ты голосовала за Джорджа У. Буша? Почему ты называешь трехнедельный эмбрион малышом? Наверняка ты понимаешь разницу, ты же хотела стать врачом. Да, ты уже три раза говорила мне о дочери миссис Хаммади. У нее будет три свадьбы? А мой фортепианный концерт в Ботаническом саду Сан-Франциско ты смотрела? Он тоже выложен в Интернет. И сколько раз мне повторять тебе одно и то же: я не хочу замуж!

Эти битвы никогда не заканчивались ничьей победой. Лучшее, на что я могла надеяться, это возвращение к статус-кво, к прежнему положению дел, что обычно и случалось перед тем, как я снова уезжала. Теперь завещание отца открыло новый фронт в этом конфликте с матерью, и на этот раз Сальма тоже участвовала в военных действиях. Но у меня не было сил сражаться. Я решила, что не вынесу дома больше ни одного дня. В тот вечер, перед тем как лечь спать, я заправила машину, собрала сумку и убрала ноутбук в чехол.

Я решила, что с наступлением утра сразу же уеду в Окленд.

И все же, когда пришло время ехать, я никак не могла смириться с мыслью, что просто вернусь в свою квартиру. Если я как ни в чем не бывало вернусь к прежней жизни, это будет значить, что смерть отца осталась позади, что меня это больше не волнует, но это неправда. И тогда я решила попросить у мамы ключ от дома в Джошуа-Три. Домом это жилище, конечно, назвать было сложно. Обычная лачуга с большими окнами и покатой крышей, построенная поселенцами еще в 1940-х годах. Однажды, возвращаясь из национального парка, отец увидел табличку «Продается» на обочине дороги и позвонил по написанному в объявлении телефону, даже не посоветовавшись с матерью. Он считал, что за 25 000 долларов сделал фантастическую инвестицию, а мать обозвала домик рухлядью и сказала, что папа выбросил деньги на ветер. Папа ответил, что отремонтирует домик и сдаст, а мама возразила, что ни один турист не захочет там жить. Они ссорились каждый раз, когда разговаривали, и домик дал им новую тему для споров. Мама неохотно отдала мне ключ и попыталась отговорить меня переезжать в лачугу. Домик слишком

маленький. Испарительный охладитель воздуха работает плохо, так что, скорее всего, днем там жарко. А ночью наверняка холодно. И еще туда иногда забредают койоты.

Мне было все равно. Я сказала маме, что это всего на несколько дней. Всю дорогу до домика я думала о папе. Каждый день он ездил по этому отрезку 62-го шоссе. Здесь была заправка, где он заправлял машину, букинистический магазин, где он покупал книги в мягкой обложке, винный магазин, в котором он брал пиво. Жизнь уже продолжалась без него.

Я доехала до домика и обнаружила, что входная дверь не отпирается. Ключ застрял в замке. Я с трудом вытащила его и вернулась к машине. И тут я вспомнила один папин трюк, который он мне показывал, и полезла в бардачок за карандашом. Я водила грифелем по зубцам ключа, пока они не потемнели от графита. Потом попробовала снова открыть дверь. На этот раз она со скрипом поддалась. В нос ударил запах пыли и мускуса, я чихнула.

В доме почти не было мебели. Под окном стоял серый диван с грязными, заляпанными чем-то подушками. Кухня совсем крошечная, с двумя табуретками, столешницей и пластиковым сто-

лом, заваливавшимся на одну ножку. Каменный камин отделял зону гостиной от двуспальной кровати. Уединиться можно было только в ванной. Я открыла дверь кухни и вышла на задний двор. Там росло несколько кустов юкки и одно дерево. Еще там стояло два покрытых пылью садовых стула, обложенных камнями, чтобы ветер из пустыни не перевернул их. Повсюду валялись инструменты, которые отец купил, чтобы озеленить дворик, но, судя по всему, так ими и не воспользовался.

Я вернулась обратно к переднему крыльцу, где висел испарительный охладитель. Горлица свила на нем гнездо и теперь с вызовом смотрела на меня, будто предупреждала, что не стоит нарушать ее покой. Какое-то время мы разглядывали друг друга. Потом я примирительно подняла руки и сказала: «Ладно, мамочка, можешь остаться». Я медленно просунула руку за металлическую коробку и открыла кран подачи воды. Все это время горлица не сводила с меня глаз. Потом я отступила, обливаясь потом, и зашла в дом.

Мне хотелось позвонить детективу Коулман и спросить, есть ли какие-нибудь новости, но было еще слишком рано, поэтому я занялась уборкой. Вымыла раковины, протерла окна и подмела

пол. На то, чтобы вытереть пыль с книжного шкафа, ушло довольно много времени. Я уселась на пол и стала листать книги в мягких обложках. Шпионские романы. Детективы. Триллеры. Этим развлекался мой отец, когда приезжал сюда на выходные якобы делать ремонт? Или он собирал эти книги для туристов?

Закончив уборку к середине дня, я вдруг почувствовала дикую усталость. Я заснула прямо в одежде, и отец снова мне приснился. Мы были на вокзале, полном спешащих путешественников, они волочили за собой чемоданы на колесиках. Колесики скрипели так громко, что трудно был расслышать, что говорит папа, хотя он стоял совсем близко. «Скорей, Норайни, скорей! А то опоздаем». Мы спустились на платформу, и оказалось, что мы не на вокзале, а в порту. Безбрежный кобальтово-синий океан простирался перед нами. Вместе с чемоданами мы втиснулись в маленькую лодку. Отец начал грести, мастерски работая веслом, но у меня ничего не получалось. «Смотри, Нора, — говорил он, — смотри, держи вот так». Но деревянная ручка все время выскальзывала у меня из рук.

Я проснулась вся в поту, одежда липла к телу, в ноздрях стоял запах чистящих средств. Я приняла

душ и взглянула на часы. Наконец можно было позвонить детективу Коулман.

— Расследование еще не закончено, — сказала он, когда я до нее дозвонилась. По ее словам, в городе был 251 серебристый автомобиль марки «форд». Потребуется некоторое время, чтобы выяснить, который из них имеет отношение к делу, и это при условии, что машина принадлежит кому-то из местных жителей, а не туристу.

— Никто не звонил по вашему объявлению? Какие-нибудь свидетели?

— Пока нет.

Я постаралась сдержать разочарование, но не смогла. Потом я решила, что завтра снова позвоню Коулман. Может быть, завтра будут какие-нибудь новости.

Мариам

Долгое время после смерти мужа я жила как в тумане, не понимала, что будет дальше, и не осознавала многое из того, что происходило вокруг, и того, что делали дочери, совершенно не советуясь со мной, — мне оставалось только соглашаться с уже принятым решением. И все же в тот вечер, в четверг, я стряхнула с себя оцепенение и решила нарядиться и пойти в начальную школу смотреть спектакль «Спящая красавица». Я сделала это ради внуков, которым в то время было всего восемь лет, и они почти ничего не знали о жизни и еще меньше о смерти. Я зашла в школьную столовую, думая, что меня ждет обычный семейный вечер, но моего зятя не оказалось среди зрителей, его срочно вызвали на работу, а дочери принялись ругаться из-за завещания мужа. Они даже не потерпели до дома, кричали друг на друга на глазах у посторонних людей, не обращая внимания на мои просьбы говорить тише. В конце концов я сдалась, сложила руки на коленях, закрыла глаза и начала снова и снова читать суру «Ан-Нас». Я почувствовала такое облегчение, когда занавес

открылся и на сцене появились король и королева, что начала аплодировать, как сумасшедшая.

В молодости я легко очаровывалась новыми друзьями, новыми местами, новыми идеями, но с годами волшебство рассеялось, и теперь я видела вещи такими, какие они была на самом деле. У других людей все было не так. Например, у моей подруги Каримы Айт-Якуб, которая была голосом студенческого движения в Университете Касабланки, а потом, я бы сказала, стала его лицом, потому что после того, как ее посадили в тюрьму, ее лицо начали помещать на плакаты. Ее арестовали довольно быстро, в 1979-м, и посадили в «Дерб Мулай Шериф». Это знаменитая тюрьма. Возможно, вы даже о ней слышали, если можно вообще называть тюрьму знаменитой, думаю, лучше подобрать какое-нибудь другое слово для обозначения такой известности. После этого муж пытался защищать ее в суде, пока его самого не арестовали за распространение запрещенных листовок, а их детей забрали из школы и отправили жить к бабушке в Мидельт. Я не хотела, чтобы то же самое случилось и с нашей с Дриссом семьей.

После того как арестовали нашего друга Брагима, я сказала Дриссу, что хочу переехать в Калифорнию, но он не согласился. Он все еще бре-

дил марксистскими идеями и не понимал, как это глупо — доверять другим вершить твою судьбу. Я не горжусь тем, что я сделала, хотя у меня не было другого выбора — как еще могла я объяснить ему, что он подвергает нашу семью огромной опасности и что нам необходимо уехать? Когда на следующий день он пришел домой с работы, я встретила его у двери.

— Муккадам[25] приходил сегодня, — сказала я, вытирая руки о фартук.

— Что он хотел?

— Он сказал, что у нас на улице обворовали машину и что нам лучше следить за своим «рено» ночью. Но после того, как я поблагодарила его и хотела уже закрыть дверь, он начал расспрашивать о тебе. Как у тебя дела, сдал ли ты экзамены, какие у тебя планы.

— Экзамены отменили, он должен это знать, — нахмурился в ответ Дрисс. Он вытащил сигарету из пачки «Каса спорт», его явно встревожили эти новости. — Думаешь, он хочет на меня донести?

— А зачем еще он приходил и задавал все эти вопросы?

Дрисс прошел мимо меня на балкон, он сидел

---

[25] Примечания: 25
Лидер исламской религиозной общины.

там, курил и думал до тех пор, пока муэдзин не призвал всех к вечерней молитве, пока не зажглись уличные фонари и пока соседи не начали звать детей домой.

Я хотела только сохранить семью, и больше ничего. И мне это удавалось в течение нескольких лет после того, как мы приехали в эту страну. Мы с Дриссом работали в пончиковой и проводили вместе по восемнадцать часов в день. В результате мы очень сблизились, случалось, что читали мысли друг друга и заканчивали друг за друга фразы. По вечерам мы рассказывали Сальме сказки, пока она не засыпала, а потом заучивали фразы из учебника по английскому языку, звонили моему брату, писали письма моим сестрам, сплетничали о клиентах. Но когда я забеременела Норой, мне поставили диагноз преэклампсия. Это произошло, вероятно, из-за того, что у меня повышенное давление, Дрисс считал, что это из-за того, что я ем слишком много соли, но дело не в соли, дело в генетике, моя мать страдала тем же. Врач прописал мне постельный режим до конца беременности. Представляете, никакой работы по дому или прогулок, нельзя было даже отводить Сальму в школу. Одним словом, никакой физической активности.

До сих пор помню, какими долгими и одинокими показались мне эти шесть месяцев, целыми днями я не выходила из своей комнаты и чувствовала себя словно в тюремной камере, ведь я активный человек, люблю заниматься чем-то интересным, а не лежать в постели, вязать или спать. Я даже не могла смотреть свои любимые дневные ток-шоу, потому что у меня периодически случались какие-то странные вспышки перед глазами и от телевизора их становилось больше. Каждый вечер я ждала возвращения мужа.

— Дрисс, — просила я, — расскажи, как прошел день?

Но после долгого рабочего дня, после готовки и уборки, которыми ему теперь приходилось заниматься после работы, у него совершенно не оставалось сил. Вечер за вечером он плюхался в кресло, закрывал глаза и отвечал: «Я слишком устал, чтобы разговаривать».

После родов я надеялась, что все станет как прежде, но Нора постоянно плакала, и плакала она не от того, от чего обычно плачут младенцы: не потому, что у нее болел животик, или она была голодна, или подгузник пора было поменять. Она лежала в кроватке, спала или играла и вдруг, ни с того ни с сего, начинала вопить. Никогда не

могла понять, что с ней такое. В конце концов я бросила работу в магазине. Я не жалею, что стала домохозяйкой, ни в коем случае, дочери — свет моей жизни, просто я надеялась, что после всех этих жертв мы станем крепкой семьей, но оказалось, что мои дочери живут в совершенно разных мирах.

Возможно, всему виной разница в возрасте. К тому времени, как Нора доросла до кукол и игрушечных грузовичков, Сальма уже переключилась на настольные игры и «Монополию». А может, у них были слишком разные характеры. Нора любила слушать музыку в одиночестве в своей комнате, а Сальма не могла обойтись без подруг из волейбольной команды. Они даже внешне совсем разные, не скажешь, что сестры. У Сальмы светлая кожа, как у ее отца, а у Норы — темная, как у меня. Шли годы, а я чувствовала себя все более одинокой: муж постоянно на работе, одна дочь занимается медициной, другая — музыкой. Наша семья превратилась в чайный сервиз из комиссионного магазина, в котором всегда чего-то не хватает.

После смерти Дрисса Нора вернулась домой, что стало для меня большим утешением, ведь мне было бы тяжело оставаться одной в доме, к тому

же я попросила ее разобраться с мелкими делами: отправить плату в морг, забрать из химчистки костюм отца, который он отнес туда за неделю до несчастного случая, пригнать домой его машину с той улицы, где она осталась. В перерывах между этими мелкими поручениями она заходила в отцовскую спальню, прикасалась пальцами к его щетке для волос, доставала из шкафа его пиджаки и вдыхала их запах, куталась в них. Я застала ее за этим накануне школьного спектакля: она сидела на кровати в отцовском пиджаке и смотрела на свои ноги. «Нора», — окликнула я ее, но она меня не услышала, мне пришлось дотронуться до ее плеча, чтобы она обратила на меня внимание, заметила, что я стою рядом.

Она выглядела потерянной. В каком-то смысле такой она и была. Она постоянно витала в облаках, и, думаю, именно поэтому отец оставил ей немного денег, чтобы она могла начать все сначала, может быть, выбрать карьеру получше, но эти деньги очень расстроили ее сестру, и потому они устроили такую свару в школьной столовой. В тот вечер я не могла сосредоточиться на спектакле: мне больно было слышать, как ссорятся мои дочери, будто они чужие друг другу, не сестры вовсе, и поэтому я позволила туману вновь поглотить

меня, унести в счастливое прошлое, в то время, когда мы с Дриссом были молоды, когда мы все еще были вместе, были семьей.

Эфраин

Елена играла в школьном спектакле добрую фею и была в восторге, что наденет парик со светлыми волосами. Это было заметно, потому что она все не могла налюбоваться на себя в зеркале над комодом, кокетливо наклоняла головку и улыбалась своему отражению. Ей было всего восемь, а она уже подражала женщинам, которых видела по телевизору. Как только Марисела приколола парик к ее волосам, она качнулась вперед на стуле, чтобы дотянуться до пластиковых клипс, которые лежали на комоде между одеколоном и моей обезболивающей мазью.

— Зачем тебе парик? — спросил я, не вставая с кровати. У Елены были черные, блестящие и очень длинные волосы, они доходили ей до середины спины. На мой взгляд, они идеально подходили для такой роли. — Разве у доброй феи не могут быть черные волосы?

— У фей светлые волосы, папа! — ответила Елена.

— Это правда? — спросил я у Мариселы. Я видел как-то «Спящую красавицу» по телевизору, но

мало что запомнил из этой истории, кроме того, что принцесса проспала сто лет. Мне лично в последнее время сна очень не хватало, поэтому я почти завидовал этой принцессе.

— Феи обычно в шляпах, но у учительницы, видимо, не нашлось шляп, поэтому она придумала парики. — Марисела накрыла плечи Елены прозрачной розовой накидкой и повернулась ко мне. — Ты готов?

— Да.

Я взял Дэниела за руку и вышел из квартиры вслед за Еленой и Мариселой. До школы идти не больше пятнадцати минут, но и эта небольшая прогулка может стать неприятной, если дует ветер с пустыни. Но в тот вечер дул только мягкий, прохладный ветерок. Я чувствовал, как скука и раздражение, мучившие меня днем, отступают, сменяются ощущением удовольствия от общения с женой и детьми. У Елены была только одна реплика, которую она так часто репетировала, что мы выучили ее наизусть: «Маленькая принцесса, я дарую тебе грацию». Произнося эти слова, она должна была взмахнуть волшебной палочкой. Ей очень нравилось взмахивать волшебной палочкой.

Спектакль проходил в школьной столовой.

Как только мы сели, я открыл программку, чтобы найти там добрую фею в светлом парике. В списке актеров было два десятка имен, но я нашел ее довольно быстро: Елена Асевес Мендес. Легкое волнение охватило меня в тот момент — я никогда раньше не видел свою фамилию напечатанной, разве что на документах, удостоверяющих личность. Помню, что сказал об этом Мариселе.

— Мы сохраним эту программку, — улыбнулась она.

Дэниел потянул меня за рукав и спросил, когда начнется представление: этому мальчишке вечно не сиделось на месте. Пока Марисела пыталась отвлечь его игрой в веревочку, я снова начал просматривать программку. И именно тогда я заметил имя, которое так отчаянно старался стереть из памяти. Оно дважды появлялось в списке актеров, как будто для того, чтобы сильнее пристыдить меня. Аида Геррауи Дарвиш. Заид Геррауи Дарвиш. Я отложил программку, но после этого все пошло наперекосяк. Спектакль начался с опозданием, две женщины в первом ряду громко спорили друг с другом, а в тот момент, когда дочь на сцене должна была взмахнуть волшебной палочкой и одарить принцессу, она

чихнула и уронила свою палочку. Вечер, которого я так ждал всю неделю и который должен был принести мне радость и отвлечь от мрачных мыслей, оказался настоящим мучением. Я сидел в темной столовой и не мог забыть о том, что родственники Геррауи тоже сидят где-то рядом и ждут, когда их дети выйдут на сцену. Оба играли ночных стражников.

Я убеждал себя, что это просто случайность, мы живем в маленьком городке и в нем только две начальные школы, так что внуки старика в любом случае должны были оказаться в одной из них. Но это не помогало. Я чувствовал себя так, будто меня лишили той маленькой толики счастья и покоя, которая у меня еще оставалась, и, непонятно почему, мне вдруг вспомнился Алонсо. Он был сыном сестры моей матери и родился всего на день раньше меня, так что мы были скорее братьями, чем кузенами. Мы даже выглядели как братья: у нас у обоих был туманный взгляд, одинаково росли волосы на лбу, и у него, так же как и у меня, был маленький нос, терявшийся на широком лице. Однажды вечером, нам тогда было по тринадцать лет, мы с Алонсо вышли из школы, но, вместо того чтобы пойти, как всегда, домой вместе со мной, он пошел помочь

одному другу с переездом. Они провозились со всякими делами допоздна, и в результате Алонсо пришлось в одиночку ждать автобуса где-то в незнакомом районе. Двое из уличной шпаны, совсем мальчишки, возникли неожиданно из тени и попросили денег. Когда Алонсо в ответ рассмеялся и сказал, что у него ничего нет, один из хулиганов достал складной нож и полоснул его по левой стороне лица. Алонсо в итоге лишился левого уха. После этого он очень изменился. С ним стало невозможно дружить, теперь он постоянно себя жалел. Ему больше нельзя было рассказать ни о девушке, которая тебе нравилась, ни о работе, о которой ты мечтал, ни о путешествии, в которое ты был не прочь отправиться. Алонсо каждый раз в ответ на это печально сообщал, что́ может пойти не так и почему ничего не получится. И каждый раз, когда мы оставались вдвоем, он постоянно пялился на мое левое ухо, как будто завидовал мне.

Именно это я и чувствовал в тот вечер. Я завидовал всем людям в школьной столовой, которые сидели рядом со мной, потому что они не были свидетелями того наезда на 62-м шоссе. Больше всего на свете я хотел быть таким же ни о чем не ведающим, таким же спокойным, как и они все,

потому что понимал, что потерял покой навсегда. После спектакля, когда мы уходили, я оставил программку на стуле. Мне было непросто это сделать, но именно так я и поступил. Я не мог допустить, чтобы Марисела вдруг заметила в списке актеров фамилию старика и начала бы снова упрашивать меня поступить правильно. Она никак не могла понять, что я и так поступил правильно. Ради нас.

Джереми

Я заехал на парковку судебного изолятора Уэст-Вэлли и просто сидел в джипе, оставив ключи в замке зажигания. В кафе напротив сквозь зарешеченные окна светились лампочки, они словно тоже были под арестом. Двое человек вышли из изолятора и несколько минут болтали, стоя на тротуаре, прежде чем разойтись. Еще можно было развернуться и уехать. Поехать домой, а Фиерро оставить в тюрьме, чтобы он усвоил урок. Никто не осудил бы меня за это. Но что бы я ни думал сейчас, я знал, что просто тяну время, знал, что все равно заглушу двигатель, зайду внутрь и заполню бланки.

Час спустя Фиерро вышел из изолятора. Под глазами у него залегли тени, он был очень бледен, хотя его взгляд остался таким же пронзительным и ясным, как обычно. Из-за скопления нерассмотренных дел он предстал перед судьей, который определил сумму залога, только накануне, поэтому в Уэст-Вэлли ему пришлось провести четыре ночи. У стойки он расписался на бланке, и ему вручили пакет на молнии, где лежали его ключи

и бумажник. Если он и удивился, увидев меня, то никак этого не показал. Даже не остановившись, чтобы пожать мне руку, он прошел мимо и вышел через двойные двери на улицу. Там он встал, видимо пытаясь сориентироваться. Было уже далеко за полдень. Две птички гонялись друг за другом в ветвях эвкалипта. Из ресторана через дорогу доносился запах кофе и мяса.

— Поехали отсюда, — сказал он и немного расслабился, только когда мы сели в джип. — Спасибо, что внес залог.

По радио передавали сводку о дорожном движении, но я убавил громкость, чтобы он мог меня слышать.

— Не за что. Но есть одно условие.

— Какое?

— Ты пройдешь лечение.

Фиерро пристегивал ремень безопасности, но в этот момент замер.

— Блин, только не это.

— Не пойдешь?

— Я больше не хочу иметь дело с управлением по делам ветеранов. — Он пристегнул ремень безопасности. — Пять месяцев я ждал от них слуховой аппарат и до сих пор не могу настроить его так, чтобы он нормально работал.

— Управление тут ни при чем. В общественном центре есть группа психологической поддержки для людей, у которых проблемы с управлением гневом. Я узнал о ней от Стрэттона. Его друг ведет эту группу.

— Хочешь, чтобы я пошел на терапию к идиоту-любителю?

— Кретин ты, он не любитель. У него степень магистра, он опытный психолог, и его очень хвалят. Хочешь, я тоже буду ходить?

— Да не буду я сидеть кружком с какими-то придурками, которые стонут и жалуются на свои чувства. Поехали уже, что мы тут торчим?

Я завел машину и выехал со стоянки на улицу. На первом светофоре я достал сигарету. Это была моя третья сигарета за день. Или четвертая. В любом случае это был прогресс. Бросить курить наверняка не сложнее, чем пить. После того как решил, что больше не буду пить, ни разу не сорвался. Я глубоко затянулся, наслаждаясь сигаретой, потому что не сомневался, что на сегодняшний день она последняя. Фиерро открыл окно рядом с собой, чтобы выпустить дым.

— Эта дрянь когда-нибудь убьет тебя, — сказал он.

— Никому не избежать смерти.

— Как и жизни, — усмехнулся он в ответ.

Через мгновение он снова повернулся ко мне.

— Нет, серьезно, как ты можешь так отравлять свой организм? Я не понимаю.

— Что ж, доктор Фиерро, советуете вести здоровый образ жизни? Что еще посоветуете?

— Ничего, — фыркнул он. — Разве что вот: не связывайся с шальными сучками.

В этот момент мы выезжали на 10-ю автостраду, я сделал паузу, а когда мы встроились в поток, сказал:

— Она, вероятно, подаст на запретительный судебный приказ.

— Кто, Мэри? Я и не планировал с ней встречаться.

— Надеюсь, что это правда. Хорошо бы ты оставил ее в покое. Навсегда, понимаешь?

— Я подписал документы на развод.

— Подписал?

— Ну а что, думаешь, я вру? Я сразу же подписал, после того как раздолбал чертову машину.

— Ладно. Хорошо. Первое собрание в следующий четверг, кстати.

— Ты что, всерьез хочешь запихнуть меня в идиотскую группу взаимопомощи?

— Конечно всерьез. Тебе нужна помощь.

— Чувак, когда ты нудишь, ты прямо вылитая Мэри. Никогда не замечал?

— Да? Ну, может, тебе стоило к ней прислушаться?

Всю оставшуюся дорогу Фиерро молчал. Даже когда мы проезжали мимо ветряков, он не пошутил, как обычно. Вопрос: «Как ветряки относятся к возобновляемым источникам энергии?» Ответ: «С ветерком!» Когда мы подъехали к его дому, он открыл солнцезащитный козырек, заглянул в зеркало и пригладил сальные волосы. В лагере Такаддум он обматывал себе голову банданой до самых бровей, стоя перед маленьким зеркалом в душевой. Иначе, когда мы шли в патруль, пот заливал ему лицо непрерывным потоком. Мы прошли через десятки таких патрулей вместе, потеряли в них приятеля, но не во время патруля мы стали друзьями. Это случилось во время одной поездки за неделю до окончания нашей службы, когда нам было поручено сопроводить одного иракского чиновника по имени доктор Джабер на какую-то встречу в западной части Рамади. Он отвечал за восстановление тех частей электросети, которые были уничтожены во время вторжения, но за восемь месяцев встреч с американскими подрядчиками ему так и не удалось согласовать

план. В то майское утро, в понедельник, температура уже перевалила за тридцать, но нам всем было плевать. Нам не терпелось поскорее отработать несколько оставшихся до возвращения в Штаты смен, и, ожидая министра, мы болтали, в основном о том, что будем делать, когда вернемся домой. Ходить в бары. Знакомиться с девчонками. Плавать в бассейне. Хек тогда сказал: «К черту все это, лучше переехать туда, где постоянно идет дождь и где никого нет».

После встречи мы сопровождали доктора Джабера обратно по маршруту Мичиган. Дорога впереди была залита солнечным светом. Сидя у турели, я щурился от яркого солнца, даже солнцезащитные очки не помогали. Откуда-то с улицы доносился скрип тележки, с которой распродают хлеб, и детский смех. А потом вдруг ни с того ни с сего я взлетел на три метра в воздух, винтовка выпала у меня из рук, а в спину вонзился осколок. Перед глазами все потемнело. Следующее, что я помню, это вкус гравия во рту и истошный вопль Фиерро: «Я держу тебя, Горецки, держу!» Он закинул меня к себе на спину и вынес из канавы, куда я упал. Только потом, когда очнулся уже в больнице, я узнал, что у него лопнула барабанная перепонка.

Фиерро захлопнул солнцезащитный козырек и повернулся ко мне.

— Пойдем куда-нибудь, выпьем?

— Не сегодня.

— От меня так плохо пахнет?

— Душ бы тебе не помешал. Но дело не в этом. Я устал сегодня.

— Ладно. Спасибо еще раз, друг.

Я выехал со стоянки и поехал домой. Я чувствовал неприятную тяжесть на сердце и знал, что она не позволит мне заснуть этой ночью. Может, прогуляться перед сном, думал я, измотать себя, проветрить голову. Я проехал мимо своей улицы и поехал дальше по шоссе, в сторону национального парка. Остановился на красный свет и вдруг увидел, как Нора заходит в бар «Маклин».

Нора

Я переехала в домик, чтобы не ссорится постоянно с родными, но здесь возникли другие сложности: тишина давила на психику, все время казалось, будто я слышу стук своего сердца. Я не привыкла жить в пустыне, или, точнее сказать, уже отвыкла, поэтому села в машину и отправилась на поиски бара, чтобы выпить. Я никогда раньше не была в баре «Маклин» и удивилась, что в шесть часов вечера он оказался полон. Я села за барную стойку. Какие-то туристы в походной одежде и соломенных шляпах склонились над единственным меню и обсуждали, что заказать: обычную картошку фри или с чесноком. Через три стула от меня человек в синей спецодежде увлеченно тер ключом лотерейный билет. Двое бородатых мужчин напротив потягивали пиво и тихо беседовали. Бармен смешивал коктейли и не обратил на меня внимания, даже когда я попыталась поймать его взгляд.

— Нора, — окликнул вдруг кто-то сзади.

Я повернулась на барном стуле и уронила сумочку с колен. Все ее содержимое высыпалось

на пол: ключи, перцовый баллончик, мелочь, непонятно откуда взявшаяся губная помада, эмалированная коробочка для таблеток, мобильник. Жуткий бардак. Джереми Горецки стоял рядом и смущенно улыбался.

— Прости, — сказал он, поднимая вещи с пола. — Я не хотел так напугать тебя.

— Ничего. — Я взяла у него сумочку и застегнула ее. — Что ты здесь делаешь?

— Зашел поужинать. Хочешь, сядем за столик?

— Я хотела немного выпить, и все. По крайней мере, надеялась. — Я взглянула на бармена, который наливал пиво одному из стариков и по-прежнему не обращал на меня никакого внимания. — Ладно, давай сядем за столик.

Я соскользнула с барного стула и пошла за Джереми к столику у окна. В футболке и шортах он выглядел моложе, чем в рубашке и брюках, в которых приходил к нам домой. Кстати, я вдруг вспомнила, что он на год меня младше — ведь меня оставили в первом классе на второй год. Он подозвал официантку, и она тут же подошла, доставая блокнот из передника. Пышногрудая блондинка в майке и черных джинсах, с севшим голосом курильщицы.

— Что будешь, красавчик? — ласково спросила

она.

Джереми протянул руку в мою сторону.

— Мне джин с тоником, пожалуйста, — попросила я.

— Без проблем. Что-то из еды?

— Нет, только коктейль. Спасибо.

— Мне бургер средней прожарки с картошкой фри, — сказал Джереми. — И стакан воды.

— Сейчас будет.

Официантка ушла. Я сняла с плеча сумочку и повесила ее на подлокотник.

— Ты как? Держишься?

Этот вопрос мне уже много раз задавала соседка по комнате и друзья, и я до сих пор не придумала, как на него отвечать. После смерти отца жизнь будто остановилась, и я застряла в одном моменте, в одном месте.

— Никак, — ответила я и пожала плечами.

— Соболезную. Я знаю, как это тяжело.

В его голосе было столько искреннего сочувствия, что у меня вдруг защипало в глазах, и мне показалось, что я вот-вот расплачусь, наконец-то. Но желание плакать неожиданно прошло. Я подперла подбородок ладонью и уставилась в окно. Небо окрасилось в персиковые тона. По шоссе то и дело проносились машины. В среднем ряду

остановился грузовик, водитель вышел из него, чтобы доставить заказ. Как странно заказывать что-то в такой поздний час.

— Отец оставил мне все свои деньги, — сказала я, повернувшись к Джереми. — Можешь поверить? Мне, неудачнице!

— Ты не неудачница.

— С чего ты взял?

— Я встречал неудачников. Поверь мне.

В этот момент вернулась официантка.

— Вам джин с тоником. А вам гамбургер, как вы заказывали. Кетчуп и горчица на столе. Что-нибудь еще хотите?

— Больше ничего, спасибо, — ответил Джереми.

— Не хочешь заказать пиво к бургеру? — спросила я.

Он выдавил кетчуп на край тарелки.

— Я не пью.

— Совсем?

— Совсем. — Минуту поколебавшись, он продолжил: — У меня была сильная бессонница, и, чтобы заснуть, я пил пиво, по пять-шесть бутылок. А потом и этого стало недостаточно. Я скатывался в алкоголизм все больше и поэтому решил остановиться.

— А бессонница прошла?

— Не совсем. Она то уходит, то возвращается.

Я размешала лед черной соломинкой и отпила из бокала, внимательно наблюдая за ним. Он сидел выпрямив спину и ел быстро, хотя, судя по всему, никуда не спешил. Было так странно наткнуться на Джереми в «Маклине». Я не вспоминала о нем лет десять, и вот теперь разговариваю с ним второй раз за эту неделю. Мне пришло в голову, что вот к этому и приводит внезапная смерть, она нарушает давно устоявшиеся закономерности, даже такие незначительные, как наше знакомство. Грузовик с доставкой уехал, открыв вид на торговый центр через дорогу. Женщина запирала маникюрный салон, она взялась за ручку двери обеими руками и несколько раз дернула, проверяя, хорошо ли заперта дверь. Потом пошла к машине.

— Там ведь раньше было кафе-мороженое? — спросила я, указывая на салон.

— Его снесли пару лет назад, на его месте построили что-то другое.

— Я часто ходила туда с Соней Мукерджи после уроков испанского.

В старших классах у нас с Соней было мало друзей. Мы были единственными девочками в

джаз-банде, и наши фамилии ни один учитель не мог выговорить целиком, все называли только первую букву; праздники, которые мы отмечали, не значились в списке школьных торжеств; в рождественском спектакле мы каждый год играли волхвов, хотя не хотели их играть, говоря, что мы девочки, но нас не слушали, и приходилось покрывать головы длинными белыми шарфами, чтобы спрятать волосы, и надевать халаты, чтобы скрыть выступающие груди и бедра. Нас обеих считали мусульманками, и Соне часто приходилось объяснять: «Нет-нет, я индуистка». А потом в сентябре на второй год нашего обучения в старшей школе два самолета врезались во Всемирный торговый центр, и странным образом стало совершенно не важно, кто мы — мусульманки или индуистки. Нас обеих называли одинаково. Чурки. Талибы. Иногда — чуркообразные талибы. На уроках испанского мы хотя бы были такими же смуглыми, как и остальные дети в классе, такое счастье! Мы каждый день мечтали слиться с толпой, стать незаметными. Час мы спрягали глаголы: *yo me voy, me fui, me iba, me iria, me ire*[26], а потом шли за мороженым.

---

[26] Примечания: 26

Я ухожу, я ушел, я уходил, я бы ушел, я уйду *(исп.).*

— Я помню, — сказал Джереми.

— Ты тоже ходил на уроки испанского?

— Нет, я работал в этом кафе-мороженом два дня в неделю.

— Точно!

Перед глазами вдруг всплыла размытая, но вполне четкая картинка: Джереми Горецки за кассой в белой рубашке поло и красном фартуке ждет, когда мы сделаем заказ. Я почувствовала, как к щекам прилила краска, и поняла, что он это заметил. Я замолчала, вспоминая те давно минувшие дни. Что сейчас с Соней? Она поступила в Нью-Йоркский университет и первые несколько недель присылала мне восторженные письма по электронной почте, но вот уже много лет я ничего о ней не слышала. Надо будет как-нибудь написать ей.

— Помню, один раз вы с Соней так развеселились, что ты сбила подставку для ложек. Такой бардак развели.

— Для протокола, офицер, это был стеллаж для чашек, и нас после этого выгнали из кафе.

— Да, точно.

— А с *тобой* вот никогда не случалось неприятностей.

— Конечно случались.

— Какие, например?

— Да глупость всякая. Сейчас не могу вспомнить ничего конкретного.

— Потому что ничего и не было, — улыбнулась я. И вдруг поняла, что кокетничаю с ним. Это хоть чуть-чуть отвлекало от невыносимого чувства утраты, от постоянного горя. Лицо Джереми будто бы осталось прежним — голубые глаза, большой нос, — но что-то в нем изменилось. Последние десять лет явно оставили свой след. Линия подбородка стала более жесткой, а в уголках глаз появились первые признаки гусиных лапок.

Я допила джин-тоник и жестом попросила официантку принести мне еще порцию.

— А что здесь написано? — спросил Джереми, разглядывая татуировку у меня на запястье.

— Это латынь. «Глас вопиющего в пустыне».

Он потянулся через стол и коснулся внутренней стороны моего запястья, потом повернул мою руку к свету, чтобы лучше рассмотреть надпись.

— Почему ты ее сделала?

— Я ходила на митинг в районе Залива, когда училась в колледже. Помнишь закон, по которому нелегальные иммигранты объявлялись преступниками? — Мне показалось, что Джереми хочет сказать что-то о митинге или о законе, но

он просто отпустил мою руку и промолчал. — Ну и вот. Полиция приказала нам разойтись, но я не успела уйти, и меня арестовали. Мне связали руки и посадили на бордюр, ждали, когда подгонят машину. Я в первый раз пришла на протестный митинг и не могла поверить, что меня арестовали. Внезапно до меня дошло, что за меня придется внести залог, и что мама обо всем узнает, и что в моем деле будет теперь запись об аресте. Я пыталась убедить себя, что ничего страшного в этом нет, но в действительности была жутко напугана. Просто ужас. Я сидела, скрючившись, уронив голову на колени, и тогда один из них спросил меня, сколько мне лет. Я сказала, что девятнадцать. Он спросил, где я учусь. Я ответила, что в Стэнфорде. И тогда он развязал мне руки и сказал: «Иди домой, девочка, и не лезь не в свое дело». Я так обрадовалась, что меня отпустили, что даже не подумала ответить ему, что это мое дело, что это дело каждого.

— Уверен, что он догадался, что ты не представляешь особой угрозы для общества. И, скорее всего, ему так же не хотелось там стоять, как тебе не хотелось попасть в тюрьму.

Официантка принесла еще один джин с тоником. Я размешала лед в бокале и отпила из него.

Можжевеловый дух сделал свое дело: в животе стало тепло, и я почувствовала, как ослабевает напряжение между лопатками. Все-таки здорово, что я столкнулась с Джереми в этом баре, приятней пить в компании, чем в одиночестве.

— Похоже, тебе нравится быть полицейским? — спросила я.

— Есть хорошие дни, а есть плохие.

— Что такое? Неужели наш герой разочарован?

— Ну, ты же преподавала в старших классах? Думаю, это похожая работа. Иногда чувствуешь, как полезна и важна твоя профессия, а иногда все ужасно. Но платят хорошо и график удобный. Три дня работаю, три — отдыхаю. Я решил, что в эти три свободных дня могу учиться. Хочешь картошку фри? — Он подвинул свою тарелку на середину стола.

— Нет, спасибо, я не голодная. А где ты учишься?

— Хочу поступить в Калифорнийский университет.

— Ты же учился в университете, разве нет?

— Я бросил после первого семестра и пошел в армию.

— Да ты что!

— Стал морским пехотинцем.

— Ничего себе! — Через минуту я уточнила: — А где ты служил?

— В Ираке.

Я только недавно свыклась с мыслью, что Джереми теперь полицейский, даже это казалось мне странным, но то, что он служил в морской пехоте, просто потрясло меня. Теперь я взглянула на него другими глазами. Те же длинные пальцы, которые когда-то грациозно перебирали струны гитары, потом держали автоматическую винтовку и направляли ее на людей в другой стране, в стране, которая не сделала нашей ничего плохого. Тот же глаз, который так озорно подмигивал, когда Джереми передавал мне в классе записки тайком, потом спокойно высматривал цель в оптический прицел. И тем же мягким голосом, которым он сказал мне, что пошел служить в морскую пехоту, он выкрикивал инструкции подчиненным в мегафон. В нашем маленьком городке в пустыне на домах висели флаги морской пехоты, а машины украшались желтыми лентами. Продуктовый магазин был увешан плакатами «Приветствуем наших героев». Большинство моих одноклассников в старшей школе собирались пойти служить. Так что меня не

должно было сильно удивить то, что Джереми пошел в армию. И все-таки я очень удивилась. Тот заикающийся мальчик из начальной школы, которого я хорошо помнила, никак не мог стать морским пехотинцем. Это была какая-то другая реальность.

— Почему ты пошел в армию? — спросила я.

— В университете я хотел изучать логопедию, но возненавидел этот предмет сразу же, как только поступил. Да у меня ничего и не получалось. На кампусе я чувствовал себя совершенно чужим. Я будто заблудился и не знал, что дальше делать. Америка вступила в войну. И мне это показалось правильным.

— Вторжение в Ирак показалось тебе правильным?

— Я не это хотел сказать, — быстро поправился он. — Я всегда хотел служить. Мой дед был врачом во время Второй мировой войны, отец тоже был в армейском резерве, хоть и недолго. Мне было восемнадцать тогда, наверное, мне захотелось стать частью чего-то большого, пойти по стопам отца и деда.

Неловкое молчание воцарилось за столом.

— Ты уверена, что не хочешь фри? — спросил Джереми через минуту.

— Уверена, спасибо.

Я прикоснулась к талисману на шее, который подарил мне папа на окончание школы. В первую же ночь, как только приехала домой, я достала его из шкатулки с украшениями, которая стояла в моей спальне. Это был оберег в форме ладони. Я вдруг ощутила страшную усталость, и мне отчаянно захотелось остаться одной и снова горевать, и чтобы никто не мешал. На моем бокале с джин-тоником образовались капельки воды, а черная салфетка под ним промокла насквозь. Через два столика от нас пожилая дама достала из сумочки красный кружевной веер и обмахивалась им. В глубине ресторана официантка наполняла солонки, кивая в такт песне, звучавшей из стереосистемы. Наконец она заметила мой настойчивый взгляд и принесла счет.

— Я заплачу, — сказал Джереми.

— Нет, не нужно.

Я положила деньги на столик, и Джереми вытащил купюру из бумажника и вышел из бара вслед за мной. На улице лучи заходящего солнца окрасили белые цветки юкки в темно-оранжевый. Было очень тихо.

— Нора, тебе лучше сейчас не садиться за руль.

— Да все в порядке. — Я вошла на парковку и

направилась к своей машине, но Джереми не отставал.

— Давай я отвезу тебя домой.

— Не стоит. Мне ехать не дальше четырех-пяти километров.

— Нора.

— Что?

— Тебе нельзя сейчас за руль. Сколько в тебе роста, метр шестьдесят? И ты выпила две порции джин-тоника и ничего не съела.

Я вдруг почувствовала себя такой беззащитной. Уязвимой. Мне хотелось остаться одной и больше ничего. Я села в машину, но Джереми не позволил мне закрыть дверь. Знакомый комок страха возник где-то в районе живота.

— Все в порядке, — нервно пробормотала я, — правда.

— Нора, брось. Давай я тебя отвезу. Машину завтра утром заберешь.

Через мгновение я уже шла вслед за Джереми к его джипу, прижимая сумочку к груди, как щит. Он выехал на 62-е шоссе и поехал к дому моих родителей. Я попросила его развернуться и объяснила, как доехать до домика.

— Собираешься пожить здесь какое-то время? — спросил он.

— Недолго, — ответила я. Мне не хотелось объяснять, что я не могу жить под одной крышей с мамой и что мне нужно время, чтобы решить, что делать дальше.

Через пять минут мы подъехали к лачуге. Мама сидела на крыльце и ждала. «Ну просто отлично! — подумала я. — Лучше и не придумаешь!» Я собрала последние силы, чтобы казаться трезвой и собранной.

— Спасибо, что подвез, — сказала я и вышла из машины, не дожидаясь ответа.

Мама встала, увидев меня, и испуганно прижала руки к груди.

— Что случилось?

— Ничего мам. Батарейка в ключе села, я не смогла открыть дверь.

— Я говорила тебе, что нельзя покупать гибридный автомобиль. Они ненадежные.

— Да, ты была права. — Бессмысленная уступка, чтобы предотвратить ссору.

В доме витал запах мятного чая. На кухонном столе стояла стопка пластиковых контейнеров, в каждом из которых лежало какое-то блюдо: перцы, приготовленные на гриле, курица с морковью, фруктовый салат. Осознание того, что мама заходила в дом, окончательно отрезвило

меня.

— Что это? — спросила я, показывая на контейнеры.

— Ты позвонила в Автомобильную ассоциацию?

— Завтра позвоню.

— А что за парень тебя подвез? Лицо знакомое.

— Зачем все это, мам?

— Принесла тебе поесть.

— Не нужно было. — Я бросила сумочку на диван. И тут я заметила цветочную композицию на каминной полке. Несколько лет назад мама увлеклась декоративно-прикладным искусством и постоянно занималась теперь разными творческими проектами. В последнее время она делала композиции из сухих цветов; в этой композиции она использовала розовые и белые розы и расположила их сердечком. Сердечком! На другом конце каминной полки, словно часовые, стояли три черные вазы.

— Мам, не нужно было, правда. Я могу сама о себе позаботиться. К тому же я ненадолго здесь поселилась.

— Но здесь так пусто. Ты не любишь сухие цветы?

— Да нет, они красивые. Очень красивые.

— Тогда почему они тебе не нравятся?

— Просто они не в моем вкусе.

— Твоей сестре понравился букет, который я для нее сделала.

Ну конечно же, ей он понравился.

Мама подошла к каминной полке и переставила вазы и цветочную композицию, потом отошла на шаг, чтобы полюбоваться проделанной работой.

— Так лучше?

Я без сил опустилась на диван.

Джереми

Когда я вез Нору домой, мы почти не разговаривали, но теперь это было другое молчание, напряженное. Все изменилось. Я не торопился развернуться и уехать, а смотрел, как она заходит внутрь. Как же приятно было вспомнить с ней старые времена. Какой она была красивой там, у окна, в «Маклине», в лучах заходящего солнца. С какой теплотой она смотрела на меня до того, как узнала, что я воевал в Ираке, до того, как я заставил ее поехать со мной, до того, как она увидела свою мать на крыльце домика. Все теперь изменилось.

Что-то похожее я чувствовал десять лет назад во время экскурсии в Павильон Дороти Чендлер[27]. Мистер Митчелл организовал поездку джаз-банду в награду за то, что мы хорошо выступили на районном концерте. Я очень обрадовался поездке — в основном тому, что уеду из города и пропущу все остальные занятия. Но поездка была запланирована на следующий день после дня рождения мамы, 13 марта. Хотя прошло уже три года с тех

---

[27] Примечания: 27
Один из крупнейших концертных залов Лос-Анджелеса.

пор, как она умерла, 13 марта по-прежнему оставался мучительным днем. Отец начал пить уже за завтраком. У меня уже были водительские права, но отец отказался пустить меня за руль, когда мы поехали на кладбище, чтобы навестить ее могилу, поэтому я сидел рядом и внимательно следил за дорогой, а Эшли на заднем сиденье ковыряла лак на ногтях. После этого мы поели в закусочной, где готовили тако[28] и которую мама когда-то назвала единственным настоящим мексиканским рестораном в Мохаве. Потом отец отвез нас домой, высадил у двери и сказал, что ему нужно заехать в магазин бытовой техники, купить электрический провод и пару пластин для выключателей.

— Вернусь через час, — сказал он. Но он не вернулся, ни через час, ни через два, ни через пять. Я приготовил ужин, проверил, сделала ли Эшли домашнюю работу, и уложил ее спать в десять. В полночь я позвонил в полицию, потом в больницу, но никто не арестовывал Марка Горецки, и на «скорой» его тоже не привозили. Только в три часа ночи я наконец услышал, как открывается дверь гаража. Я выключил лампу и попытался

---

[28] Примечания: 28
Блюдо мексиканской кухни.

заснуть, отвернувшись к стене. В то утро в музыкальном классе, пока мистер Митчелл проверял присутствующих и собирал разрешения на экскурсию, я думал только о том, как бы не заснуть и не пропустить школьный автобус.

— Фаннинг, — читал фамилии мистер Митчелл. — Горецки. Геррауи. Хендерсон. Лоренцо.

Я полез в рюкзак, чтобы достать разрешение от родителей с подделанной мною подписью. Я подписывал вместо отца все свои школьные документы, и документы Эшли тоже, но, подойдя к учительскому столу, вдруг вспомнил, что у меня нет 15 долларов, чтобы заплатить за поездку. В то утро за завтраком я был так зол на отца, что не мог даже смотреть на него, не то чтобы попросить о чем-то.

— Мистер Митчелл, — пробормотал я, — простите, я забыл.

Мистер Митчелл заглянул в бумаги и сказал, что попытается сейчас что-нибудь придумать. Я вернулся на свое место, стараясь не выглядеть при этом идиотом и как-то подавить смущение, а Джонатан Аткинс бесконечно и противно пищал сзади: «Мистер Митчелл, простите, я забыл». Мне дико хотелось спать, поэтому я не мог сообразить, как ему ответить. К тому же Аткинс занимался

борьбой, и у него были широкие мускулистые плечи, как у фигурки супермена, которую я до сих пор хранил в каком-то ящике в гараже. С ним не стоило затевать драку. Я разглядывал свои кроссовки, когда Нора наклонилась с соседней парты и прошептала:

— Не обращай на него внимания, он идиот.

Я поднял голову, но она уже застегивала молнию на рюкзаке. Пора было ехать.

В Павильоне Дороти Чендлер участники джаз-банда любовались бронзовой скульптурой голубя мира и бегали в танцующем фонтане, а я с тоской размышлял о том, что на обед денег у меня тоже нет. Вдобавок ко всему у меня заурчало в животе. Я ужасно проголодался. Ребята пошли заказывать еду, а я остался у здания, прогуливался вдоль стен, где на гранитных плитах были выгравированы имена жертвователей. В конце дорожки росла гигантская магнолия, а прямо под ней на другой стороне улицы красовался новый Концертный зал Уолта Диснея. Некоторое время я разглядывала его, размышляя, кто мог спроектировать такое уродство. Потом услышал, как меня окликают по имени.

— Хочешь перекусить? — спросила Нора. Она протягивала на подносе два сэндвича, два напит-

ка и два шоколадных пирожных.

Желудок ответил за меня. Я смутился, но девочка сделал вид, что ничего не заметила. Мы сели на землю, скрестив ноги по-индийски, а поднос с едой поставили между нами. Я знал ее с тех пор, как мы были детьми, но по-настоящему никогда на нее не смотрел. Теперь же я посмотрел на нее другими глазами, и увидел на этот раз. У нее были черные глаза и своенравный взгляд. Изящный носик и добрая улыбка. Она взглянула через мое плечо на Концертный зал Уолта Диснея, а потом спросила:

— Тебе нравится Фрэнк Гери?

— Так зовут архитектора, который это построил? Похоже на раздавленную консервную банку. Заказали бы мне, я сделал бы задаром, столько денег не пришлось бы тратить.

Она засмеялась. Мне понравился ее смех.

— А мне нравится этот зал, — призналась Нора через мгновение. — Он не такой, как здания вокруг. Гери проектировал еще музей в Бильбао. Хочу когда-нибудь посмотреть на него вживую. Ты бывал в Испании?

— Я никогда не выезжал за границу. Мы ездили как-то в Мексику, но мне тогда было девять месяцев, так что это не считается. — Я потянулся за

второй половинкой сэндвича. — А ты, наверное, много путешествуешь.

— Да нет. Когда я была маленькой, мы не могли поехать в Марокко, потому что отец боялся, что его арестуют, а когда мы наконец туда поехали, то только и делали, что ходили в гости к родственникам. Не ходили по музеям, не гуляли, не разглядывали памятники. — Она помолчала немного, потом добавила: — Но я видела акробатов на рынке в Марракеше.

Она спросила, какие книги я читаю и что смотрю по телевизору, и внимательно выслушала мой ответ. У нас были разные вкусы. Мне нравились «Симпсоны», а она их ни разу не видела. Я проглотил все книги о Гарри Поттере, а она прочла только первые две и бросила. Она была в восторге от Зоры Нил Хёрстон[29], а я ее не читал. Мы сошлись на Марке Твене и «Принцессе-невесте»[30], но больше у нас не было ничего общего. У нее были длинные волосы, и каждый раз, когда она ими встряхивала, в них запутывались ее серьги. Мне очень хотелось протянуть руку над

---

[29] Примечания: 29

Американская писательница-афроамериканка, фольклористка и антрополог. Самый известный роман: «Их глаза видели Бога» (1937).

[30] Примечания: 30

Фильм 1987 года. Приключенческая романтическая комедия.

подносом и распутать их.

Потом нас нашла Соня Мукерджи; концерт должен был вот-вот начаться.

— Скорее, ребята, все уже внутри.

Нора встала и протянула мне руку, чтобы помочь подняться с земли. Утром этого дня она была всего лишь девчонкой из нашего джаз-банда, но к тому моменту, как я встал с земли, она стала единственной и неповторимой. В следующие несколько недель после этой поездки я все сильней привязывался к ней. Именно ее я высматривал в толпе учеников, когда приходил в школу, ей улыбался, когда шутил, к ней хотел прикоснуться, когда мы стояли в очереди. Я постоянно ждал: сначала урока английского, потом урока музыки. Это было невероятно скучно, но только на этих занятиях я мог побыть рядом с ней. Она постоянно куда-то спешила, как будто ей не терпелось убежать навсегда из этого города.

Потом мы закончили школу и потеряли друг друга из виду. Когда я прочел имя Геррауи на доске в полицейском участке, у меня возникло чувство, будто я получил наконец затерявшееся на почте письмо. Я вспомнил, как добра была ко мне Нора в тот день на экскурсии, и поэтому пошел к ней домой, чтобы выразить соболезнова-

ния. Но сегодня вечером в «Маклине» произошло что-то еще. Теперь *она* смотрела на меня другими глазами. Может быть, что-то и произошло бы между нами, но тут в разговоре всплыла война, и Нора перестала смотреть на меня с нежностью. Она вдруг стала жесткой, даже свирепой, я бы сказал. Это было даже трогательно. Десять лет назад никто не пытался меня отговорить от армии. Когда я объявил своему старику, что бросил колледж ради того, чтобы пойти в морскую пехоту, он с трудом поднялся со стула, потому что был уже пьян в четыре часа дня, хлопнул меня по плечу и сказал, что гордится мной.

Андерсон

Женщина-детектив пришла в боулинг около полудня, когда я пылесосил ковер в вестибюле. Раньше у меня был уборщик, который этим занимался: выносил мусор, мыл туалеты, но мне пришлось его уволить. Поэтому теперь я убирался сам, или иногда помогал Эй-Джей. Маленькая женщина встала против света у самого входа, и я не мог разглядеть ее лица, только фигуру. Я пинком выключил пылесос.

— Вам помочь? — спросил я.

Было ясно, что она пришла не играть, слишком уж официально она была одета. Деловой костюм и блокнот в руках. Когда она подошла ближе и отстегнула от пояса полицейский значок, я сразу понял, что она пришла по поводу того парня, которого недавно сбили.

Просто жуткий несчастный случай, я считаю. На этой дороге не хватает освещения и указателей. Можно проехать много километров и не встретить ни фонаря, ни светофора. Многие уже и не помнят, что пересечение 62-го шоссе и улицы Олд-Вумен-Спринг-роуд раньше называли углом

аварий, столько там случалось происшествий. Жуткие аварии с изуродованными телами и искореженными машинами прямо посреди дороги. Власти штата установили специальный знак и полосу для поворота налево, но аварий от этого не стало меньше, пока не появился светофор. Все это происходило в 1973 году, когда я открыл здесь боулинг. Давным-давно.

Дело в том, что жена унаследовала немного денег от своей бабушки в Сакраменто, и мы пытались придумать, как их с толком потратить. В те времена в нашем городке особо не было куда пойти, развлечений не хватало, вот я и решил открыть зал для игры в боулинг. Много ушло на это времени и сил. Я купил землю, нашел архитектора, получил разрешение на строительство, нанял подрядчика… Видели бы вы, сколько народу пришло на торжественное открытие! Помню, это было за неделю до Рождества, и Хелен, моя жена, установила в вестибюле трехметровую Дугласову пихту. Та была обмотана сверкающими гирляндами и источала райский хвойный аромат. До сих пор, когда я чувствую запах рождественской елки, я вспоминаю торжественное открытие боулинга. Репортаж о нем попал на первую полосу «Хай-Дезерт стар».

Хелен, маленький сгусток энергии, постоянно думала о том, как бы развить наш бизнес. Она придумывала темы для специальных предложений, заключила выгодный рекламный контракт с местной радиостанцией, убедила друзей из церкви основать лигу боулинга. Несколько лет наш бизнес расцветал. Но после того, как родился Эй-Джей, жена потеряла интерес к боулингу и хотела заниматься только малышом. Даже после того, как он пошел в школу, она не вернулась на работу. Она слишком опекала нашего сына. Я предупреждал ее, говорил: «Хелен, избалуешь парня». А она только отмахивалась и сердилась, что я слишком строг с ним. В бизнес она вернулась только после того, как Эй-Джей уехал в колледж, в Фуллертон.

Однако к тому времени в нескольких километрах дальше по шоссе открылся еще один боулинг и кинотеатр, автокинотеатр и много баров и ресторанов. У людей появилось больше вариантов, куда пойти в пятницу вечером. Да и Хелен стала уже не та. У нее появилась дрожь в левой части тела. Тремор, так называли это врачи. Но нам все равно удавалось неплохо зарабатывать на жизнь. Мы работали и ни на что не жаловались. Кажется, в 2002 году мусульманин открыл свой

бизнес по соседству. Он купил это заведение у старой миссис Свенсон, которая раньше торговала там хот-догами, бургерами и так далее, и превратил его в полноценный ресторан. То, что с ним случилось, просто ужасно. Жуткий несчастный случай. И, честно говоря, это может снова случится в любой момент с кем-то еще, потому что ночью этот пешеходный переход совершенно не освещается. Как я уже говорил, необходимо поставить в этом месте какое-то освещение, а может быть, и светофор.

Детектив подошла ко мне и представилась детективом Коулман. Чернокожая женщина сорока лет с короткой мужской стрижкой. Не знаю, почему женщины так коротко стригутся, мне не кажется, что это привлекательно. Она сказала, что расследует наезд на человека, который произошел за полквартала от боулинга. Было сразу понятно, что она не местная, хотя по выговору я не смог уловить, откуда она приехала.

— Мистер Бейкер, вы работали в воскресенье? — спросила она.

— Конечно, — ответил я, — я работаю каждое воскресенье.

Она записала мое имя в маленький блокнот и начала задавать мне вопросы, например, во

сколько я открываюсь и закрываюсь, видел ли что-то необычное, видел ли вообще что-нибудь. Я обдумывал ответ, когда выдергивал шнур пылесоса из розетки и обматывал его вокруг специального крючка, прикрепленного к агрегату.

— Обычный вечер, как всегда, — ответил я.

— У вас есть камеры видеонаблюдения? — спросила она.

Я чуть не расхохотался ей в лицо.

— Это ведь не Чикаго, — ответил я. — У нас тихий маленький городок. Зачем нам здесь камеры?

— Значит, камер нет?

— Нет.

Она помолчала с минуту, явно разочарованная.

— А ваши клиенты? — спросила она. — Могу я с ними поговорить? Вдруг кто-нибудь что-нибудь видел.

Несчастный случай произошел в воскресенье вечером, у нас обычно полно народу в это время, а по понедельникам мы закрыты, поэтому к утру вторника, когда детектив задавала мне все эти вопросы, мне трудно было вспомнить, кто именно из клиентов был в тот вечер.

— Я не слежу за клиентами, знаете ли.

— Могу я посмотреть чеки за тот вечер?

Я засунул руки в карманы и побренчал мелочью.

— А это законно?

— Законно, если вы их мне сами покажете.

Это меня не убедило, но попросила она вежливо, а я не против помочь полиции. Работа у них тяжелая и часто неблагодарная.

— Хорошо, — сказал я. — Подождите одну минутку.

Я закатил пылесос в подсобку и пошел в свой кабинет в заднюю часть здания. Она пошла за мной.

— За какое время чеки вам нужны? — спросил я ее, обернувшись через плечо.

— Точное время не важно. Главное, чтобы это были чеки за тот вечер.

Я сел за свой стол и просмотрел содержимое пластикового органайзера, лежавшего рядом с компьютером. Я уже не молодой человек, поэтому даже такая простая работа, как чистка пылесосом ковра, способна сильно меня утомить. Я достал носовой платок и вытер пот со лба, пока перебирал бумаги. Там лежало много чеков с того воскресного вечера, оплаченных наличными, но я нашел несколько чеков по кредитным картам

и отдал их женщине-детективу. Она сфотографировала их все телефоном.

— Необходимо поставить светофор на этом переходе, — сказал я.

— Угу.

— Скажите об этом своему начальству.

— Боюсь, это не в его компетенции.

— Что, простите?

— Решение по таким вопросам принимает городской совет.

— Ясно. Я просто считаю, что было бы правильно поставить светофор.

Детектив сунула мобильник в карман.

— А ваши сотрудники могли что-нибудь видеть?

— Вы имеете в виду Бетти? — спросил я. Она работала в тот вечер на кассе, но она почти все время таращилась в телефон, играла в пасьянс и вряд ли что-то видела. — Ее смена начинается с трех. Можете прийти и расспросить ее.

— Хорошо, — сказала Коулман и протянула мне визитку. — Если еще что-нибудь вспомните, мистер Бейкер, позвоните мне, пожалуйста.

Я проводил ее через вестибюль к выходу. Лампочка над третьей дорожкой замигала, значит придется снова проверять проводку, эту пробле-

му я никак не мог устранить вот уже несколько недель. Я открыл входную дверь перед Коулман и смотрел сквозь стекло, как она идет к машине. Женщин-детективов до этого я видел только в сериалах.

Нора

Горлица, свившая гнездо на испарительном охладителе, ворковала всю ночь. Она разбудила меня рано утром, и я больше не смогла заснуть, лежала и смотрела, как паук карабкается по окну. Сквозь окно было видно ярко-голубое небо. Паук двигался изящно и неторопливо, его совершенно не заботило ни прошлое, ни будущее, оба эти понятия были незначительны и нематериальны. Прошло уже девять дней, а я все равно чувствовала себя так, будто только что узнала о смерти отца. В мусульманской традиции период траура длится сорок дней. Почему сорок? Моисей провел сорок дней без хлеба и воды, прежде чем получил скрижали Завета на горе Синай. Иисус провел сорок дней в пустыне — после крещения, перед тем как вернуться в Галилею, и в пустыне его искушал сатана. Мухаммеду было сорок лет, когда он уединился в пещере Хира и ему явился Гавриил. Сорок — это священное число, обещающее, что трудные времена сменятся радостными, что за плохими новостями придут хорошие. Но мое горе не закончится через сорок дней. И через сорок

недель. Возможно, оно не закончится никогда. От папы у меня остались только воспоминания, и те столь хрупкие, что могли рассеяться как дым в любую минуту.

Я вспомнила, как он в последний раз приезжал ко мне весной, на мое выступление в Ботаническом саду. На нем был полосатый костюм и черный галстук, и, взглянув на свое отражение в большом зеркале в коридоре моей квартиры, он сказал:

— Подожди, Норайни.

А я уже стояла у двери с нотами под мышкой и готова была вот-вот выключить свет.

— Норайни, подожди.

Отец снял пиджак и, сев на скамеечку у пианино, начал чистить ботинки. Натер их до блеска. Он хотел выглядеть идеально на моем выступлении. И еще я вспомнила, что он всегда хотел выглядеть лучшим образом, стоило ему снять рабочую одежду. Будто путешествие в большой мир, в чистый мир, было важным испытанием, которое он мог провалить по неосторожности. В Ботаническом саду он попросил прохожего сфотографировать нас у афиши, где было написано мое имя. Где сейчас эта фотография? В комоде под окном в спальне? Или где-нибудь на столе,

которым я пользовалась вместе с Марго? Надо будет поискать, когда вернусь. Музыкальную композицию, над которой я работала, тоже нужно закончить; я хотела доработать ее к осеннему дедлайну стипендиальной программы.

Тут в домике зазвонил телефон, и я вздрогнула от неожиданности. Это был старомодный стационарный телефон, и звонил он громко и надоедливо. Я вылезла из постели и сняла трубку одной рукой, а другой попыталась распутать шнур. В трубке что-то трещало.

— Я могу поговорить с мистером Геррари? — спросил какой-то мужчина. Голос был высокий, почти женский, и говорил он с европейским акцентом, но с каким именно, определить я не смогла.

— Геррауи, — поправила я, и мое сердце будто остановилось.

— Простите, тут неразборчиво написано. Передо мной только копия заказа. Мистер Геррауи дома?

— Его нет. Он скончался.

На другом конце провода воцарилось потрясенное молчание. В этот момент я будто заново пережила шок от известия о смерти папы, вновь увидела его в погребальном саване, снова при-

коснулась к нему и ощутила холод его кожи. Горе и гнев переполняли меня.

— Со… соболезную вам, — сказал мужчина. — Я не знал. Он оставил мне этот номер, я по нему и позвонил. До сегодняшнего дня никто по нему не отвечал.

— Он не дал вам домашний номер?

— Нет, только этот. — Человек перевел дыхание и снова заговорил: — С кем мне поговорить по поводу оплаты заказа?

— Какого заказа? Простите, вы кто, я не расслышала?

— В апреле он заказал обручальное кольцо. Это Морис из ювелирного магазина «Морис и Дана».

Я не до конца поняла, действительно ли он произнес словосочетание «обручальное кольцо». Мне показалось, что я ослышалась, что он не мог этого сказать, и это чувство не покидало меня даже после того, как я записала адрес магазина, даже после того, как приехала в Палм-Спрингс и Морис учтиво пригласил меня зайти. Я бесконечно убеждала себя, что это какое-то недоразумение и что отец имел в виду «кольцо на годовщину свадьбы», хотя несколько лет назад у мамы развилась аллергия на моющее средство и она больше не могла носить никаких колец.

— Я приехала по поводу кольца, — выдохнула я, оказавшись в магазине.

Морис задумчиво кивнул, и глаза у него затуманились, будто он собирался предаться горю вместе со мной. Он оказался очень маленького роста — его талия едва доставала до стеклянного прилавка, разделявшего нас, — и на последних двух пальцах каждой руки он носил золотые кольца. Рядом с кассовым аппаратом лежала папка, он достал из нее чек и показал мне. И снова произнес эти слова: «обручальное кольцо».

— Он сам заказал у вас это кольцо?

— Да, — ответил Морис. — Это был очень четкий заказ. Элегантное кольцо, которое не устареет. Ему не понравилось ничего из того, что у нас было, и он сделал индивидуальный заказ. Поэтому это заняло так много времени.

Я попыталась представить отца в этом магазине, как он разглядывает кольца, выставленные в витрине. И ни одно из них не нравится ему, не подойдет для его возлюбленной, его любимой, его будущей невесты. Нет, это просто невозможно. Морис как будто говорил о каком-то другом, чужом человеке. Потому что разве мог папа сделать нечто подобное? Догадывалась ли мама, что он собирается бросить ее? Ничто в последние

несколько дней, что мы общались, не указывало на то, что она знала об этом.

— Для кого это кольцо? — спросил я. — Вы знаете имя этой женщины?

— Нет, простите. Он приходил один. В моей практике это первый такой случай. — Морис некоторое время наблюдал за мной, затем нервно откашлялся. — Итак. По поводу оплаты. Ваш отец оплатил половину, вторую половину он должен был заплатить после завершения заказа.

Он поставил передо мной коробочку. Кольцо с бриллиантом. Огранка «Принцесса». На внутренней стороне кольца курсивом были выгравированы три слова, три драгоценных слова.

— Итого три тысячи двести пятьдесят долларов.

— Я не могу за это заплатить. Простите, просто не могу.

— Но я никому больше не смогу продать это кольцо, на нем ведь уже есть надпись. Что мне теперь делать?

— Не знаю.

Я оттолкнула шкатулку с драгоценностями так, что она заскользила по стеклянному прилавку, и вышла из магазина. На парковке я остановилась на мгновенье и подумала, что, может быть, папа

позвонил мне в день своей смерти, чтобы рассказать об этом. Хотел ли он рассказать мне о том, что планировал сделать? Сзади послышался звук торопливых шагов.

— Мисс, — окликнул меня Морис, — подождите!

Но я села в машину и уехала. Я ехала обратно в Юкка-Вэлли и думала о холодной войне, которую вели друг с другом родители, и о последовавшем за ней затишье, которое я ошибочно приняла за мир. Пропасть между ними только расширялась. Я вдруг вспомнила, как в октябре прошлого года Сальма пригласила родителей провести выходные на озере Тахо, но в последнюю минуту отец отказался приехать, сославшись на то, что у него много работы. А в День благодарения он пропал куда-то на пару часов, и никто не мог с ним связаться. Если это и были признаки того, что он крутил с кем-то роман, то тогда я не обратила на них никакого внимания.

Кто была эта женщина? Как долго он с ней встречался? Бывала ли она в домике? Он спал с ней на той двуспальной кровати, с которой я встала два часа назад? Все, что я знала о своем отце, вдруг оказалось ложью. Меня переполняли чувства, которые мне было трудно выразить

словами. Я лишь отчетливо ощущала тяжесть его тайны; теперь мне предстояло хранить ее. Я не могла рассказать об этом маме, потому что это сделало бы ее еще несчастней, а довериться сестре не могла, потому что та все рассказывала матери.

Дрисс

Я знаю, как это выглядит. По возрасту она годится мне в дочери. Но в наших отношениях не было ничего дешевого и пошлого. Я не преследовал ее, не давал пустых обещаний. И это не было любовью с первого взгляда. Не было никакой молнии среди ясного неба, поразившей меня в самое сердце, никакого волшебного мгновения. Это происходило медленно, день за днем. Однажды воскресным утром она вошла в ресторан, села за стойку и заказала завтрак от шеф-повара. Она повесила на спинку стула широкополую соломенную шляпу, и я решил, что это туристка, приехавшая в наш городок на выходные, но, когда я принес ей яичницу и картофельные оладьи, она спросила, открыт ли по воскресеньям хозяйственный в двух кварталах от ресторана. Ей нужна была краска для пола.

На следующей неделе она пришла снова. Мы разговорились. Я узнал, что она родом из Сан-Исидро — местечка, что находится в паре километров к северу от границы с Мексикой, где работала барменом, но недавно резко порвала со

своим парнем, с которым встречалась со старшей школы, и решила начать все сначала. Переехать в пустыню. Открыть магазин винтажной одежды. В детстве она всегда покупала что-то в секонд-хендах и научилась находить там стильные вещи.

— Я с легкостью понимаю, какая одежда кому подойдет, — сказала она. И в этот момент я заметил, что у нее и правда хороший вкус. Она была одета в льняное платье, на шее красная косынка, а на запястье — часы с кожаным ремешком. Но больше всего мне в ней понравилась непринужденность, с которой она улыбалась.

Она сняла помещение рядом с антикварными магазинами на 62-м шоссе, там, где часто останавливались туристы и битники по пути на концерты в Пайониртаун[31]. Она занималась ремонтом, готовилась к торжественному открытию. Я понимал, как тяжело начинать бизнес в новом незнакомом городе, поэтому пытался помочь. Я съездил с ней посмотреть на помещение, поделился мнением о местных подрядчиках, о том, кому можно доверять, кому нет,

[31] Примечания: 31

Небольшой городок в штате Калифорния, расположенный в пустыне Мохаве. Был основан в 1946 году как киностудия, где снимались фильмы в жанре вестерн. Сегодня это туристический центр, где можно насладиться атмосферой Дикого Запада.

кто пунктуален, а кто не может прийти вовремя. Она внимательно слушала мои советы, с чем-то соглашалась, с чем-то — нет, но ей всегда было интересно мое мнение. Я уже и забыл, каково это, когда к тебе прислушиваются. Звали ее Беатрис.

Я не прошу вас, чтобы вы поняли, как это случилось. Просто попытайтесь представить. Мы стояли посреди магазина, залитого лучами утреннего солнца, и обсуждали обои. В некоторых местах, особенно у входной и задней дверей, они были покрыты пятнами и отслаивались, поэтому я предложил нанять местного подрядчика для утомительной работы по зачистке и покраске стен. Беатрис провела рукой по обоям с рисунком из виноградных лоз на светло-зеленом фоне.

— Ты прав, их лучше убрать, — сказала она, — но в этой нише я их оставлю.

Она считала, что в этом уютном уголке обои хорошо сохранились и станут идеальным фоном для демонстрации старинных заколок, украшений для волос и бижутерии. Я нацарапал имя подрядчика на обороте визитки и протянул ее Беатрис. Она взяла визитку, наши глаза встретились, и она улыбнулась. Я всегда вспоминаю этот момент, когда пытаюсь разобраться, что же произошло между нами.

Мне шестьдесят один год, я уже дедушка. Больше половины жизни я был женат на Мариам и думал, что мы проживем вместе и оставшуюся ее часть. Мы часто ссорились, особенно в последние несколько лет, но не поэтому мы так отдалились друг от друга. Правда в том, что мы всегда были разными людьми, с самого начала. Мы познакомились в 1978 году на студенческой встрече в Университете Касабланки, но я пришел туда, потому что меня не устраивала коррупция в правительстве, я хотел обсудить, как улучшить образование в школах, повысить заработную плату, а Мариам пришла, чтобы найти подругу, которая одолжила у нее учебник и так и не вернула его. Я был оптимистом и хотел изменить мир, Мариам, мне кажется, никогда не разделяла этого чувства, она всегда была прагматиком. Когда арестовали Брагима, Кариму и других таких же, как они, я хотел остаться в Касабланке и продолжить борьбу, но Мариам захотела переехать сюда.

Мы всегда делали то, что хотела она. Она не умела идти на компромисс. Однажды, помню, еще молодоженами, мы пошли на рынок тканей, чтобы купить занавески. Жили мы тогда на первом этаже колониального дома, перестроенного в многоквартирный. Наша квартира со всех

сторон выходила окнами на деловые здания, и в нее попадало очень мало света. Мы договорились купить недорогие прозрачные занавески, чтобы они пропускали свет и при этом создавали ощущения уюта и уединения. Продавец разворачивал образец за образцом, а Мариам засыпала его вопросами: сколько эти стоят? а вот те? вы серьезно просите столько за эту занавеску? а другого цвета у вас нет? Потом она выбрала дамасские занавески.

— Но они не пропускают света, — сказал я.

— У них такой красивый узор, — ответила она.

Я попытался представить, как будет выглядеть наша гостиная с такими занавесками, и не смог. Я любил по выходным сидеть у окна и читать газеты, но теперь, если захочется просмотреть утренние новости, придется сидеть на балконе или идти в кафе.

— Тебе хочется, чтобы был узор? — Я указал ей на образцы тканей на прилавке. — Вот есть кружевные. Они с узором.

— Я не люблю кружева.

— Не любишь кружева. Давай попробуем эти ситцевые занавески. Они впустят свет в комнату.

Но Мариам не понравился ни один из предло-

женных вариантов, и в конце концов я сдался. Мы купили занавески, которые она выбрала, и пошли домой. Я взял стремянку, достал инструменты, но каждый раз, когда сверлил отверстие, она говорила, что карниз нужно передвинуть немного выше или немного ниже. Когда я наконец закончил работу, в стене было пять отверстий, а карниз висел криво. Не знаю, зачем я сейчас, спустя столько лет, вспоминаю о такой мелочи. Может быть, просто пытаюсь понять, как произошло то, что произошло. Жизнь коротка. Я не осознавал этого раньше, но теперь понял, что выбрал для жизни неподходящую спутницу. Теперь я встретил истинную любовь и не хочу с ней расставаться.

Коулман

Дочь погибшего приехала ко мне на работу, всем своим видом демонстрируя, что у нее есть потрясающие новости. Она не сразу решилась рассказать, в чем дело, и, возможно, мне следовало проявить больше терпения, но у меня выдалось тяжелое утро. Выяснилось, что Майлз провалил математику, и это выбило меня из колеи. Когда мы жили в Вашингтоне, он был лучшим по математике. А теперь у него двойки по алгебре. Помимо этого, дамы из родительского комитета решили поинтересоваться, смогу ли я *вечером после работы* присутствовать как взрослый сопровождающий на танцах в седьмом классе, но мне пришлось ответить отказом на их просьбу, потому что на тот вечер было назначено важное собрание. Я не сомневалась, что упустила последний шанс влиться в их ряды. В довершение всех проблем Васко давил на меня и требовал результатов по расследованию. Той весной в прессе проскочило несколько неприятных статеек, обсуждавших случай, когда полицейские превысили свои полномочия и избили кого-то. Васко

это нервировало, ему просто необходим был быстрый и хороший результат расследования. Можете представить, в каком я была состоянии, когда Нора Геррауи вдруг заявилась ко мне тем утром. Она осушила стакан воды, который я ей принесла, а потом ерзала на стуле и то и дело щелкала застежкой ручных часов. Я вспомнила о куче бумаг на столе, о всех этих серебристых фордах, ожидающих проверки.

— Зачем вы пришли, мисс Геррауи?

— Пожалуйста, зовите меня Норой.

— Чем могу помочь?

Снова щелчок застежки. Прошла еще минута.

— Я узнала кое-что неожиданное.

— Так.

«Только бы оно того стоило», — подумала я.

— Я не уверена, имеет ли это отношение к вашему расследованию.

— Скажите, что это, я сумею определить, насколько это важно.

— У моего отца был роман.

Ах, вот о чем она.

— Вы не удивлены?

— Такое случается.

— Но вы знали?

— Да.

— Откуда?

— Из сообщений на его телефоне.

— Телефон не был заблокирован?

— Нет.

— Какая глупость!

Мне захотелось сказать, что любовь часто побуждает делать глупости. Я уже с этим сталкивалась: какие только глупости не совершают люди из любви или похоти, называть это можно как угодно, и при этом считают, что все сойдет им с рук, ведь они особенные. И слава богу, иначе их невозможно было бы поймать.

— Кто эта женщина?

— Я не могу вам сказать.

— Почему?

— Безопасность. Конфиденциальность. К тому же я не вправе разглашать детали этого расследования.

Кто-то постучал в окно переговорной, и я подняла голову. Это был Мёрфи с бутылкой холодного лимонада в руке. «Хочешь?» — спросил он одними губами. Я отрицательно мотнула головой, хотя в горле у меня пересохло. В прошлые выходные я отвезла Майлза на бейсбольный матч в общественном парке, о котором мне рассказал Мёрфи. Мёрфи был там с сыном Брэндоном. Не

знаю, подготовил ли он Брэндона заранее, но парень подошел прямо к Майлзу и заговорил с ним. За последний год Майлз вырос почти на 30 сантиметров, и это почему-то превратило его в неуклюжего увальня, будто мозг не поспевал за телом. У него закончилась ломка голоса, и, возможно, Майлз еще не привык к своему новому низкому тембру и потому стал таким молчаливым. Он сразу же пошел вместе с Брэндоном на поле, и чем дольше они играли, тем лучше и ловчее у него получалось. Через какое-то время Мёрфи подсел ко мне на скамейку на трибуне. Мы поболтали. Больше мы ничего не делали, только болтали. Но когда я уходила с поля, мне было как-то не по себе.

«Уверена?» — беззвучно переспросил Мёрфи, снова приподнимая бутылку лимонада. Я кивнула: «Да, уверена».

— Эта женщина как-то связана со смертью отца?

— Нет, — ответила я.

У этой удивительно молодой, совершенно непримечательной миленькой девушки было твердое алиби. В тот вечер она поранилась, подрезая растения, и в момент аварии ей накладывали швы в отделении неотложной помощи. Когда я

допрашивала ее, она бесконечно повторяла, что старик так любил ее, что решился бросить жену, и что они собирались жить вместе. Никакой выгоды от его смерти она не получала. Эта линия расследования привела в тупик.

— Пожалуйста, скажите мне, как ее зовут.

— Я не могу.

Было ясно, что она пытается выяснить это любым доступным ей способом, и я не могла ее за это винить, но мне не хотелось, чтобы все это превратилось в грязный скандал.

— Нора, — обратилась я к ней как можно мягче, — разве что-то изменится, если вы узнаете ее имя? Случившегося не исправить. Лучше не знать.

— Кому лучше? Мне уж точно не лучше.

— Сочувствую.

— Кто она?

— Я не имею права говорить.

— Но если то, что вы говорите, правда, если она никак не причастна к папиной смерти, почему бы вам не сказать, как ее зовут?

— Я вам уже объяснила, почему я не могу этого сделать.

Нора пыталась втянуть меня в спор, заставить проговориться, сказать что-то лишнее, но я не

поддавалась. Она снова начала щелкать застежкой наручных часов, это был нервный тик.

— И по-прежнему никаких свидетелей? — спросила она.

— Пока никаких.

— Это все как-то странно. Если это несчастный случай, почему водитель не остановился и не дождался полиции? Почему никто ничего не видел?

— Именно это я и пытаюсь выяснить.

— А что, если я предложу вознаграждение? Это поможет?

Иногда вознаграждение помогает, иногда создает лишнюю суету. Люди начинают придумывать что-то, чего на самом деле не видели. Но мне потребуются недели, чтобы проверить все серебристые форды, а вознаграждение значительно ускорило бы процесс. Это был шанс что-то изменить в расследовании.

— Сколько вы хотите предложить? — спросила я.

— Двадцать пять тысяч долларов. Этого хватит?

«Многовато для учительницы», — подумала я. Норина мать сказала мне, что ее дочь — учительница, хотя особо не вдавалась в подробности,

больше рассказывала о другой дочери, стоматологе. Когда Майлз был маленьким, мы с Рэем хотели завести еще одного ребенка, но оба были слишком заняты выстраиванием карьеры, и потому эта идея так и не воплотилась в жизнь. А потом стали слишком старыми для того, чтобы заводить детей. Так что я не знаю, каково это — иметь двоих детей, особенно двух дочерей. В смысле — как это работает. Возможно, мать невольно гордилась дочкой-стоматологом, ее успешной практикой и очаровательными близнецами. Я наблюдала со стороны, но не могла не сравнивать этих двух дочерей. Только младшая звонила мне каждый день и спрашивала, как продвигается расследование. Сначала это раздражало, но теперь она мне нравилась. Она пыталась помочь.

— Двадцать пять тысяч — это просто фантастика, — ответила я, не в силах сдержать улыбки, хоть радоваться было нечему. — Разместим официальное объявление в газете или по радио. Даже можем напечатать несколько постеров.

Нора

Для меня было тяжело и противоестественно делиться подробностями личной жизни отца с незнакомым человеком, и все же я пошла на это в надежде, что детектив поможет мне раскрыть тайну его романа. Она бы помогла, даже если бы просто назвала имя. По имени можно было бы догадаться обо всем остальном. Если, скажем, ее зовут Фатима, то отец, скорее всего, познакомился с ней через марокканских друзей в Лос-Анджелесе. Если ее зовут Дженнифер, то она наверняка лет на десять его моложе и он познакомился в ней где-то в баре или в спортзале. А если ее зовут Гваделупа, то, держу пари, отец пытался произвести на нее впечатление, демонстрируя свой беглый кастильский испанский. Но как я ни пыталась выведать у Коулман имя любовницы отца, она оставалась непреклонной.

Я вышла из полицейского участка уже далеко за полдень, с востока дул сухой, горячий ветер. Волосы хлестали меня по лицу, пришлось собрать их в хвост, чтобы видеть, куда идти на парковке. Во рту стоял привкус пыли. Я села в машину,

включила зажигание и стала ждать, когда из кондиционера пойдет прохладный воздух. На другой стороне парковки двое помощников шерифа курили и разговаривали в тени пальмы. Их, похоже, совсем не беспокоили ни жара, ни ветер. Какое-то время я разглядывала их, потом вышла из машины и вернулась в участок.

— Могу я поговорить с помощником шерифа Горецки? — спросила я в приемной.

Секретарша откинула челку с глаз.

— Как вас представить?

— Нора.

— Фамилия?

— Геррауи. Г-е-р-р-а-у-и.

Для девушки это было явно слишком сложно, но она все же предложила мне сесть. Телевизор в вестибюле показывал местные новости без звука, но с субтитрами. Городской совет рассмотрел заявки на финансирование на следующий год; из-за ремонтных работ на линии электропередач часть дороги Юкка-Трейл будет завтра перекрыта на весь день; корпус морской пехоты проведет учения с боевой стрельбой в Джонсон-Вэлли. Потом началась реклама. Я уже собралась уйти, но тут открылась дверь, и появился Джереми с каплей горчицы в уголке рта.

— Ой, прости, не знала, что у тебя обед, — сказала я.

— Да ерунда, — ответил он, проводя тыльной стороной ладони по губам. — Что-нибудь случилось?

Я покачала головой, хотя на самом деле случилось много чего. В форме он казался высоким и представительным; пистолет, дубинка, перцовый баллончик, электрошокер и все остальное, что висело у него на поясе, усиливало это впечатление. Странным образом все выглядело так, будто я пришла в чем-то признаться ему.

— Я просто хотела извиниться за тот вечер в «Маклине». Ты был прав, мне нельзя было садиться за руль.

— Ладно.

— Нет, не ладно. Я могла попасть в аварию или сбить кого-нибудь.

— Тебе было больно.

Правда. А теперь стало еще больней, потому что я узнала, что отец вел тайную жизнь, что много недель, месяцев, а может, даже лет он лгал, хитрил и изменял. Ему я доверяла больше всех остальных в этом мире и теперь вдруг поняла, что по-настоящему не знала его. Не нужно было отвечать на этот проклятый звонок, пусть бы

звонил дурацкий телефон и звонил. От горя и одиночества у меня кружилась голова.

— Хочешь кофе? — спросил Джереми, дотронувшись до моей руки.

Мне вдруг захотелось излить ему душу, рассказать обо всем, что я только что узнала, поделиться разочарованием в дорогом человеке, которое мучило меня сейчас. За стеклянным окном секретарша просматривала бумаги, но явно внимательно прислушивалась к нашему разговору. Из лифта вышел мужчина с полицейским значком на поясе и взглянул на нас, проходя мимо.

— Спасибо, — ответила я, стараясь успокоиться, — но я лучше пойду.

— Счастливо! — крикнул вслед Джереми, когда я спускалась по ступенькам к стеклянным дверям.

Ветер на улице стал еще свирепей. Стекла в машине дребезжали, а по дороге несло песок и пальмовые листья. Но, несмотря на непогоду, дорога до домика заняла всего несколько минут. Когда я вошла, мне в глаза сразу бросилась двуспальная кровать. Как долго мой отец крутил роман с какой-то незнакомой женщиной? Как мог он так поступить с мамой после тридцати семи лет брака? В первый раз я представляла его

не как любящего папу, который каждый четверг водил меня на занятия по игре на фортепиано, а как предателя, тайком пробиравшегося в домик при любой удобной возможности. Мне была невыносима мысль о том, что я сплю на матрасе, на котором лежала эта женщина, пользуюсь тем же постельным бельем, которым пользовалась она. Я развернулась и вышла.

Я съездила в мебельный магазин, купила новый матрас и оплатила доставку в тот же день. Потом заехала в «Волмарт» за новыми подушками, простынями и полотенцами. Меня переполняла какая-то маниакальная энергия, как будто, выбросив из домика часть вещей, я скрою раскопанные мной руины. И все равно, даже после устранения следов его грязной интрижки, я не могла выкинуть из головы то, что узнала о нем.

Я достала ноутбук и сделала то, что мне никогда раньше не приходило в голову: я погуглила его. Его имя, как владельца ресторана, фигурировало в реестре предприятий, начиная с того года, когда он его купил. Еще о нем упоминали в статье «Хай-Дезерт стар», опубликованной в 2010 году, о том, как зимний буран вырвал с корнем пальму на шоссе рядом с его заведением. И еще у него обнаружился аккаунт на генеалогическом веб-сайте

— похоже, он интересовался историей своей семьи и отследил ее происхождение от Касабланки до глубинных регионов Марокко. И я занималась чем-то похожим, копалась в его прошлом.

Но теперь в новом свете предстало не только прошлое отца, но и моя собственная жизнь. На первом курсе в Стэнфорде я играла в джазовом ансамбле, который собирался в подвале церкви в полумиле от кампуса. Однажды, когда я возвращалась с другом-трубачом с репетиции, мы столкнулись неожиданно с одним его приятелем, долговязым юношей с каштановыми волосами и непринужденной улыбкой. Его звали Беккет Берк. Он окончил школу «Гарвард-Уэстлейк», регулярно проводил зимние каникулы в Швейцарии, а весенние — в Коста-Рике и планировал работать в организации, которая занималась контрацепцией и вакцинацией младенцев в Уганде. Одно лишь упоминание этих стран, о которых Беккет вспомнил как будто случайно, делая заказ в перуанском ресторане, куда он повел меня на первом свидании, буквально вскружило мне голову. Когда через пару недель он привел меня к себе и лишил девственности, я не возражала, хотя возразить стоило, ведь секс получился поспешным и неприятным. Мне льстило то, что он

проявляет ко мне интерес, я с гордостью стояла рядом с ним на вечеринках, мечтая, что его головокружительная крутизна отразится и на мне. Прижимая руку к моей спине, он представлял меня как «очаровательную Нору Геррауи», и его преувеличенно раскатистое «р» приводило меня в восторг. Что нашел во мне такой утонченный мальчик, ведь он уже четко знал, чем хочет заниматься в жизни, — помощью нуждающимся в развивающихся странах?

Я не могла найти ответа на этот вопрос, поэтому начала выстраивать свою жизнь вокруг него. Беккет не любил поэзию, поэтому я перестала бывать на выступлениях поэтов, хотя раньше ходила на них каждую неделю, зато начала вместе с ним посещать показы новых модных фильмов. По утрам в воскресенье он любил пить кофе и читать «Нью-Йорк таймс», и я тоже подписалась на газету. Иногда днем по воскресеньям, после долгих уговоров, он соглашался пойти со мной прогуляться, но прогулки заканчивались быстро, потому что он постоянно жаловался на погоду: слишком жарко, слишком холодно, слишком дождливо или слишком много насекомых. Когда Беккет начал отменять свидания или назначать их в последнюю минуту, я списывала это на его

плотный график. Когда он забывал позвонить, я винила саму себя за то, что такая скучная. И, только увидев его на улице с Маргаритой Семпревиво — он шел, обнимая ее за тонкую талию, — я поняла, что место «очаровательной Норы» заняла «очаровательная Рита».

Конечно, это совершенно обычная история. Люди все время расстаются по самым разным причинам. Но этот обман так сильно подорвал мою способность доверять людям, что новые отношения я завязала только через пятнадцать месяцев. Самир Ханым был не похож на Беккета настолько, насколько это вообще возможно в таком месте, как Стэнфорд. Он вырос в маленьком городке в Огайо, учился в школе с углубленным изучением естественных наук, великолепно сдал выпускные экзамены, но не знал, что такое Пюлиньи-Монраше[32], где находится Итон и почему спортивные носки не сочетаются со строгими ботинками. Как и я, он выбрал специальность (в его случае — программирование) под давлением матери, которая не смогла воплотить в жизнь свои собственные амбиции и мечты. По-настоящему его интересовала анимация. Эскизы

---

[32] Примечания: 32
Французское вино.

на стенах квартиры, где он жил вместе с двумя другими студентами, могли бы украсить любую художественную выставку — так, во всяком случае, казалось моему неопытному взгляду. Это был тихий, застенчивый парень, который любил проводить субботние вечера за телевизором, если показывали какой-нибудь старый сериал, или в книжном магазине, где он часами разглядывал комиксы.

И все равно, когда мы ужинали где-то в ресторане и мимо проходила симпатичная девушка, он неизменно провожал ее взглядом. Чего мне не хватало, почему одной меня ему было недостаточно? Этот вопрос мучил меня, я бесконечно искала верный ответ. Я поменяла прическу, начала модно одеваться, часами изучала Фрэнка Миллера, Алана Мураи, Джима Старлина, чтобы суметь поддержать разговор о комиксах. Каждая перемена привлекала внимание Самира на несколько дней, но вскоре на очередной вечеринке я замечала, что он пялится на кого-то другого. В конце концов и он изменил мне с белой девушкой со своего курса. Потом они основали вместе компанию по разработке программного обеспечения.

Даже Макс, мой нынешний, был таким же.

Единственная разница заключалась в том, что изменял он не мне, а со мной. Одним словом, одной меня всегда оказывалось недостаточно. Долгие годы я убеждала себя, что мне просто не везет, что у меня ужасный вкус на мужчин. Но теперь у меня появились сомнения: а вдруг дело в каком-то генетическом изъяне — мой отец был изменником, а я влюбляюсь в мужчин-изменников.

Мариам

Время шло, но я все еще ловила себя на том, что тянусь за двумя стаканами, когда завариваю мятный чай по утрам, или ищу носки мужа, когда складываю белье, жду, чтобы он подал мне чистое полотенце, когда выхожу из душа. Эти короткие моменты переживались очень болезненно, я неожиданно вспоминала, что больше ему не жена, а вдова, и все никак не могла с этим смириться. Но жизнь берет свое, даже если не хочешь с этим смириться, и после второго звонка менеджера ресторана с вопросом, когда мы планируем снова открыться — понятно, что имелось в виду совсем другое: персоналу нужно на что-то жить, оплачивать счета и содержать семьи, — я поняла, что нельзя больше откладывать неизбежное. Придется выйти на работу.

Когда на следующее утро в полшестого я заехала на парковку, повар уже ждал меня, покуривая у мусорных контейнеров. Муж запрещал ему курить у контейнеров, потому что мистер Бейкер, владелец боулинга по соседству, постоянно жаловался на пожарную опасность, вот и я велела

Хосе потушить сигарету; он затоптал ее, а потом зашел вслед за мной внутрь и не заговаривал со мной до тех пор, пока не появились первые клиенты. Старик сел у стойки и открыл Библию в ожидании кофе; семья из четырех человек устроилась за столиком у окна, их дети ссорились из-за упаковки цветных мелков; юноша и девушка в одинаковых кепках съежились в дальнем углу и уткнулись в телефоны. Тут я взглянула на дальний столик, но не увидела Дрисса, склонившегося над кроссвордами или газетой, — только пустой стул.

— Будете кофе, миссис Геррауи? — предложил Марти.

Все считают, что ко мне следует обращаться Мариам Геррауи, но в действительности меня зовут Мариам Бузиан. В этой стране почти все женщины берут себе фамилию мужей, так что я уже перестала объяснять, что у меня другая фамилия. Марти был первым работником, которого муж нанял в пончиковую. Тогда тот только закончил школу, а теперь у него на шее висели бифокальные очки на шнурке, и, конечно же, он не знал, а возможно, просто забыл, как меня зовут на самом деле.

— Спасибо, — ответила я и взяла у него чашку.

Он отошел, а я осталась у стойки, пытаясь собраться с мыслями и заставить себя сделать то, ради чего пришла. Нужно было убрать коробку со старыми лампочками, которую Дрисс оставил в коридоре, заказать салфетки и туалетную бумагу, решить, украшать ли ресторан ко Дню поминовения[33], и если да — найти украшения, которые мы обычно вешаем на стены. Но в итоге я так и не смогла приняться за работу, просто отнесла кофе к кассе и плюхнулась на стоявший за ней стул. С этим я могла справиться: сдавать сдачу, предлагать мятные леденцы и выдавать детям наборы цветных мелков.

Снаружи на парковке остановилась пыльная машина, из которой вышли юноша и девушка в походных куртках и ботинках. Какое-то время они осматривали шины, будто проверяли, не продырявились ли они, а потом вошли в закусочную и прошли к столику, даже не взглянув в мою сторону. Через пару недель весенний сезон закончится, туристы разъедутся, и город вновь вернется в обычное безлюдное состояние. Возможно, тогда мне не нужно будет приходить в

[33] Примечания: 33
Национальный день памяти США, отмечающийся ежегодно в последний понедельник мая. Посвящен памяти американских военнослужащих.

ресторан.

А разве когда-нибудь было нужно? Муж купил этот ресторан вопреки моим возражениям и, возможно, из-за наших бесконечных ссор по этому поводу редко просил меня помочь. Я приходила, только если не хватало людей, заболевал кто-нибудь из работников или выдавались перегруженные выходные. Как знать, если бы я больше интересовалась рестораном, то, возможно, была бы рядом с ним в тот вечер, увидела или услышала бы машину и успела бы его предупредить.

Тут я услышала чьи-то шаги и подняла голову. Это был молодой человек в синем медицинском костюме с аккуратно подстриженной бородкой и волосами, собранными в хвост. Вероятно, он работал в медицинском офисе в двух кварталах от ресторана.

— Я видел объявление в газете, — сказал он, протягивая мне счет и деньги. — Глубоко соболезную вам.

— Спасибо, — ответила я.

Мой голос прозвучал как-то странно и незнакомо. Я была не в силах произнести что-то еще, поговорить с этим человеком, как сделал бы муж, спросить, понравилась ли ему еда, как у него дела

на работе, поинтересоваться, рад ли он хорошей погоде. На фото в вырезанной из газеты статье, которая висела в рамке на стене, Дрисс стоял у стойки и с улыбкой демонстрировал стопку оладий с черникой и чашку кофе. «Ужин в пустыне», — гласил заголовок. Муж гордился этой статьей; она помогала ему преодолевать периодические огорчения и унижения, неизбежные при работе в ресторане.

— Поймали парня, который это сделал? — спросил клиент.

— Нет, — ответила я и протянула ему сдачу.

— Что ж, надеюсь, что его найдут. Машины носятся с дикой скоростью на этом шоссе, это очень опасно. Нужно поставить светофор или какой-нибудь знак на перекрестке. Может, вы могли бы поднять этот вопрос на следующем заседании городского совета?

Он ждал, что я скажу что-то значимое, организую вокруг смерти мужа кампанию, но личную боль каждый переживает в одиночестве, и мне было бы сложно, даже невозможно, говорить об этом публично, тем более перед незнакомцами на заседании городского совета. Я и раньше замечала эту особенность у американцев — они всегда действуют, им трудно усидеть на месте,

ничего не предпринимать и молча переживать неприятные для них эмоции, — поэтому, когда я отрицательно покачала головой, мужчина ушел явно разочарованным; дверь звякнула, закрываясь за ним.

Джереми

Фиерро ждал меня возле своего дома, одетый в футболку и джинсы; бейсболку с надписью USMC[34] он надвинул на самые глаза. В машине он включил радио на полную громкость, когда заиграла его любимая «Металлика», — я не жаловался, хотя от истошных якобы бунтарских воплей болела голова. Потом Фиерро разразился тирадой про «Доджерс», продувших несколько матчей подряд, но я только кивал в ответ. Мне очень хотелось помочь другу, чего бы это ни стоило. Я написал по электронной почте Хеку, старому приятелю, который служил с нами в одной роте в Ираке, вспомнив, что тот ходил в группу психологической поддержки в Орегоне и рассказывал, что ему это помогло. Я надеялся, что Фиерро это тоже поможет.

Складная стойка возле общественного центра уведомляла, что группа психологической поддержки по управлению гневом собирается в тренажерном зале. Рядом с двойными дверями на стене висели объявления с рекламой лет-

[34] Примечания: 34
Морская пехота США.

них занятий по плаванию для детей, бальных танцев для пожилых людей и сеансов фильмов для всей семьи. Когда мы с Фиерро вошли в зал, большинство стульев в кругу вокруг ведущего были уже заняты. Ведущего звали Росси. На нем была ярко-желтая рубашка, плотно обтягивающая мускулистую грудь, и говорил он громовым голосом, которого не ожидаешь от психолога.

— Кто готов сегодня рассказать о себе? — спросил он.

Тут же в воздух взметнулась чья-то рука. Она принадлежала мужчине средних лет с подпрыгивающим вверх-вниз, как игла швейной машинки, коленом.

— Привет, меня зовут Даг. У меня была очень плохая неделя. Дочь пригласила нескольких друзей поиграть в настольную игру, и они очень шумели. Я спустился вниз выпить воды. Мне хотелось попросить их вести себя тише, но я решил, что лучше не заходить в комнату, потому что жена специально просила меня этого не делать. К тому же она и так уже на меня злилась, потому что, по ее словам, я никогда не помогаю ей по дому. Это неправда. Иногда я убираю пылесосом и вынимаю посуду из посудомоечной машины. В общем, я ничего не мог сказать дочери и ее дру-

зьям, но терпеть шум, который они производили, было невыносимо. Поэтому я просто стоял там, на кухне, и чувствовал, что вот-вот взорвусь.

Женщина, которая была одета, как медсестра, и сидела сгорбившись, скрестив руки, внезапно выпрямилась.

— И со мной такое случается. Меня зовут Адриана. Иногда мне хочется просто заорать, когда дети просят сводить их в парк или в кино. Я не могу выйти в таком виде. — Она распрямила руки, и я увидел, что на левой руке у нее не хватает безымянного пальца и мизинца. — Но я не могу спорить с ними, потому что тогда они решат, что мой бывший был прав. В смысле, насчет моего характера. Мне постоянно очень больно. А они этого не понимают.

Я почти физически ощущал исходящее от Фиерро презрение. Возможно, я ошибся и не стоило приводить его сюда. Может быть, стоило настоять, чтобы он обратился в Министерство по делам ветеранов, хотя вместо психолога там бы просто выписали очередной рецепт на «Паксил», «Золофт» или «Веллбутрин». Но тут Фиерро сделал то, чего я никак не ожидал: он поднял руку.

— Кстати, — сказал Росси. — У нас сегодня новый участник. Пожалуйста, представьтесь.

— Меня зовут Брайан Фиерро. Иногда бывает трудно найти, с кем поговорить, и я очень благодарен за то, что вы позволили мне прийти. Вот моя проблема: я не могу спать. Я не про бессонницу, которая случается у всех время от времени. У меня другое: мне никогда не удается проспать больше трех-четырех часов, хоть тресни. И это продолжается уже много лет. Я все перепробовал. Поверьте. Даже ромашковый чай. Представьте, до чего мне хреново, раз я пытаюсь лечиться каким-то дерьмовым чаем. Ничего не помогает. Я не сплю всю ночь и постоянно о чем-то думаю. Мысли в голове крутятся одни и те же.

Я взглянул на Фиерро только раз, в тот момент, когда он произнес слово «бессонница», а потом уставился на свои ботинки и ждал, когда он договорит.

— Гнев может вызывать самые разные проблемы, — сказал Росси. — И бессонница, безусловно, одна из них. Недосыпание приводит к переутомлению, которое, в свою очередь, заставляет вас принимать неверные, плохие решения, а те провоцируют еще больший гнев. Такая дурная цепная реакция. Вам стоит посоветоваться со своим врачом и подобрать снотворное. Без полноценного отдыха вам будет сложно принимать

верные решения, найти источник своего гнева и научиться его контролировать.

— Ясно, — кивнул Фиерро, — ясно.

Пожилой мужчина с татуировками поднял руку, чтобы рассказать о себе. Он работал в магазине стройматериалов, и ему дали испытательный срок после стычки с клиентом, который заказывал жалюзи. Другой парень, водитель-дальнобойщик, рассказал, что скучает по жене, когда уезжает надолго, но, как только возвращается домой, они ссорятся и ругаются до следующего рейса.

Наконец настенные часы пробили девять, и встреча закончилась. Я молчал, пока мы с Фиерро выходили из центра, и, только когда мы сели ко мне в машину, повернулся к нему.

— Думаешь, этот твой номер, что ты там откололл, смешной?

Он легонько похлопал меня по руке.

— Вроде того. Согласись, очень забавно, правда?

— Ты все-таки редкостный придурок.

— Я же говорил, что соберется кучка хлюпиков, которые будут ныть о том, как они несчастны.

— Попробуй сказать им это в лицо — посмотрим, что будет.

— Слушай, брось, ничего такого не случилось.

— Ты все умеешь превратить в глупую шутку.

Фиерро наклонился ко мне.

— Что?

— Ты все прекрасно слышал, не притворяйся.

— Ладно, не делай из мухи слона. В следующий раз не буду.

— Никакого следующего раза не будет, — сказал я, потом завел машину и выехал с парковки.

Я устал от его выходок. Если он считает, что ему не нужна помощь, не буду его заставлять. Пусть делает что хочет. Я включил радио и покрутил ручку настройки. Мне хотелось поймать новости, но попалась станция с фолк- и кантри-музыкой, и я остановился на ней. Отец играл в фолк-группе до того, как познакомился с мамой, дома часто звучала эта музыка, я вырос под нее и из-за нее и захотел учиться играть на гитаре.

Фиерро снял кепку и причесал пальцами волосы.

— Мне понравились эти люди. Серьезно говорю.

В этом-то и заключалась проблема. Он почти никогда не говорил серьезно.

— Как скажешь.

— И ведущий группы, как его, мне понравился.

— Росси.

— Хороший парень.

— Хороший. Ты правда собираешься вернуться туда на следующей неделе?

— Раз я сказал, что пойду, значит пойду. Заглянем в боулинг?

— Поздно уже.

— Да ладно, только девять.

Я задумался на минуту.

— Заедем в «Дезерт аркейд».

— Не, это отстойное место.

— Ты хочешь поиграть в боулинг или нет?

Еще с шоссе я увидел новую яркую вывеску «Закусочная», ее было видно за квартал, но, когда мы заехали на парковку, оказалось, что ресторан уже закрыт. Работал только боулинг по соседству. Не знаю, почему мне захотелось приехать именно сюда, кого я надеялся здесь встретить. Просто ностальгия мучила меня с тех пор, как мы встретились с Норой в «Маклине».

— Не густо тут народу, — сказал Фиерро, когда мы вошли в зал.

И неудивительно: потертый ковер, тусклое освещение, старые игровые автоматы. Однако здесь было десять идеально отполированных дорожек и сколько угодно места для игры. Когда

я подошел к прилавку, старший мистер Бейкер отложил газету и встал. Я учился в школе вместе с его сыном Эй-Джеем, но без моих тогдашних лишних килограммов он меня не узнал.

Мы с Фиерро оплатили пару игр, взяли обувь напрокат, а потом прошли через вестибюль к дорожке № 2. Через три дорожки от нас играла семья из пяти человек, все в одинаковых футболках — зеленых с белой отделкой сбоку и вышитыми на спине словами: «Сшибаем кегли». Они смеялись какой-то шутке, наслаждались вечером. Мы начали играть. В зале звучала музыка 80-х, и я подпевал песням, которые впервые услышал, когда учился в начальной школе, а Фиерро сказал, что и половины из них не знает. Он вырос в Гаване, штат Техас, а в Дезерт-Хот-Спрингс переехал с матерью только после того, как его родители развелись.

— А что, вы не слушали музыку в Гаване? — спросил я. — Я думал, что ребята из Гаваны любят танцевать мамбо.

— У нас даже радио не было, — ответил Фиерро. — Отец искал, что продать, чтобы заплатить за героин, и, когда узнал, что я прячу под кроватью приемник, отобрал его, а меня избил. Мне было восемь лет. Первое, что сделала мама, когда

мы наконец переехали в Калифорнию, — купила нам стереосистему.

Он постоянно рассказывал мне какие-то жуткие истории. Я подумал, что, по крайней мере, о моем старике у меня остались хоть какие-то хорошие воспоминания. Да, сейчас мой отец — пьяница, и довольно агрессивный, но когда-то он был достойным отцом и прекрасным мужем. Он делал с нами домашние задания, бегал в магазин за молоком, ходил на родительские собрания. По субботам он вставал рано и готовил завтрак для всей семьи — не только оладьи, но и яичницу с беконом и картошкой, и свежевыжатый апельсиновый сок, — а потом мы все собирались в гостиной в пижамах и смотрели какой-нибудь фильм. Но в тот последний уик-энд, когда мы пересматривали «Чумовую пятницу», мама начала кашлять и не могла остановиться. Я предложил вызвать врача, но отец решил, что она просто добавила в яичницу слишком много острого соуса; он похлопал ее по коленке и посоветовал выпить воды. Через два дня она умерла, а наша семья развалилась, как карточный домик.

Сестра жила теперь совсем недалеко, но встречаться с ней было неловко, почему я и попросил Фиерро поехать со мной к ней в гости на барбекю

в прошлые выходные. Мы сидели под гирляндами лампочек на террасе ее дома, ели курицу на гриле и картофельный салат, а потом она спросила, прошла ли у меня бессонница. Когда я ответил, что, наверное, снова придется принимать снотворное, она тут же начала проповедь. Она давно поставила мне диагноз и не сомневалась, в чем причина моей проблемы и как ее исправить. Все это, как всегда, заканчивалось приглашением в очередной библейский кружок. А отец тем временем, устроившись в большом шезлонге, пил и рассуждал о войне в Ираке. Он был резервистом, некоторое время работал техником по ремонту оборудования в Кувейте во время «Бури в пустыне» и на этом основании считал себя военным экспертом. Но ему никогда не приходилось видеть кишки, свисающие, как елочные игрушки, с гранатового дерева, не приходилось выламывать чью-то дверь в три часа ночи, направлять оружие на мать, пока ее сыновей берут в плен, накладывать жгут на то, что осталось от руки Сэнгера, или идти мимо брошенных на улице тел с вырезанными глазами, носами и ртами. Говорить о павших легче тем, кто не видел их смерти. Мы всегда спорили об одном и том же: отец настаивал, что Саддам угро-

жал нашей свободе, что мы освободили страну от тирана и помогли женщинам, а я спрашивал его, каким образом Саддам угрожал нашей свободе, где он хранил свое оружие массового поражения и каким образом бомбы помогают женщинам. Все это мы говорили друг другу не в первый раз. Постоянно повторяли одно и то же. Что бы я ни говорил, отец никогда не отступал от основной своей мысли: *Саддам был плохим, а мы хорошие!* На самом деле мы ссорились не из-за войны, мы ссорились из-за чего-то другого, что долгие годы оставалось невысказанным.

— Бам! — выкрикнул Фиерро. Он только что выбил первый страйк[35]. — Чувак, ты проиграл!

Он сел в крутящееся кресло, самодовольно расставил ноги и глотнул колы.

— Это мы еще посмотрим! — рассмеялся я.

Я взял шар, подошел к линии фола, запустил его и сбил восемь кеглей.

— Нам тоже надо завести специальные футболки для боулинга, — сказал Фиерро, взглянув на семейство на другой дорожке. — Мы могли бы называться «Смерть кеглям». Стой, нет. «Кеглеубийцы»! Как тебе?

---

[35] Примечания: 35

Когда игрок сбивает одним ударом все 10 кеглей, это называется «страйк».

Я взял еще один шар и вернулся к линии. Еще до броска я знал, что попаду в две последние кегли и сравняю счет. Фиерро был хорошим игроком, но легко отвлекался. Он запорол два простых броска, потому что болтал без умолку. Я ловко обыграл его.

После игры я отвез его обратно в Дезерт-Хот-Спрингс. Стояла лунная ночь, улицы опустели, но слышны были звуки праздника у одного из домов, играла громкая музыка, дети плескались в бассейне. Фиерро с досадой глянул на празднующих, потом вышел из машины и протянул мне руку через открытое окно.

— До встречи на следующей неделе, брат.

Я выехал на шоссе и не спеша поехал домой. В свете фар непрерывно мелькали желтые линии, обозначавшие край полосы. Я сдал последнюю работу за весенний семестр, и надо было как-то убить много часов, прежде чем удастся заснуть. По радио зазвучала песня Долли Партон «Do I Ever Cross Your Mind», и то ли из-за лиричного настроения, которое она вызывала, то ли из-за внезапного приступа ностальгии я снова вспомнил тот ужин с Норой, перебирая его во всех деталях, словно хотел навсегда запечатлеть в памяти.

Эфраин

Сначала старик испортил мне вечер, не дал насладиться школьным спектаклем дочери, а потом еще и вторгся в мои сны. Почти каждую ночь я снова оказывался на 62-м шоссе с перепачканными велосипедной смазкой руками и видел, как его тело скатывается с капота машины на тротуар. Про себя я называл его теперь Герреро. Он вел против меня настоящую войну. Рано утром, когда я брился при свете желтой лампочки, висевшей над зеркалом в ванной, он толкнул мою руку, и я порезался. Потом, пока Энрике изучал карту, Герреро прокрался в фургон и испортил оборудование, продырявив шланг для чистки ковров, а заодно порылся в наших вещах. У меня из ланч-бокса пропала кола, хотя я прекрасно помнил, что сам ее туда положил.

— Хочешь, отпей из моей, — предложил Энрике, протягивая мне банку. У него на рубашке не хватало пуговицы, и я подумал, что это тоже, возможно, проделки Герреро.

Та часть моего мозга, которая сумела хладнокровно оценить возможные последствия звонка

в полицию, понимала, что все эти совпадения я выдумываю сам. Не в первый раз я порезался во время бритья, шланг был просто очень старый, а колу на воду сменила, скорее всего, Марисела, когда я не видел. Но более мистически настроенная часть моей личности скрупулезно отслеживала все неудачи, которые начали преследовать меня с той ночи, когда сбили старика, и не позволяла мне расслабиться. Чем старательнее я пытался игнорировать этот голос совести, тем длиннее становился список.

Удивительно, что воспоминание об аварии не притупилось со временем, а, наоборот, стало более четким. Теперь я не сомневался, или почти не сомневался, что машина, сбившая Герреро, была серебристого цвета и что у нее был длинный капот, хотя марку и модель я не узнал. А сзади на боковом стекле висела наклейка, круглая и красная, какая-то реклама. Должно быть, память — это не просто сохранение в сознании того или иного момента, а процесс многократного возвращения к нему. Ты разбиваешь воспоминание на части и собираешь их снова в единое целое, до тех пор пока не осознаешь в конце концов, что именно ты запомнил. По нескольку раз в день я возвращался к тому мгновению на шоссе, и

каждый раз видел его по-новому, каждый раз оно представало передо мной в каком-то новом свете.

В субботу вечером я не стал рассказывать жене о новых деталях, которые мне вдруг вспомнились, а она не говорила больше об аварии. Измученный работой и недосыпом, я лег на диван и положил голову ей на колени. Мне просто хотелось позабыть обо всем, но воспоминания не оставляли меня, они снова и снова возвращали меня к той ночи на 62-м шоссе. Я будто застрял во временной петле и вынужден был постоянно заново переживать то, что произошло той ночью. Марисела, похоже, не стремилась нарушить мое молчание, а просто гладила меня по волосам и смотрела передачу с Доном Франциско[36].

Не стала она говорить об аварии и утром в воскресенье, когда мы повели детей в церковь. С кафедры, расположенной под витражами, священник говорил о таинстве покаяния, цитировал Псалтырь: «Но я открыл Тебе грех мой, не скрыл беззакония моего». О, я знал, о чем этот стих. Признайся, и будешь прощен.

Но я не совершил никакого преступления, по-

---

[36] Примечания: 36
Знаменитый ведущий испаноязычных программ.

чему я должен в чем-то признаваться?

И все же я чувствовал себя преступником. Именно чувство вины давило на меня, заставляло бесконечно возвращаться к тому происшествию. Я отчаянно хотел освободиться от этого чувства, но по дороге домой — я держал Дэниела за руку, а Елена, подпрыгивая, бежала рядом — терзался вопросом: стоит ли прощение того риска, который придется на себя взять. Мы остановились, чтобы перейти дорогу, и Марисела странно посмотрела на меня.

— Что? — спросил я.

— Посмотри на свои носки, — ответила она.

Я взглянул и увидел, что один носок у меня синий, а другой черный.

— Я заметила еще в церкви, — тихо рассмеялась Марисела. — Но там не могла тебе сказать.

Как же я любил ее улыбку. Эта улыбка заворожила меня, когда я впервые увидел Мариселу в переполненном автобусе в Торреоне[37] много лет назад. Она вежливо улыбалась в ответ на какие-то слова кондуктора. Несмотря на летнюю жару, на ней было черное платье с длинными рукавами и туфли, волосы были заплетены набок

---

[37] Примечания: 37
Город в Мексике.

в строгую косу. Я встретил ее снова только через неделю, а еще через неделю узнал, что она вдова. Но она почти не обращала на меня внимания, жила воспоминаниями о покойном муже, и я понял, что мне придется конкурировать за свое счастье с ним. Кузен Алонсо, как обычно, считал, что надеяться мне не на что.

— Если она носит траур через девять месяцев после смерти мужа, — протянул он, — значит он был выдающимся человеком, тебе с ним не сравниться.

— Ты на чьей стороне? — спросил я.

Его сомнения только укрепили мою решимость поговорить с ней. Расспросив людей вокруг, я выяснил, что у нее есть две сестры, которые держат парикмахерский салон. Точнее, сводных сестры. Они были намного старше Мариселы, но обе незамужние. И поэтому, раз ни у одной из них не было семьи, две эти старые карги взяли на себя роль защитниц прекрасной Мариселы. Чтобы познакомится с ней, сначала следовало подружиться с ними. Я не был ни богат, ни красив, но годами копил деньги, чтобы уехать на север, и, полагаю, они увидели в этом признак честолюбия — качества, которого, по-видимому, не хватало первому мужу Мариселы. Они познакомили ме-

ня с Мариселой, и я сумел ей понравиться. Вот почему я никогда не жалуюсь на то, что мы каждый месяц посылаем им деньги, хотя у нас их не особенно много. Теперь, когда еще один мертвец нарушает мой покой, очень не хватает каких-нибудь сводных сестер — колдуний, которые могли бы меня спасти.

Нора

Прошел день, другой, и я решила вернуться к привычной рутине. Однако я не ожидала, что она встретит меня так жестко. Я открыла электронную почту и обнаружила там два отказа: один от Пасифик мьюзик фестивал[38], а второй от Банффского международного музыкального конкурса[39]. Отказ ПМФ был шаблонным, но судьи Банффского конкурса постарались: они написали, что моя композиция показалась им «слишком рассудочной» и «не вполне соответствующей нашей эстетике». Я попыталась понять, что это значит, но у меня так и не получилось. Что хотели сказать судьи? Для чего вообще они мне это написали? Я не понимала, какие выводы можно сделать из подобной критики.

За несколько недель до смерти отца я работала над серией джазовых пьес, черпая вдохновение в моей первой поездке в Марокко, когда родители

---

[38] Примечания: 38

Международный фестиваль классической музыки, который ежегодно проводится в Саппоро, Япония.

[39] Примечания: 39

Международный музыкальный конкурс, проводится раз в три года в Банффе (Канада) среди струнных квартетов.

повезли нас с сестрой знакомиться с родственниками. Моя прабабушка была тогда еще жива, и мы поехали поездом из Касабланки в Марракеш, чтобы навестить ее. Мы приехали туда в сумерках, шли по Джамаа-эль-Фна[40] сквозь толпу торговцев едой, заклинателей змей и гадалок и остановились посмотреть на уличных акробатов. Среди них были подростки примерно моего возраста, но остальные существенно младше. Все они были босиком и двигались с невероятной, никогда не виденной мной до этого ловкостью. Они прыгали, кувыркались и делали сальто назад, а потом, перекатываясь по двое и по трое, выстроились в идеальную пирамиду. Толпа теснила нас, и родители с сестрой пошли дальше, в сторону северной стороны площади, а я осталась, завороженная акробатами. Каждый мальчик выступал сам по себе, но согласованно с другими. Именно это я и пыталась запечатлеть в музыке годы спустя.

Отказ Банффского конкурса был обычным делом, к тому же я отправила это же произведение еще на несколько фестивалей и пока не получила ответ. Но их отказ застал меня в состоянии

---

[40] Примечания: 40
Самая большая площадь в Марракеше.

глубокой скорби и нанес болезненный удар. Во мне будто проснулась вся затаившаяся до того момента неуверенность. Я не училась в консерватории, не была ученицей известного солиста, не привлекла своей игрой внимания хорошего наставника, не выступала в «Филморе»[41] или «Блюноут»[42]. В джазовых группах или камерных оркестрах, в которых я играла много лет подряд, я была единственной девушкой, белой вороной. Мне нравилось писать музыку в разных традициях, и в джазовой, и в классической, что означало, что мое место в музыкальном мире еще не было окончательно определено. Или что я никогда не обрету своего места.

В тот вечер, одна в домике, я открыла на ноутбуке нотный редактор «Sibelius», и мне вдруг показалось, что передо мной чужая партитура. Я не могла выбросить из головы слова судей. Моя работа слишком рассудочная. Слишком причудливая. Слишком что-то там еще. Не знаю, сколько я просидела на старом диване, час, два или три, но мое произведение больше не волновало и не вдохновляло меня, оно вообще потеряло для меня

---

[41] Примечания: 41
Музыкальный клуб в Сан-Франциско.

[42] Примечания: 42
Джаз-клуб.

всякий смысл. Возможно, пора от него избавиться. Стереть и начать заново. Я уже занесла курсор над кнопкой «Delete», но услышала, что к дому подъезжает машина. Мгновение спустя кто-то постучал в дверь.

В оранжевом свете заходящего солнца глаза Джереми казались зелеными, а не голубыми. Он был в походных брюках и ботинках и нервно позвякивал ключами.

— Я ехал в Хидден-Вэлли, — сказал он, — и решил спросить у тебя, не хочешь поехать со мной?

— Сейчас? В семь вечера?

— Жара наконец спала. И сегодня полнолуние.

Небо было цвета спелого абрикоса. Скоро наступит ночь, в домике воцарится тишина, и я снова останусь один на один со своими нотами. На испарительном охладителе заворковала горлица. Мы оба обернулись на звук.

— Она высиживает птенцов, — объяснила я.

— Или он.

— Как ты определил, что это самец?

— Никак. Просто знаю, что они высиживают яйца по очереди.

Вот почему гнездо никогда не пустует. А я ломала голову над тем, что же бедная голубка ест, если

все время сидит на яйцах. Птица склонила головку набок и с любопытством уставилась на нас.

— Зайди внутрь, а я пока обуюсь, — сказала я.

В домике почти не было мебели. Диван, кресло, журнальный столик — все прочное и удобное, но не несущее в себе никакой истории, ничего обо мне не говорившее. Ни сувениров на полках, ни семейных фотографий на стенах. Я поскорей закрыла «Sibelius», чтобы Джереми не спросил о моей музыке.

— Это мама сделала, — объяснила я, увидев, что он рассматривает нелепую композицию из сухих цветов на каминной полке.

Я завязала шнурки и встала.

— Не уверена, что здесь есть бутылка для воды, — сказала я и пошла на кухню. Я поискала наугад в ящиках кухонного шкафа.

— У меня есть в машине.

— А фонарик?

— И фонарик есть.

В машине я опустила стекло, и ветер ворвался внутрь, заменив своим гулом разговор. В пустыне местами сверкали огни, но, как только мы въехали в национальный парк, все поглотила темнота. Вдалеке виднелись гигантские валуны, а на равнине под ними повсюду росли юкки. Я

всегда любила дубы и сосны с их длинными пышными ветвями, которых хватает в окрестностях Сан-Франциско, но, оказывается, соскучилась по деревьям пустыни: крепким, колючим, с шипастыми ветвями и в то же время чрезвычайно уязвимым. Только уехав из родного города, я осознала, как редко они встречаются в природе.

Доехав до Хидден-Вэлли, мы наткнулись на запертые ворота. На табличке было написано, что после захода солнца тропа закрывается. Но Джереми припарковал машину на обочине, вышел и с легкостью перепрыгнул через ворота.

— Идешь? — спросил он. И мы пошли.

Луна еще не поднялась высоко, но света хватало, и мы не включали фонарики. Над нами бесшумно пролетела сова — мы заметили ее, только когда она уже удалялась.

— Приятно, что в парке так тихо, — сказала я.

— Поэтому я больше люблю приходить сюда летом. Никаких туристов, только местные.

— Как я? — спросила я, усмехнувшись.

— Как ты.

Некоторое время мы шли молча, только земля хрустела под ботинками. Ритм был успокаивающим, я глубоко вздохнула. Слабо пахло шалфеем.

Мы шли вниз по тропе, и Джереми указал на

скопление валунов:

— Оттуда открывается хороший вид.

— Так пойдем посмотрим.

Джереми шел впереди, указывая на скользкие, опасные места, когда они попадались, но я легко поспевала за ним. Мое тело каким-то образом сохранило память о том, как я десятки раз карабкалась по этим скалам в детстве. На вершине мы сели, вытянули ноги и любовались открывшимся видом на долину. Лунный свет серебрил пейзаж, местами смягчая очертания деревьев и кустарников, а местами, наоборот, придавая им резкие очертания. Вокруг царили тишина и спокойствие, но я знала, что под покровом мирной ночи неистово пульсирует жизнь во всем своем великолепии. Летучие мыши ищут пропитание, совы охотятся, ящерицы выползают из нор. А я задавалась вопросом, наступит ли когда-нибудь время, когда я обрету покой, когда мое сердце не будет изнемогать под тяжестью, будто налитое свинцом. Раньше музыка служила мне убежищем от печалей и разочарований, но теперь я сомневалась, что так будет и дальше, особенно после столь пренебрежительного вердикта судей.

— А ты еще играешь? — спросила я.

— Да нет, музыку я бросил после школы. Даже

не знаю, где моя гитара. Наверное, валяется где-то в отцовском гараже.

— Помнишь, как мы ездили на выступление Лос-Анджелесского филармонического оркестра?

— Конечно, в последнем классе.

— Я тогда в первый раз увидела здание, спроектированное Фрэнком Гери. Я вообще тогда в первый раз оказалась в концертном зале. Рядом со мной сидела женщина в атласном платье и перчатках, и она все указывала мужу на знакомых. Говорила, как взволнована, как счастлива послушать Массне. Филармонический оркестр так редко его исполняет. Но потом заявила, что концерт ей не понравился, потому что исполнение было богомерзкое. Богомерзкое! Это слово я встречала раньше только в книжках. Никогда не слышала, чтобы кто-то так говорил. Я решила тогда, что в больших городах все так говорят. С каким же нетерпением я ждала, когда поступлю в колледж и уеду.

— Я помню тот день, — тихо произнес Джереми. — Мы съели тогда вместе твой ланч.

— Правда?

По его взгляду я поняла, что тот момент имел для него какое-то особое значение. И тогда я подумала, как странно устроена память. Кто-то

помнит какое-то событие, долго вспоминает его, живет им, а для кого-то другого то же самое событие совершенно ничего не значит и стирается из памяти навсегда.

Через минуту он спросил:

— Оправдал Стэнфорд твои ожидания?

— И да и нет, — ответила я.

Точно такими же, как в рекламной брошюре, оказались только здания, а все остальное совершенно другим, особенно люди. В школе я была единственной арабкой, но теперь жила в общежитии с ребятами из совершенно разных слоев общества, и потому не чувствовала себя больше такой одинокой. И все-таки всякий раз, когда открывала рот, выставляла себя деревенщиной. Однажды на первом курсе я отвечала на какой-то вопрос по архитектурному дизайну и французское выражение «изящные искусства» произнесла как «базар». Преподаватель засмеялся и поправил меня: beaux arts — это два слова. И первое слово произносится «бо», а не «ба». Тогда казалось, что мне никогда не избавиться от провинциальности в речи, в одежде, в самой себе. Но со временем я приспособилась и научилась получать удовольствие от того, что предлагал мне город.

— Я так долго об этом мечтала, — продолжила я, — что реальность не могла не проиграть моему воображению.

Слышно было, как в кустах свистит и щелкает кактусовый крапивник. Поверх плеча Джереми я глянула в сторону звука, а когда тот стих, неожиданно поймала на себе его взгляд. В нем промелькнуло желание. Не знаю почему, но мне захотелось погасить его, не позволить ему разгореться.

— Ты слышал о Максе Блумхофе?

— Нет. Кто это?

— Он написал замечательную книгу об апартеиде в Южной Африке. Она называется «Пока не наступит ночь». Некоторые считают ее современной классикой. Еще он написал книгу «Мы сами» о Северной Ирландии. Послабее, но тоже стала бестселлером.

— Погоди, я, кажется, понимаю, о ком ты. Я видел его один раз в передаче «Дейли шоу».

— Да, это он. Я познакомилась с ним в арт-резиденции на севере штата Нью-Йорк. Я никого там не знала, но однажды вечером он сел рядом со мной, заговорил, и я вдруг почувствовала себя легко и свободно. Спросил, над чем я работаю, а потом, послушав небольшое камерное произ-

ведение, которое я только закончила, сказал, что я самый талантливый музыкант из всех, что собрались в этом месте. Думаю, мне льстило его внимание. Потом он сказал, что я любовь всей его жизни и что он не может жить без меня.

Я обхватила колени руками и уткнулась в них подбородком. У меня пересохло в горле.

— Но?.. — продолжил за меня Джереми.

— Он женат. Тогда он сказал, что они с женой разъехались и развод — только вопрос времени. И что пока ему нужно вести себя осторожно ради детей. Но он так и не развелся. Три недели назад я сказала, что он должен выбрать что-то одно. И, думаю, он выбрал. Потому что он больше не звонил и не писал.

Ну вот, дело сделано. Теперь, когда Джереми будет обо мне думать, я не предстану в его воображении как та девочка из кафе-мороженого, или из концертного зала, или что он там еще обо мне навоображал. Я встала и потерла ладони друг о друга, чтобы стряхнуть с них пыль. Когда мы взбирались на валун, я и не думала, что расскажу о Максе, а теперь вдруг пожалела о том, что это сделала. Что-то в Джереми вызвало у меня желание открыться ему, хоть и для того, чтобы его оттолкнуть. Мне хотелось поскорей оставить

этот момент позади, и я начала спускаться.

— Нора, стой!

Я обернулась на звук его голоса, соскользнула с валуна, ободрав руку, и плюхнулась коленками на землю. Джереми снова окликнул меня и полез вниз вслед за мной. Он подставил мою руку под лунный свет и осмотрел царапину.

— Нам лучше вернуться, — сказал он.

— Да мы уже больше половины пути прошли.

Он провел пальцами по царапине, но они остались сухими.

— Видишь, — сказала я, стараясь не морщиться. Раз уж пошла, надо пройти этот маршрут до конца. — Пойдем дальше.

Двадцать минут спустя мы подошли к последнему повороту. Из зарослей чупаросы выглядывало засохшее дерево с ветвями цвета слоновой кости. На меня внезапно нахлынули воспоминания.

— В детстве отец приводил нас сюда с сестрой. Мы соревновались, кто быстрее влезет на самую высокую ветку. — Дерево было таким же высоким, как во времена моего детства, но тогда оно было живым, пустыня иссушила его, лишила ветви цвета и сока жизни. — Ночью я это дерево никогда не видела. Какие корявые ветви. Страшные.

— Чего ты боишься?

— Привидений, — ответила я. — Они не оставляют меня в покое.

Я взглянула на него и увидела, что он все так же не сводит с меня глаз. Он коснулся моей щеки, а через мгновенье прижался губами к моим губам. С какой легкостью я ответила на его поцелуй. Как приятно было вновь ощутить себя желанной. Он обнял меня и притянул к себе так близко, что мы чуть не потеряли равновесие.

Джереми

Когда мы вернулись к машине, я повернул ее руку так, чтобы на нее падал лунный свет, и увидел, что кожа на руке ободрана от локтя до запястья. Я достал из багажника аптечку первой помощи и, присев на бампер, начал рыться в ней в поисках дезинфицирующих салфеток. Стало прохладней; на другой стороне дороги из кустов выскочил заяц. Я быстро обработал царапину, чтобы не сильно щипало, потом намазал ее антибактериальной мазью и наложил повязку.

— Всегда возишь с собой аптечку, чтобы спасать своих девушек? — шутливо спросила она.

— Осталась в машине с недавнего похода, — ответил я. — Больно?

Она отрицательно качнула головой, и блестящие серебряные серьги снова запутались у нее в волосах. Но теперь мне не страшно было сделать то, на что я не мог решиться в семнадцать лет: я убрал волосы с ее лица и одну за другой распутал серьги. Пока я это делал, Нора не сводила с меня глаз. Какими темными были ее глаза, каким пронизывающим взгляд, будто она видела

и знала все мои секреты. В прошлом я уже раз упустил ее и теперь не был уверен, что у меня появится еще шанс, поэтому привлек ее к себе, снова поцеловал и прошептал кое-что на ухо. Она мгновенье сомневалась, потом кивнула.

Мы выехали из парка. Одной рукой я вел машину, другой — поглаживал колени Норы. Лунный свет падал на лобовое стекло. Пэтси Клайн[43] пела по радио. Мы доехали до ближайшего магазина, но служащий уже закрывал его.

— Да ладно, пустите меня, — попросил я, — я быстро, на минутку.

Служащий покачал головой. Это был маленький человечек в желтых очках с тонкими губами, и он ни за что не хотел уступать. Я не позволял раздвижным дверям закрыться, и он, прищурившись, смотрел на меня.

— Сэр, отойдите, — сказал служащий, — магазин не работает.

Подошел охранник — здоровенный парень с татуировками на шее и шрамами на руках. Он глянул на меня разок и сказал служащему, чтобы тот меня пропустил.

Но когда я вернулся с презервативами к ма-

---

[43] Примечания: 43
Знаменитая американская певица в стиле кантри.

шине, ее не было. У меня перехватило дыхание. Я решил, что она ушла, но потом отошел к бордюру и увидел ее на другой стороне парковки. Я подошел к Норе и встал рядом.

— Смотри, — сказала она и показала через шоссе куда-то в сторону пустыни.

Толсторогий баран. Я в первый раз видел это животное так близко к городу, в одиночку, отбившееся от стада. Я взял ее за руку и ждал. Толсторог жевал сухую траву, но вдруг остановился и уставился на нас. У него был темная шерсть и длинные красивые изогнутые рога. Его уши подергивались, когда по шоссе проезжала машина. Потом он повернулся и затрусил прочь — его зад оказался пушистым и белым, как внутренность разрезанной груши.

В Норином домике было невыносимо жарко. Когда мы вернулись, Нора снова включила испарительный охладитель, открыла окно и пошла на кухню за водой. Прислонившись к столешнице, я слушал жужжание холодильника, тиканье часов, позвякивание льда в ее стакане с водой. Я говорил себе, что нужно подождать, дать ей время. Когда в домике стало прохладней, когда она сняла ботинки, когда она снова налила себе воды, я протянул руку, и она взяла ее.

А потом мы подошли к ее кровати. Я снял рубашку, но она не прикоснулась ни к моим шрамам, ни к татуировке, сделанной перед отправкой в Ирак. Она дотронулась до моих век, бровей, скул, как будто разглядывала прежнего меня. Ее прикосновение было таким легким. Она сняла кофточку, и я заметил родинку на ее левой груди, чуть выше кружевной линии лифчика. Она носила топ-халтер, и я, как подросток, шарил по нему руками, пытаясь понять, как он расстегивается.

— Вот здесь застежка, — сказала Нора и расстегнула его спереди.

Чувство неловкости испарилось, как только она обняла меня. Я ласкал изгибы ее грудей, бедер, ягодиц. Что такое десять лет? Да ничего. Один удар сердца. Одно мгновенье. Мы по-прежнему были там, рядом с концертным залом, солнечный свет лился сквозь ветви магнолии, а Нора помешивала лед в газировке красной соломинкой и улыбалась мне. Никто еще не пришел и не позвал ее на концерт, она еще не успела пройтись по сцене на выпускном вечере и исчезнуть из города и из моей жизни. И теперь я лежал с ней в одной постели, и это казалось маленьким чудом. Я поцеловал ее шею, потом спустился чуть ниже,

дотронулся ртом до ее сосков. На пупке у нее был пирсинг, но кольца не было, и я поцеловал крошечную точку и спустился еще ниже. Она запустила пальцы в мои волосы, и это возбудило меня, она направляла меня, управляла моими движениями. Закрыв глаза, я предавался фантазиям, будто все это уже случалось раньше и будет повторяться снова и снова. Как же легко было поверить в это теперь, чувствуя ее нетерпеливое желание.

Потом она лежала в моих объятиях, я чувствовал тяжесть ее тела и наполнялся спокойствием — она дарила мне утешение, в котором я так нуждался и даже не подозревал об этом. Я начал засыпать, но очнулся от дремоты, когда Нора ушла в ванную. Прошло несколько минут. Снаружи раздался крик какого-то животного, наверное, кролик запутался в проволочной изгороди, окаймлявшей задний двор. Звук повторился, и я вдруг понял, что он доносится из ванной. Я постучал в дверь, но Нора не ответила. Я окликнул ее, но она все равно не отвечала.

Нора

Что было в нем такого, что понравилось мне? Приятель из прошлого, о котором я вспоминала так же редко, как и о других участниках школьного ансамбля, успел настолько измениться, что стал практически незнакомым человеком. Но он умел слушать, искал встречи со мной, пытался меня утешить. Возможно, этого было достаточно. Может, так мне было легче горевать? Как только я задала себе этот вопрос, у меня защемило сердце и из глаз хлынули слезы. Они потекли так стремительно, будто внутри прорвало плотину. Я закрыла рот рукой, чтобы заглушить рыдания, но, наверное, он услышал меня, потому что постучал в дверь. Мгновение спустя ручка повернулась, и он вошел в ванную. Я прикусила губу, но слезы от этого полились еще сильней.

— Все хорошо, — выдавила я через минуту, — ты иди.

— Я не оставлю тебя в таком состоянии.

Он обнимал меня в ванной долго-долго. Когда слезы наконец иссякли, он принес из кухни стакан воды и подождал, пока я его выпью. Я

чувствовала большое облегчение после этих рыданий. Я знала, что когда-нибудь сорвусь, и мне было неловко, что это произошло на глазах у Джереми. Я огляделась в поисках рубашки или халата, но на вешалке для полотенец висело только полотенце для рук. Словно почувствовав, что мне неловко, он снова обнял меня.

— Почему он? — прошептала я. — За что?

— Незачем задаваться такими вопросами, — нежно сказал он. Потом взял меня за руку и повел обратно через мятые кучи одежды и белья, разбросанные по полу. — Возвращайся в постель.

Мои глаза опухли от слез, нос заложило, лицо покраснело. Как сексуально, подумала я. Что я вообще делаю? Что он тут делает? Он уже должен был уйти. Но он лег рядом, его пальцы гладили мою спину, снова и снова, по кругу. Он повторял, что бессмысленно задаваться такими вопросами. Что невозможно найти разумное объяснение, когда случается нечто подобное. Просто не повезло. Я слушала, как бьется сердце в его груди. Какая хрупкая штука сердце. Его так легко обмануть. Разбить. Заставить остановиться при столкновении на темном перекрестке.

— Должно быть объяснение, — возразила я.

— Не обязательно.

Он рассказал, что его воспитывали в католической вере и учили, что грех наказывается, а добродетель вознаграждается. Что с хорошими людьми случаются хорошие вещи, а с плохими — плохие. Даже когда умерла его мать, он продолжал в это верить, потому что его учили, что несчастье — это испытание. Но потом он оказался на войне и потерял веру. Вот сейчас парень по имени Сэнгер рассказывает ему о том, какая черепица нужна ему для его дома в Джексон-Хоуле, а в следующее мгновение у него уже нет рук.

— Я не мог понять, почему так происходит. Я не мог понять, почему его покалечило, а я остался невредим, хотя стоял рядом с ним. И тогда я осознал, что не все на свете можно объяснить логикой. Просто случайность. И ничего не поделать. В этом нет никакой причины и ясности.

Мне было трудно согласиться с логикой Джереми. Если смерть моего отца просто несчастный случай, значит я должна забыть все, что знаю о родном городе. Забыть о поджоге, стереть из памяти все мелкие оскорбления, не думать о том, что отца сбили в определенном месте, в определенное время. Я не могла так поступить.

За окном раздалась трель пересмешника.

— Уже поздно, — сказал он. — Тебе надо по-

спать, хоть немного.

Но я не могла уснуть, и Джереми обнимал меня, пока занавеска на окне не посерела с рассветом, пока не начали перекликаться петухи во дворе у соседа. Тогда он встал, оделся и подошел попрощаться со мной. Он опустился на колени у кровати, будто хотел помолиться.

Эфраин

Я выходил из магазина «Каса маркет», тащил покупки и думал о матче, который посмотрю дома, но тут Герреро подставил мне подножку. Я грохнулся перед доской объявлений, из пакетов выкатились лаймы и лимоны, чипсы раскрошились. Когда я поднялся, я увидел на доске объявлений его фотографию. Мы стояли рядом, он и я, и смотрели на эту фотографию и цифру под ней, так крупно напечатанную, что мне не понадобились очки, чтобы разглядеть ее. Двадцать пять тысяч долларов. Только представь, что бы ты сделал, если бы у тебя была такая сумма. Нужно просто позвонить.

— Никуда я звонить не буду, — сказал я и наклонился, чтобы достать два лайма из-под полки со сладостями.

Каким-то чудом упаковка с яйцами уцелела, но, когда я открыл ее, выяснилось, что одно яйцо все-таки разбилось.

— Видишь, что ты наделал? — спросил я.

Но он ответил, что это ерунда, и засмеялся.

Я не понял, что он имел в виду: что яйцо — это

ерунда или что он может устроить мне что-то посерьезней, чем просто подставить подножку в продуктовом магазине. Я хотел напрямую спросить его, не угрожает ли он мне, но испугался его ответа. К драке я не был готов. В конце концов я решил его игнорировать и продолжил собирать с пола продукты. Мне нужно было взять себя в руки. Я знал, что все это просто бред в моей голове. Я хотел быстрей вернуться домой к жене и детям и попробовать лечь спать пораньше, чтобы лучше отдохнуть.

Смотри. Вот фамилия детектива. Запиши ее.

В воздухе висела тревожная тишина. Где-то в магазине заплакал ребенок, мать никак не могла его успокоить. Я собрал все, что уронил, и встал, потирая ушибленные колени. Я пытался решить, что мне делать: вернуться и сказать кассиру, что мне нужна новая упаковка яиц, или просто пойти домой и покорно выслушать упреки Мариселы, которая, конечно же, спросит: неужели так трудно принести домой шесть яиц и ни одно не разбить? Мимо прошла девочка-подросток, испуганно оглянулась на меня и вышла из магазина. Я видел этот взгляд раньше. Так смотрят на изгоев, маньяков и сумасшедших, этим взглядом их предупреждают, что не стоит подходить ближе, как

будто у них проказа или другая неизлечимая болезнь. Мне хотелось объяснить девочке, что я не сумасшедший. Но дверь за ней уже закрылась.

Запиши фамилию детектива. Позже решишь, как поступить.

Я положил коробку с разбитым яйцом в сумку с продуктами и вышел из магазина. На парковке я заметил машину с длинным капотом, точно таким же, как у той машины, что сбила Герреро, — «форд», только синий, а не серебристый. Мой гнев и досада только усилились оттого, что мне открылась эта новая деталь. Я вдруг осознал, что чем сильней я буду стараться забыть о том, что произошло той ночью на шоссе, тем чаще мне станут попадаться напоминания об этом.

Дома я не стал ужинать, отказался поиграть с детьми, хоть они и просили, и весь вечер пролежал на диване, глядя в телевизор. По телевизору транслировался футбольный матч, но я не следил за игрой. Я боялся того, что скажет Марисела, если я ей расскажу, что со мной произошло, но не был уверен, что сумею сохранить это в тайне.

Расскажи ей про вознаграждение за информацию. Расскажи.

Я отрицательно покачал головой. Я прекрасно знал, что скажет жена, если рассказать ей о

деньгах. «Видишь, — скажет она, — это знак. Тебе лучше позвонить. Сообщи полиции, что произошло». Мне и так хватало голосов, которые звучали у меня в голове и постоянно уговаривали.

Этот Герреро окончательно обнаглел. Ворвался ко мне домой, удобно устроился на стуле в углу и вмешивается в наш с Мариселой разговор. Мне вспомнились давние времена, когда я еще только ухаживал за своей будущей женой. Тогда Марисела часто надолго замолкала, вспоминая первого мужа, который умер всего через год после их свадьбы. Раз или два она даже назвала меня Эрнесто — так его звали.

— В Торреоне полно красивых девушек, — говорил двоюродный брат Алонсо, уставившись на мое левое ухо. — А ты все сохнешь по вдовушке, почему?

Но я не сдался, и посмотрите на нас сейчас. Мы вместе двенадцать лет, и у нас двое детей.

Марисела уложила детей спать и предложила мне поужинать.

— Я отложила тебе еду на тарелке, — сказала она.

— Может быть, позже. Сейчас не хочу.

Она подошла и села рядом на диван.

— Кто выигрывает?

Я не следил за игрой и поэтому не мог ответить на ее вопрос. Свет от телевизора окрашивал гостиную в зеленые, красные и синие тона. Много лет назад я соперничал с мертвым мужем Мариселы. И дождался, в конце концов он ушел. Уж конечно, я смогу дождаться, пока уйдет и Герреро.

Коулман

Дома всю следующую неделю я только и слышала, что Брэндон сделал то, Брэндон сделал то. «Брэндон сказал, что „Доджерс“ в этом году играют отстойно». «Брэндон пригласил меня в субботу в автокинотеатр». «Брэндон одолжил мне диск с игрой „Call of Duty“». Нельзя сказать, что мы оживленно общались, но теперь Майлз хоть рассказывал нам о чем-то, а не сидел все время у себя в комнате. Он даже вызвался испечь на завтрак вафли с клубникой и взбитыми сливками, чего не делал с тех пор, как мы переехали в Калифорнию.

— Видишь? — сказал Рэй, загружая посуду в машину. — Нужно было просто дать ему время. Он привык. Как я и говорил тебе, детка. Все в порядке.

Но я по-прежнему волновалась из-за его оценок, поэтому в то субботнее утро сказала Майлзу после завтрака, что если он планирует поехать в автокинотеатр с Брэндоном, то сначала ему придется пойти со мной в библиотеку на пару часов. Я хотела, чтобы он отвлекся немного от

своих видеоигр и решил несколько задач из новой рабочей тетради по математике, которую мы ему купили.

— Ладно, — буркнул он и всю дорогу пялился в телефон. Когда мы выходили из машины, он так шарахнул дверью, что я испугалась, что она слетит с петель.

— Я же просила тебя так не делать, — возмутилась я.

— Ты не имеешь права говорить мне, что делать, а что нет.

— Конечно имею.

— Ты мне не мать.

Его слова так больно ранили меня, что я чуть не задохнулась. Майлз был совсем младенцем, когда мы с Рэем познакомились на вечеринке в честь Дня независимости, которую устроил мой коллега, судебный патологоанатом из города Бетесда, штат Мэриленд. Я заблудилась, пока ехала на вечеринку, и, когда наконец добралась туда, места на заднем дворе остались только рядом с Шэрон из отдела кадров и рядом с Рэем и его малышом. Долго я не раздумывала. Как только я села, Майлз протянул ко мне свои маленькие пухлые ручки, и я взяла его. Я уже говорила, что Майлз мамин сын. Позже я узнала, что бывшая жена Рэя сразу

после родов решила, что ее не интересуют больше ни брак, ни материнство, лучше быть свободной птицей, поэтому подала на развод и переехала во Флориду. У нас с Рэем тоже были свои сложности, случались и трудные времена, особенно после того, как мы купили дом в Вашингтоне и некоторое время сидели на мели, но в том, что Майлз мой сын, я никогда не сомневалась. Он не был мне родным по крови, но все равно был мне сыном. Он улыбался в точности как я, перед тем как сделать победный ход на шахматной доске. Упорство, с каким он складывал пазлы, он тоже унаследовал от меня. Каждый день я замечала в нем что-то свое. Мы были крепко связаны друг с другом вот уже тринадцать лет, и наша связь была соткана из любви. И вот сейчас, стоя передо мной на тротуаре, он пытался разорвать ее. Я не понимала, почему он вдруг отрекается от меня и почему решил сделать это именно сейчас.

— Почему ты так говоришь? — прошептала я в отчаянии.

— Потому что это правда.

— Это неправда. Почему ты так разговариваешь со мной? Что случилось?

— Ничего.

— Что-то явно происходит. — Я прикоснулась

к его щеке и, когда он поднял на меня глаза, увидела, что в них стоят слезы. Бедный мой сынок. — Милый, расскажи, что случилось.

— Брэндон сказал, что мы не поедем в кино.

— Правда? Когда?

— Он просто написал мне.

— Может, у него поменялись планы. Почему ты так расстроился? Поедете на следующей неделе.

— Нет, он поедет с Сэмом.

— А кто это — Сэм? Тот парень с рыжими волосами?

Майлз пожал плечами и замолчал. Я подумала, не связано ли это с расовыми предрассудками, но мне казалось, что Майлз и Брэндон хорошо поладили. Ужасно видеть, как страдает твой ребенок. Я чувствовала себя беспомощной. Я ничего не могла сделать, чтобы облегчить его страдания. Не могла даже обнять его, потому что мы стояли около библиотеки и мои объятья только смутили бы его и разозлили бы еще больше.

— А знаешь что, — предложила я. — Давай ты сейчас позанимаешься математикой, а вечером папа отвезет тебя в автокинотеатр. Купите попкорн и мармеладных мишек, которых ты так любишь.

Майлз пожал плечами в ответ.

— Это значит «да»? Скажи «да», будет весело!

— Да, наверное.

Мы зашли в библиотеку и устроились между стариком в бейсболке, читавшим книгу из популярной серии «Оставленные позади»[44], и девочкой-подростком, которая изучала рекламные проспекты местного колледжа. Майлз начал решать задачи в рабочей тетради, а я достала ноутбук. О награде в 25 000 долларов, которую предложила Нора Геррауи, было объявлено тремя днями ранее в газете «Хай-Дезерт стар» и по радио, и еще я расклеила объявления везде, где только могла, включая автобусные остановки и продуктовые магазины. Но результата пока не было, только обычный белый шум, который возникает при любом объявлении о денежном вознаграждении. Я написала Васко очередное электронное письмо, в котором снова просила его позволить мне провести повторный опрос свидетелей. Наверняка кто-нибудь что-нибудь видел. Просто нужно найти этого человека.

К тому времени, как мы вышли из библиоте-

---

[44] Примечания: 44

«Left Behind» — цикл из 16 романов о конце света. Авторы Тим Лахэй и Джерри Б. Дженкинс. Книги имели феноменальный успех в Америке. Их можно назвать популяризацией Библии. Написаны они в модном сейчас жанре мистического триллера.

ки, был уже вечер и значительно похолодало. Когда погода так резко менялась, у меня всегда обострялся артрит локтевых суставов. Я застегнула куртку, чтобы защититься от ветра. Мне пришла в голову тревожная мысль: если разразится гроза, сеанс в автокинотеатре отменят. Я с беспокойством глянула в серое небо. Тут я и заметила камеры видеонаблюдения на карнизе здания библиотеки.

Нора

Детектив Коулман позвонила, когда я была в продуктовом «Стейтер бразерс». До сих пор помню каждую деталь этого момента. По громкоговорителю рекламировали сорт красного винограда без косточек, женщина баюкала младенца, укладывая в пакет апельсины сорта «Навел», двое пенсионеров спорили, сколько бананов им купить, а я выбирала финики «меджул». Финики этого сорта были сладкими, мягкими и местного производства. Их выращивали на пальмах, которые ботаник Министерства сельского хозяйства США в 1920-х годах привез из Марокко, из оазиса Будениб, в долину Коачелла. Деревья легко прижились в Калифорнии, и вскоре вокруг них развилась целая индустрия. Теперь можно зайти в любой супермаркет в США и купить финики, которые раньше росли только в тени Атласских гор. Я положила две коробки в тележку для покупок и покатила ее к отделу, где продавалась зелень, но тут зазвонил мобильник.

Я бросила тележку, полную продуктов, в магазине. Через десять минут подъехала к ро-

дительскому дому и забрала маму. Я ехала к полицейскому участку по 62-му шоссе, лучи полуденного солнца превращали дорогу передо мной в коллаж в стиле Дэвида Хокни. В небе гудел вертолет, летевший в сторону базы морской пехоты.

— Ты едешь слишком быстро, — сказала мама, потянувшись к ручке над окном.

Только тогда я заметила, как побелели костяшки пальцев — так сильно я вцепилась в руль. Я убрала ногу с педали газа. Мы проехали мимо нескольких мотелей и фастфуда, мимо высокого подъемного крана, на котором работал человек в форме, оставили позади модные бутики и рестораны здорового питания. Из подобных заведений и состоял городок Джошуа-Три. Полицейский участок находился всего в нескольких километрах за Парк-бульвар, в оранжево-белом здании рядом со зданием суда.

Детектив Коулман провела нас через офис, где в разгороженном перегородками помещении сидели помощники шерифа, одни в форме, другие в штатском. Где-то печатал принтер, звонил телефон, слышен был гул голосов — обычная рабочая атмосфера утром во вторник. И все равно, по рукам и по спине у меня побежали мурашки, будто я оказалась в каком-то незнакомом или

опасном месте. Мы зашли в маленькую комнату, штора на окне висела криво, и на мебель косо падал солнечный свет. Вокруг стола, на котором виднелись следы от чашек и стаканов, стояли четыре стула.

— Хотите кофе? Или, может быть, воды? — спросила детектив.

— Нет, спасибо, — ответила я.

— Воды, — попросила мама.

Да боже мой, мы же не в гости пришли. Я удержалась и ничего не сказала, мне хотелось, чтобы мы поскорей перешли к делу. Детектив Коулман вышла и вернулась через минуту с чашкой воды.

— Пожалуйста, — не выдержала я, — скажите нам, кто это.

Коулман положила на стол папку с документами и села.

— За рулем автомобиля, который сбил вашего отца, был Андерсон Бейкер. Он дал нам подробные показания и сдал ключи от машины. Это серебристый «форд-краун-виктория», модель девяносто второго года.

— Андерсон Бейкер, владелец боулинга?

— Да.

Я повернулась к маме, которая откинулась на спинку стула и прикрыла рот рукой. Когда она

снова заговорила, ее голос звучал отрывисто и недовольно. Она расстраивалась, что у нее сильный акцент, и в минуты волнений он становился еще сильней.

— Этот человек постоянно создавал проблемы. Он говорил, что наши клиенты заняли все парковочные места и не осталось места для его клиентов. Муж покупал такие таблички… с надписями…

— Парковочные знаки, — подсказала я.

— Да. Но туристы из Джошуа-Три не обращают на них внимания. Просто паркуются, где им удобно. Поэтому Бейкер злился.

О проблемах с Бейкером я знала только в самых общих чертах. Одна из вещей, от которых я с облегчением освободилась, уехав в восемнадцать лет из дома, — это необходимость слушать разговоры о семейном бизнесе: о рабочем графике, о заказанных продуктах, о задержках с доставкой, о вывозе мусора и ремонте канализации. Когда мы болтали с папой по телефону, я никогда не спрашивала его о ресторане, а если он и рассказывал мне что-то о нем, то только в том случае, если хотел поделиться какой-то своей новой оригинальной идеей. Вроде парковочных знаков, например. На стоянке было двадцать три места,

тринадцать мест принадлежали закусочной, а десять — боулингу. Парковочные знаки должны были четко указывать на то, какие места кому принадлежат, но, видимо, план не сработал. Я повернулась к Коулман.

— Мама хочет сказать, что это предумышленное убийство.

— Я понимаю, что она хочет сказать, — спокойно ответила Коулман и открыла лежавшую на столе папку с документами. — В своих показаниях мистер Бейкер утверждает, что в ту ночь было очень темно и что на перекрестке Шестьдесят второго шоссе и Чемеуэви-Уэй нет светофора. Он сказал, что не знал, что сбил вашего отца, пока не прочитал об этом в газете.

— А кого он думал, что сбил?

— Койота.

— Но он бросил отца умирать на шоссе! — возмутилась я. — Если это был несчастный случай, — я говорила все громче, — почему он сразу не сдался полиции? Почему он ждал, пока вы его найдете?

— Он сказал, что боялся, что у него отберут права. Он живет довольно далеко, и ему нужна машина, чтобы добираться до места работы.

— Какая чушь!

Я не могла понять, верит ли Коулман вранью Бейкера, она никак на это не намекнула, а ее лицо сохраняло невозмутимое спокойствие, спокойствие опытного следователя. Через мгновенье я спросила:

— Какие ему предъявят обвинения?

— Это решение принимает окружной прокурор.

— Хорошо. Но хотя бы приблизительно скажите.

— Его обвинят в том, что он скрылся с места аварии.

— И все? Он убил моего отца! — беспомощно прохрипела я.

Мне показалось вдруг, что прошлое, которое я оставила позади много лет назад, внезапно навалилось на меня всей тяжестью и вот-вот задушит.

— Я училась в одном классе с сыном Бейкера, — вспомнила я. — Его звали Андерсон Джуниор, младший. Все называли его Эй-Джей. Противный мальчишка. Однажды он написал «чурка» на двери моего шкафчика.

Мама повернулась ко мне.

— Когда?

— В старших классах.

— Ты мне не говорила.

— А что бы ты сделала, если бы я сказала?

Коулман заерзала на стуле. Ногтем большого пальца она почесала шрам на брови. Шрам был старым, но местами еще проглядывала розовая кожа.

— Простите, — сказала она каким-то другим голосом, — но, к сожалению, то, что случилось с вами в школе, напрямую к этому делу не относится.

— А что *относится*? Может быть, тот факт, что Бейкер постоянно ругался с моим отцом?

— И давно это началось? — спросила Коулман.

Я предоставила ответить на этот вопрос маме. Честно признаться, у нас с Бейкером не всегда были плохие отношения, как выразилась Коулман. Когда-то мы неплохо ладили. В 2002 году, когда папа только купил закусочную, я пошла с ним в боулинг, чтобы познакомиться с Андерсоном Бейкером. Только начало смеркаться, но половина боулинговых дорожек уже была занята, и продолжали подтягиваться новые посетители. Бейкер разговаривал с кассиром, но обернулся, когда мы вошли, улыбнулся и пожал папе руку. Он держался приветливо. Сдержанно, но приветливо. Поначалу они даже строили планы

доставки заказов из ресторана в боулинг, но эти планы так и не осуществились. Оба заведения работали независимо друг от друга. Все изменилось несколько лет спустя.

— С тех пор, как мы расширились, — тихо объяснила мама.

— Вот что произошло, — решила пояснить я. — Из «Лос-Анджелес мэгэзин» приехала журналистка, она работала над статьей о Джошуа-Три и решила написать о нашем ресторанчике. В статье была фотография отца, наливающего кофе посетителю, и ресторан быстро стал популярным среди туристов. В результате отец купил еще маленькую химчистку по соседству и три парковочных места. Мне кажется, именно после этого начались проблемы с Бейкером. Верно, мам? После того, как бизнес пошел в гору.

— Хорошо, — сказала Коулман, — я изучу этот вопрос. Но хочу еще заметить, что мистер Бейкер не пытался заделать вмятину на машине, что подтверждает предположение, что это был просто несчастный случай.

— Это был не несчастный случай. Вы же слышали, что сказала мама!

— Я изучу этот вопрос, — повторила Коулман, закрывая папку с документами.

— Кто-нибудь из свидетелей отозвался на объявление?

— К сожалению, нет.

— Можно спросить у вас кое-что по поводу расследования?

— Конечно.

— Как вы поняли, что это Бейкер?

— Я говорила вам, что у меня есть сын?

— Да, его зовут Майлз. Верно?

— Верно. В субботу я пошла с ним в библиотеку, помогала ему с домашним заданием по математике и заметила камеры видеонаблюдения. Авария произошла на перекрестке между Шестьдесят вторым шоссе и Чемеуэви, но расположение тела указывает на то, что водитель повернул налево. Если он это сделал, то потом мог свернуть направо на Мартинес-Трэйл, которая идет параллельно шоссе. Так быстрее, и многие там срезают. И эта дорога находится под камерами видеонаблюдения библиотеки. В промежуток между девятью тридцатью и десятью тридцатью вечера по этой дороге проехало всего двадцать восемь машин, и только три из них были серебристыми «фордами». Мы проверили все три.

— То есть он не попал бы на камеры видеонаблюдения, если бы поехал другой дорогой?

— Но он выбрал именно этот путь, — сказала Коулман. — И теперь у нас есть признание.

— Понятно, — сказала я. — Большое спасибо, детектив Коулман. Спасибо вам.

Вслед за мамой я вышла из полицейского участка. Мы молчали. Я пыталась понять, что чувствую теперь, после того как личность водителя установлена, но не могла. Я не чувствовала облегчения, хотя и облегчение в этом чувстве было. Мне не казалось, что ответ найден, хотя и ощущение какого-то ответа я переживала. Новое чувство было похоже на новую боль. Полуденное солнце палило с такой силой, что от тротуара поднимался пар. Я позвонила сестре, чтобы рассказать ей о том, что мы только что узнали, но она не ответила на звонок. Тогда я оставила ей голосовое сообщение, попросила перезвонить, потому что появились кое-какие новости.

Пока я везла маму домой, я вспоминала все, что детектив сказала об убийстве. По-другому я и не могла об этом думать. Это было убийство. Я с самого начала этого боялась. И вдруг поняла, что не уехала после похорон не потому, что туман горя мешал мне двигаться дальше, а потому, что предчувствовала, что отец был хладнокровно убит.

— Красный свет, — предупредила мама. — Тор-

мози.

— Извини, — сказала я и резко затормозила. Я снова повернулась к маме. — Скажи, были с Бейкером какие-то новые проблемы?

— Что ты имеешь в виду?

— Может, что-нибудь произошло, что подтолкнуло Бейкера на убийство? Они ведь давно ругались, с тех пор как папа расширился. Так зачем нападать на отца именно сейчас?

Мама ненадолго задумалась.

— Была одна история с «лендровером».

— Какая история?

— Зеленый.

Историю не сразу удалось восстановить целиком, пришлось вспоминать отдельные детали, чтобы все в конце концов встало на свои места. После этого я свернула на подъездную дорожку к дому родителей. Дом моего детства. Маленькая веранда, разросшийся куст шалфея и москитная сетка, которая не вписывалась в дверной проем. Впервые после того, как узнала о смерти отца, я снова начала соображать. Бесцельная ярость, одолевавшая меня с тех пор, как я в восемнадцать лет уехала из города, обрела цель: я добьюсь, чтобы Андерсон Бейкер предстал перед судом за убийство. Только я пока не придумала, как это

сделать.

Дрисс

Помню, что смотрителям парка пришлось вывесить на шоссе предупреждающий знак, что все места для кемпинга в Джошуа-Три забронированы. Городок наводнили туристы, велосипедисты, семьи из Лос-Анджелеса и Сан-Диего, которым хотелось провести праздник в честь Президентского дня на природе, вне большого города. В ту зиму дела шли довольно вяло, поэтому я очень обрадовался, увидев перед рестораном очередь. В ресторан вошла молодая женщина в блузке в стиле бохо и спросила, можно ли заказать коктейль «Мимоза», пока они ждут. Не в первый раз я задумался о том, что стоит получить лицензию на продажу алкоголя, чтобы привлекать и такую публику, которая в последнее время все чаще приезжает в Мохаве. Я работал на кассе, когда ворвался Андерсон Бейкер.

— Чей там «лендровер дефендер»? — выкрикнул он. — Он стоит на моем парковочном месте.

— Минутку, — сказал я. Я отсчитывал сдачу пожилой паре, это были постоянные клиенты, они всегда приходили в закусочную после церкви.

Невозможно говорить и считать деньги одновременно, Бейкер сбил меня, пришлось положить купюры обратно в кассу и начать все сначала.

— Он занял сразу два парковочных места. Два места!

Он показал мне два пальца, как будто я на словах не мог понять, что значит цифра два.

— Минутку, — повторил я. Я отсчитал сдачу и протянул деньги пожилой паре, потом бедром задвинул ящик кассы. — Спасибо.

Пара отошла в сторону, и Бейкер занял их место.

— Чей это «лендровер»?

Я вытянул шею, чтобы посмотреть через его плечо на парковку. С того места, где я стоял, были видны только старый пыльный «бьюик» и синий грузовик, обклеенный разноцветными стикерами. Место на парковке в углу было еще свободно, да и боулинг заполнялся людьми только после обеда. Но прежде, чем я успел что-то сказать, Бейкер рявкнул:

— Ну? Что ты застыл? Разберись!

Я не мог понять, что его так разозлило. Конечно, у нас бывали разногласия и раньше, но они случались по существенным поводам. Например, из-за шума во время ремонта, который я делал

некоторое время назад, или из-за запаха из канализационной трубы, которую прорвало под туалетами в его боулинге. И теперь он так сильно расстроился из-за какого-то места на парковке. Он уставился на меня, весь покрасневший от бешенства, и ждал, что я решу проблему, которую не создавал.

— Хорошо, — сказал я, чтобы как-то успокоить его. — Сейчас разберусь.

Я взял кувшин с водой и подошел к первому столику, за которым сидела семья из четырех человек. Их походная одежда пахла дымом от костра. Я долил им воды, поинтересовался, понравились ли им куриные стейки и не их ли «лендровер» припаркован снаружи. Потом я перешел к следующему столику. Но Бейкер не мог ждать, он протиснулся мимо меня в середину закусочной, перегородил собой центральный проход и прогудел голосом радиодиктора:

— «Лендровер дефендер»! Цвета серой оружейной стали! Уберите сейчас же, или вызову эвакуатор.

Тишина воцарилась в ресторане. Все удивленно повернули головы в сторону Бейкера, но никто не признался в том, что он владелец «лендровера». Бейкер выбежал, а я остался извиняться перед

посетителями, принес цветные мелки детям, наполнил хлебницы взрослым.

Наши с Бейкером отношения и без того были непростыми, но этот утренний инцидент окончательно их испортил. Теперь мне приходилось быть вдвойне внимательным: следить, правильными ли парковочными местами пользуются мои клиенты, как долго грузовик, доставляющий прохладительные напитки, стоит на парковке на холостом ходу, не курит ли повар рядом с мусорным контейнером. У меня возникло ощущение, что за мной постоянно наблюдают и малейшая ошибка с моей стороны вызовет новый взрыв гнева. Как я мог угодить такому соседу? Он постоянно искал, в чем бы обвинить меня, а повод всегда найдется.

Это все было так неприятно, что я решил просто об этом не думать. Возможно, не стоило придавать особого значения истории с «лендровером». В конце концов, мы ведь с Бейкером старые соседи, и, когда три года назад жуткий шторм разбросал мусор и обломки по всей улице, мы вместе их собирали. Это просто сложный период. К тому же Бейкеру было довольно много лет, а значит, рано или поздно ему придется уйти на пенсию. Нужно не забывать об этом и надеяться

на перемены. «Наберись терпения, — говорил я себе, — наберись терпения. Все наладится».

Нора

Слушание по поводу официальных обвинений против Андерсона Бейкера должно было состояться ясным майским утром, когда воздух был еще свеж после недавней грозы, а горы вдалеке напоминали гравюру на дереве. Я приехала на слушание в суд, полная лихорадочного возбуждения, которое только усилилось, когда после прохода через металлоискатель меня отвели в сторону, чтобы обыскать. Это происходило каждый раз уже много лет. Неважно, где я оказывалась: в международном аэропорту Сан-Франциско или на спортивной арене в округе Керн, меня всегда отводили в сторону, чтобы дополнительно обыскать. Местный суд не стал исключением. Мама уже прошла эту процедуру и ждала меня на другой стороне.

— Где Сальма? — спросила я ее, когда мы обнялись.

— В клинике.

— Но это ведь так важно. Она не может перенести прием на другое время?

— Не знаю.

— Позвони ей. Сейчас только половина десятого. Если она сразу выйдет, то еще успеет к началу.

Мама заколебалась. Она очень расстроилась из-за нашей ссоры с сестрой на школьном спектакле и, похоже, боялась, что мы и в суде устроим перебранку. Она ничего мне не ответила, а перевела взгляд на экран на стене со списком назначенных к рассмотрению дел.

— Вот, — прочла она, — Бейкер. Зал судебных заседаний М-2.

Когда мы вошли, свободных мест почти не осталось, только на скамьях в последнем ряду. Я подумала, что скамьи в зале суда выглядят странно. Они придавали галерее аристократический вид, но впечатление портил белый сетчатый потолок, который уместней смотрелся бы в торговом складе. В этом ярко освещенном зале без окон стояла жутковатая тишина, несмотря на то что он был полон адвокатов, судебных приставов и зрителей. Судья за столом перебирал бумаги и ждал, когда выведут одного подсудимого и приведут другого.

Старик рядом со мной резко поднял голову, когда мальчика в серой футболке вызвали по обвинению в хранении наркотиков. Мальчик

шагнул вперед. Он стоял сгорбившись, с белыми тощими руками, висевшими по бокам, и смотрел вокруг растерянно и испуганно. Ему зачитали обвинения и назначили залог в размере 5000 долларов. Такими было большинство дел в то утро. Травка. Метамфетамин. Иногда героин. Бесконечная война с наркотиками. Я не могла избавиться от ощущения, что убийство отца затеряется под грудой дел, которые явно должны рассматриваться в каком-то другом суде.

Было уже одиннадцать с чем-то, когда Андерсона Бейкера привели наконец в зал суда. Он был таким высоким, метр восемьдесят, что я без труда разглядела его с заднего ряда. В белой льняной рубашке и бежевых брюках он выглядел так, словно провел ночь на свадьбе в Палм-Спрингс и только вернулся, полный сил и довольный жизнью. Он обернулся и оглядел зал, его взгляд остановился на женщине, сидевшей в первом ряду. Миссис Бейкер. Высокая, худощавая, вся будто из острых углов. На коленях у нее спала девочка лет трех-четырех с копной светлых кудряшек. Наверное, внучка. Рядом с миссис Бейкер сидел Эй-Джей, ее сын. Звезда команды по борьбе, популярный парень из моей школы, злобный хулиган. Я вспомнила, что он поступил в какой-то колледж

в Ориндже и там и жил. А теперь приехал в суд морально поддержать отца. С другой стороны от Эй-Джея сидела молодая брюнетка, наверное его жена, а в ряду позади нее — двое мужчин средних лет, в которых я узнала рабочих, обслуживающих боулинг.

И тут я поняла, как плохо подготовилась к этому дню в суде. Мне даже в голову не пришло рассказать кому-нибудь из служащих отцовского ресторана о сегодняшнем слушании и спросить, не хотят ли они пойти с нами в суд. Я снова разозлилась на сестру из-за того, что та не отменила утренний прием в клинике. Возможно, она хотела таким образом сказать мне: «Разбирайся сама. С меня хватит». Ясно, что она все еще злится из-за денег, которые отец мне оставил, но она выбрала самый болезненный для меня и самый пагубный для дела способ выразить это. Кто вообще будет заниматься делом какого-то старика, если на слушании присутствуют только его жена и дочь? И разве кто-нибудь поверит, что Бейкер способен на преднамеренное убийство, если все его друзья и семья — маленькая кудрявая внучка и симпатичная брюнетка — пришли поддержать его?

Бейкер повернулся к судье, когда ему зачитывали обвинение: «Наезд на пешехода, повлекший

за собой телесные повреждения или смерть».

— У вас есть адвокат, мистер Бейкер? — спросил судья.

— Кэролайн Перри, ваша честь.

— Мистер Бейкер, вы признаете себя виновным?

— Не признаю.

Я где-то читала, что подсудимые при предъявлении обвинения обычно не признают себя виновными, так что в ответе Бейкера не было ничего особенного, но меня тревожило, что присутствие в зале суда такого количества людей, его поддерживающих, придаст этим словам дополнительную убедительность. Судья подпер подбородок ладонью и ждал, что скажет адвокат.

— Ваша честь, — начала Кэролайн Перри, — у моего клиента нет судимостей.

Она с такой легкостью обращалась к судье, будто они были дружны или вели раньше дела вместе. В нескольких словах она описала человека, стоявшего рядом с ней, нарисовала лестный портрет: Андерсон Бейкер — бизнесмен, он прочно связан с местным сообществом; он уроженец Мохаве, и вся его семья живет здесь; ему семьдесят восемь лет, сорок пять лет из которых он прожил здесь, в собственном доме; и еще он вете-

ран войны во Вьетнаме.

— Ваша честь, это очень прискорбное происшествие, но по всем уликам видно, что мой клиент считал, что сбил дикое животное, он не понял, что сбил человека. Это трагическая ошибка, но не преступление.

Значит, так же она будет выступать на суде? Присяжным предстояло выслушать две версии того, что произошло ночью 28 апреля. Одну версию им изложит прокурор, а другую — адвокат. И совершенно не имеет значение, какая из версий правдивая, важно лишь то, какая из них покажется присяжным более убедительной. И уже теперь было видно, что адвокат Бейкера — очень хорошая рассказчица. Она не могла отменить признания Бейкера или отрицать неопровержимые вещественные доказательства: тяжесть травм отца, кусочки краски, обнаруженные криминалистами на его одежде, вмятину на машине. Поэтому она решила выбрать другой путь: Бейкер *не понял*, что убил человека.

Но сколько весит койот? Килограмм пятнадцать. Как мог Андерсон Бейкер спутать удар о машину маленького животного с ударом тела человека весом под восемьдесят килограмм? Это казалось мне настолько очевидным и простым,

что я с трудом удержалась, чтобы не выкрикнуть что-нибудь с места. Но я промолчала и стала ждать, что скажет прокурор.

Помощником окружного прокурора оказался невысокий полный мужчина по имени Томас Джей Фрейзер (Джей означало «Джефферсон»). На вид ему было чуть за тридцать, и либо он был новичком, либо слишком перегружен работой, потому что несколько мучительных минут копался бумагах, прежде чем наконец обратиться к судье.

— Ваша честь, учитывая возраст обвиняемого, прокурор не возражает против его освобождения под залог.

— Хорошо. Залог устанавливается в размере десяти тысяч долларов.

В растерянности я повернулась к маме.

— Мам, думаю, это все. Они закончили.

— Что значит «закончили»?

— Значит, он может внести залог и выйти на свободу еще до ужина.

— Его выпустят?

Выпустят, точно. Я закрыла лицо руками. Может быть, если бы я лучше объяснила Коулмен и окружному прокурору, какую страшную угрозу представлял Андерсон Бейкер для моего отца,

они бы выдвинули против него более серьезное обвинение. Или если бы Сальма приехала сегодня и привезла бы с собой близнецов, результат слушания о залоге мог оказаться другим. Я чувствовала, что подвела отца каким-то образом. О нем даже не упомянули в ходе разбирательства, все внимание было сфокусировано на Бейкере: на службе Бейкера, на семье Бейкера, вот и сработала презумпция невиновности. А если в ночь на 28 апреля роли распределились бы иначе и именно Мохаммед Дрисс Геррауи убил бы человека, с которым до этого конфликтовал много лет, разве ему предъявили бы обвинение всего лишь в наезде и попытке скрыться с места аварии? Согласился бы так легко окружной прокурор на освобождение под залог? Я выросла в этом городе и давно усвоила правило: если человека звали Мохаммед, его жестокость редко подвергалась сомнению, а вот его человечность надо было еще доказать.

— Пойдем отсюда, — сказала мама.

Вокруг нас сновали люди, кто-то садился, кто-то вставал со скамей. В каком-то оцепенении я прошла вслед за мамой в распахнутую дверь. Несмотря на кондиционер, в зале было жарко. В коридоре я сразу оказалась в шумной, мно-

голюдной толпе; я отступила в сторону, чтобы пропустить кого-то в зал суда, и столкнулась лицом к лицу с Эй-Джеем. За десять лет, прошедших со времен школы, он совершенно не изменился: такой же высокий и светловолосый, только лицо стало шире и полней. В черном костюме с иголочки и красном галстуке он мог бы сойти за бизнесмена, которого вызвали в суд из-за мелкого правонарушения правил дорожного движения или условий разрешения на охоту. Это впечатление портили его мать со спящей малышкой на руках и молодая женщина, которая рылась в сумочке.

— Эй-Джей, милый, — сказала она, — я не могу найти ключи.

Но Эй-Джей не слышал ее, он смотрел на меня. Он отошел от них и пересек коридор.

— Нора, — окликнул он.

Джереми

— И что ты ему сказала? — спросил я.

Облокотившись на столешницу, я смотрел, как Нора помешивает рагу в кастрюле. При каждом повороте деревянной ложки три серебряных браслета позвякивали на ее запястье. Она была в той же одежде, в которой ходила сегодня утром в суд: белая блузка и серые брюки. Волосы собраны в пучок на затылке. Совершенно другой образ. Такая официальная. Даже строгая. Я хотел отвезти ее куда-нибудь поужинать, но она сказала, что у нее нет настроения, и предложила мне поужинать у нее в домике.

— Ничего, — ответила Нора, — я просто стояла и таращилась на него, как идиотка. Я буквально окаменела. Помнишь, каким был Эй-Джей?

И она рассказала, как он нарисовал синим маркером грубое слово на ее шкафчике. Директор заставил его смыть ругательство и извиниться, но от занятий не отстранил: в те выходные школьная команда участвовала в соревнованиях по борьбе.

Странно, что я совершенно не помнил этого

происшествия; это случилось в тот год, когда умерла мама, и все, что тогда происходило в школе, слилось для меня в одно мутное пятно. Воспоминания о Норе сохранились из более позднего времени. Такие маленькие бриллианты, которые я прятал в тайной шкатулке: вот чуть задирается ее юбка, когда она садится за пианино на уроке музыки; вот она хохочет, запрокинув голову, вместе с Соней в кафе-мороженом; вот она стоит рядом со мной под зонтиком: волосы рассыпались по моей руке, мы ждем автобус, который отвезет нас на экскурсию в Биг-Бэр-Лейк.

— Он пропустил букву, — сказала Нора. — Даже не сумел правильно написать слово «чурка».

Это слово в Ираке я слышал почти каждый день. Черт, да я и сам его употреблял. За столом во время еды такие разговоры были обычным делом. Черный. Дух. Али-баба. Парень из моего взвода называл иракцев просто обезьянами и дикарями. Раньше я думал, если вообще думал об этом, что такое отношение — это одно из правил войны: мы должны расчеловечить врага, чтобы сражаться против него. Но теперь, когда я слушал ее рассказ, мне вдруг стало невероятно стыдно, и одновременно с этим во мне вспыхнул внутренний бунт. Нет, это не то же самое, я был уверен,

что не похож на Эй-Джея.

— Жаль, что такое с тобой случилось, — сказал я, коснувшись царапины у нее на локте — след от нашей ночной прогулки.

— Помню, у нас были уроки по личной гигиене, — рассказывала Нора. — Учительница говорила о бородавках на гениталиях. И Эй-Джей вдруг сказал: «У моей мамы они появляются постоянно». Я просто охренела и повернулась к нему. Он показывал на уголок своего рта. «Вот тут», — сказал он. Я расхохоталась, не смогла удержаться. Я сказала: «Это не гениталии». После этого он возненавидел меня еще больше. А потом, через несколько дней после одиннадцатого сентября, он расписал мой шкафчик.

Неожиданно всплыло воспоминание.

— Меня он называл Джабба, — сказал я.

— Джабба?

— Джабба Хатт. Я был тогда толстым.

Даже теперь, много лет спустя, меня больно ранило это воспоминание. Я будто снова услышал голос Эй-Джея у себя за спиной на уроке алгебры. «Хо-хо-хо-хо, Джабба, Джабба».

— Как это гадко, — сказала Нора. Она выключила плиту и выложила на тарелку мясо, картофель и морковь.

— А ты есть не будешь?

— Я уже поела. Больше не хочу. — Она аккуратно полила мясо томатным соусом и поставила тарелку передо мной.

— Посидишь со мной?

Нора села напротив и смотрела, как я ем. У соуса был одновременно и знакомый, и необычный вкус. Я уловил в нем вкус паприки, а также тмина, петрушки и кинзы. Нежное мясо легко отделялось от костей.

— Потрясающе вкусно, — сказал я. — Отлично готовишь.

— Мне нравится твой оптимизм.

— Правда? — Я повернул ее руку и поцеловал ладонь.

— Это не я приготовила, — улыбнулась Нора. — Я не умею готовить. Во всяком случае, ничего такого сложного приготовить не могу. Это мама. Я пообедала с ней после слушания, и она дала мне еще еды с собой.

— Все равно очень вкусно.

Она взяла мою вилку и попробовала рагу.

— Потрясающе. Это ей надо было открыть ресторан, а не папе. — Она вернула мне вилку, подперла подбородок рукой и снова заговорила о судебном заседании. — До сих пор не могу по-

верить. Я просто онемела, а Эй-Джей все говорил, как он мне соболезнует и как ужасно, что произошел такой трагический несчастный случай. Так и сказал: «трагический»! А потом он протянул мне руку, и я пожала ее. Как ни в чем не бывало. Как будто он пришел в суд не для того, чтобы заплатить залог за своего отца. — Ее черные глаза смотрели пронзительно и вопрошающе. С этой прической — волосами, собранными в тугой пучок, — она вполне могла сойти за прокурора или адвоката. — А тем временем его папаша пытается представить все так, будто все это случайность. Вот так вот он случайно сбил человека, с которым враждовал много лет.

— Ты правда думаешь, что это убийство?

— Не сомневаюсь ни минуты. Нутром чую. А теперь его выпустили под залог. Он на свободе и может сделать это снова.

Образ Фиерро в Уэст-Вэлли внезапно всплыл в моей памяти. Он так спешил выйти из тюрьмы, что даже не пожал мне руки, прежде чем пройти сквозь двойные двери. Мне стало вдруг неуютно и нехорошо. Я вытер рот салфеткой.

— Но насчет Коулман ты был прав. Она — хороший коп.

Я быстро кивнул и понес тарелку к раковине,

чтобы вымыть ее. Пока я ее вытирал, я разглядывал в окно задний двор. Шла третья неделя мая; дни становились длиннее. В кустах юкки под окном опьяневшие от нектара шмели упивались новыми цветами.

— Хочешь, прогуляемся? — спросил я.

— Конечно. Я только переоденусь сначала.

Вернулась она в синем сарафане и босоножках на плоской подошве. Все украшения исчезли, кроме ожерелья, которое подарил ей отец. Я подумал, что такой стиль подходит ей больше всего, и взял ее за руку. Мы прошли пару километров от домика до главной дороги. На рынке, на углу, мы купили свежего винограда и съели его на обратном пути. Прогуливавшийся с собакой пожилой мужчина коснулся полей шляпы в знак приветствия, когда проходил мимо. По другой стороне дороги, поднимая клубы пыли, пробежали два бегуна.

Уже стемнело, когда мы вернулись в домик. Стрекотали сверчки. В бледном свете фонаря, на крыльце, горлица кормила птенцов. Мы наблюдали, как она кладет семена в один голодный распахнутый клювик, в то время как другой распахнутый клювик требует свою долю. В подвесных колокольчиках на карнизе отражался

лунный свет. Я поцеловал Нору в шею и одну за другой вынул шпильки из ее прически, и ее волосы рассыпались по плечам.

На следующее утро я проснулся поздно — так поздно, что целую минуту не мог понять, где нахожусь. Потом увидел Нору, свернувшуюся рядом со мной калачиком, и снова закрыл глаза. Была пятница, у меня это выходной. Обычно в этот день я хожу в спортзал, стираю, доделываю какие-то дела, но сегодня я лежал рядом с ней на смятых простынях, все еще пахнущих сексом, и ждал, когда она шевельнется и проснется. На кухне я включил кофеварку и выбрал кружку, на которой большими желтыми буквами было написано «Библиотека Юкка-Вэлли». У меня дома когда-то были такие кружки; мама купила несколько на благотворительном вечере.

— Доброе утро, — сказала Нора. Она подошла к испарительному охладителю и повернула индикатор так, чтобы он сильней охлаждал. — Так душно уже с самого утра, невероятно просто.

Я налил кофе, добавил в него капельку молока и подал Норе, потом достал из буфета еще одну кружку.

— Не так уж и жарко, — сказал я. — Просто в твоем охладителе воздуха нужно поменять

фильтры.

Я отхлебнул из кружки и посмотрел на нее. В желтой майке и черных трусах она потягивалась, старалась сдержать зевок. Мне до сих пор казалось нереальным то, что мы вместе. Это было как мечта детства, которая вдруг сбылась. Произошло нечто, что нарушало обычный порядок вещей.

— Хочешь, я поменяю фильтры? — спросил я через минуту.

— Да плюнь, это ерунда.

— Это просто, их можно поменять за полчаса.

— Наверняка тебе есть чем заняться.

— Мне правда не сложно.

Пока она принимала душ, я съездил в магазин за новыми фильтрами. Несложная работа, я много раз это делал. Но с этим испарительным охладителем пришлось немного повозиться, потому что горлица свила на нем гнездо. Пока я менял фильтры, она — или он — беспокойно кружила вокруг. Я отвинтил панели и вытащил фильтры, забитые пылью, песком и цветочной пыльцой. Металлические скобы, прижимающие фильтры, были старыми и ржавыми, но мне удалось с ними справиться. Солнце уже жарило вовсю, и я чувствовал, как по спине сбегают капельки пота. Я почистил поддоны для фильтров

щеткой, оставив на земле грязный след, потом вставил новые фильтры, и скобы защелкнулись.

Я крикнул Норе включить охладитель воздуха и с радостью услышал рев моторчика. Старые фильтры я выбросил в мусорный бак и вернулся в дом. Нора стояла напротив вентиляционного отверстия, закрыв глаза и широко раскинув руки. Она наслаждалась прохладным воздухом.

— Так и буду тут стоять теперь, — сказала она.

Ее волосы разметались по плечам, именно так, как мне нравилось, а под белой рубашкой просвечивали коричневые твердые соски. Я сделал три шага и притянул ее к себе все еще грязными после работы руками.

Эй-Джей

Когда управляешь боулингом, нужно уметь заботиться о двух вещах: о механической части — пинсеттерах, механизмах для удаления кеглей с дорожки и возврата шаров, — и о части, которая связана с людьми. Самое сложное — это уметь работать с людьми. Я говорю не о персонале. В нашем боулинге хорошие работники, и даже есть один парень, который работает у нас с 1970-х годов, с тех пор как отец начал бизнес. Я говорю о клиентах: о родителях, которые позволяют своим детям бродить по дорожкам, об идиотах, которые бросают второй шар, когда первый еще не вернулся, об игроках, которые закатывают истерику, когда результат игры их не устраивает. Честно признаюсь, сложно не терять самообладания с такими клиентами, продолжать улыбаться и быть вежливым. Но я должен помогать отцу, которому уже семьдесят восемь лет, — в одиночку ему с бизнесом не справиться.

И мать и отец у меня старые. На самом деле, к тому моменту, когда я родился, они уже перестали пытаться завести ребенка. Матери было сорок

четыре, когда она родила меня, а отцу — сорок девять. Они считали это чудом, что Бог услышал их молитвы после стольких лет. Но за каждое чудо надо платить, и вот какой жизненный урок я усвоил: платят не всегда те, кто просил чуда. Когда я был маленький, в парках и продуктовых магазинах люди часто говорили моему отцу, какой милый у него внук.

— Какие чудесные белокурые кудряшки! — восхищались они.

Папа каждый раз их поправлял.

— Это мой сын, — объяснял он.

В какой-то момент ему это надоело. Он больше не брал меня за руку, когда мы выходили из дома, желая таким образом избежать вопросов и комментариев со стороны совершенно незнакомых людей. Так ему было проще, наверное. Ему, но не мне.

А вот маму, наоборот, никогда не волновало, что думают другие. Она не дружила с другими женщинами из родительского комитета, поскольку те были младше, но все равно работала волонтером в школьной столовой во время обеда и каждый год помогала организовывать карнавал на Хеллоуин. Мы много времени проводили вместе, особенно по выходным, когда отец был

в боулинге. Он работал по четырнадцать часов в день. От мамы я унаследовал любовь к собакам. У нее всегда были собаки, иногда по четыре или пять одновременно, длинношерстные колли соболино-белого окраса. Это фантастическая порода. Они умные, хорошо дрессируются и очень преданные. Когда я учился в средней школе, мама начала их разводить и возить на собачьи выставки по всей Калифорнии. Мы с ней проезжали сотни километров, чтобы поучаствовать в соревновании собак, и таким образом я побывал во многих частях штата.

Если вам кажется, что оттого, что я столько времени проводил с мамой, мне было легче общаться с девочками, то вы ошибаетесь. Мама была старой, некрасивой и покладистой, а девчонки в школе — юными, симпатичными и постоянно искали приключений. Всякий раз, когда я пытался впечатлить их, это приводило к обратному эффекту. Они закатывали глаза и смеялись. А знаете, каково это, когда девчонка над тобой смеется? Каждый раз, когда такое случалось, я пытался придумать, что бы такого умного ответить, но делал только хуже. И мне очень не нравилось, что все зовут меня Эй-Джеем. Это было не мое имя, а просто прозвище, которым

меня наградила учительница в первом классе, и почему-то это прозвище прижилось даже в моей семье. Все свободное время я проводил с собаками. С ними было проще, чем с людьми.

Все изменилось в старших классах. Я всегда был худощавым, но при этом довольно сильным и гибким, и во время отбора тренер Джонсон заметил у меня какие-то способности. Природный талант, можно сказать. Он включил меня в команду по борьбе. Команда состояла из пятнадцати человек в пяти весовых категориях и уже выигрывала второе место на окружных соревнованиях еще до того, как я к ней присоединился. В борьбе мне больше всего нравилась простота. Не нужно было учиться бить по мячу или обращаться с ракеткой, в этом спорте нет сложных правил, а победа не зависит от игры партнера. Ты должен полагаться только на себя, на свои силы. Я влюбился в борьбу. Все время свободное от уроков и занятий с собаками я проводил в спортзале.

Тренер Джонсон многому меня научил, он дал мне больше, чем кто-либо до него или после.

— Помни, — говорил он, — то, что ты практикуешь на коврике, нужно практиковать и вне его. Фокус. Скорость. Сила. Эф-эс-эс. Ты должен быть внимательным, быстрым и использовать

любой шанс, потому что жизнь редко предлагает второй.

В том сезоне мы выиграли все соревнования и впервые в истории школы вышли на уровень штата. Благодаря тренировкам, диете и тому, что за год я вырос на 30 сантиметров, я выглядел потрясающе. Звучит самолюбиво, но я не знаю, как еще вам объяснить. Я выглядел потрясающе.

Я перешел в следующий класс, и теперь девчонки старались произвести на меня впечатление: украшали мой шкафчик или составляли плейлисты для тренировок. Один раз на уроке биологии миссис Бэррон попросила нас разделиться на группки для работы над новым проектом — иллюстрированным буклетом о клеточном дыхании. Я ненавидел групповые проекты, потому что каждый раз мне было неловко и неприятно, когда ученики в нашем классе выбирали для проекта своего друга, а я оставался в одиночестве. Но в этот раз кто-то тронул меня за плечо. Это оказался Нил Гилберт, хромой парень с гноящимися прыщами на лице. Я про себя называл его Вулканчиком.

— Эй-Джей, хочешь, сделаем буклет вместе? — спросил он.

— Я уже договорился со Стейси, — ответил я и подмигнул Стейси Бриггс. Я не боялся, что по-

паду впросак, борьба и победа в спорте придали мне уверенности.

— Да, мы работаем вместе, — согласилась Стейси и лучезарно улыбнулась. Она не была красоткой, как Мэдди Кларк, в которую все были влюблены, но у нее был прекрасный характер, и она легко на все соглашалась. Ее я называл Стейси-Энерджайзер. Это прозвище ей очень подходило, все тексты для проекта написала она. Она придумала персонажей для этого задания: Гермиона — человек, Петуния — растение, Джинни — глюкоза, Плакса Миртл — митохондрия, а я карандашом нарисовал иллюстрации и раскрасил их. Я работал над этим неделю, и в результате наш буклет выглядел как графический роман.

Я часто тусовался у Стейси в квартире, ее родителей вечно не было дома, а брат Ли был не против, что я прихожу в гости. Ему нравилось, что я занимаюсь борьбой, он говорил, что борьба — часть греческой и римской культуры.

— Цивилизованный вид спорта, — сказал он, положив ноги на журнальный стол, — не то что вся эта дикость, которую многие любят.

Он смотрел по телевизору фильм «С меня хватит». Фильм только начался, Майкл Дуглас зашел в магазин, чтобы попросить мелочь на телефон,

потому что хотел позвонить дочери. Но продавец-кореец потребовал, чтобы он сначала что-нибудь купил.

— Почему продавец просто не даст ему мелочи? — спросила Стейси, сев рядом с братом на диван.

— Потому что деньги для них — главное, — объяснил Ли. — Дети, хотите попкорна?

— Я не ем попкорн, — сказал я.

— Точно, тебе же нельзя ничего вредного. — И он достал из холодильника морковку, чтобы я жевал ее, пока мы смотрим фильм.

Так приятно было общаться с не старым взрослым, с кем-то, с кем можно вместе повалять дурака. Иногда Ли брал нас с собой на концерты в Палм-Спрингс или Риверсайд, а иногда еще дальше, в округ Ориндж. В выпускном классе мы со Стейси расстались, но Ли Бриггс остался мне другом. Он рассказывал мне о западной культуре, о том, чему в школе не учили, и это было здорово. Когда я поступал в колледж в Фуллертоне, я даже думал выбрать специализацию по классическим языкам и культуре, но это отделение закрылось из-за сокращения государственного бюджета. Дурацкая отговорка, конечно. При нехватке бюджета ни Азиатско-американские языки и

культура, ни Афроамериканские не закрылись. В результате я выбрал специализацию в области бизнес-администрирования.

Выбор в результате оказался верным, потому что я открыл собственный бизнес в Ирвайне. Если бы все сложилось, я бы остался там навсегда, но у мамы развилась болезнь Паркинсона, и хоть я и старался навещать ее каждое воскресенье, но понимал, что рано или поздно придется вернуться домой. Ее тремор становился все сильней; ей нужна была помощь в таких простых вещах, как готовка и уборка. И отцу нужно было помогать, у него не хватало работников в боулинге. К тому времени я успел жениться, и нелегко было убедить Аннет переехать в пустыню. Но такова обязанность детей — заботится о родителях.

Переезд обратно оказался для меня довольно большим испытанием. Если вы увлекаетесь походами и скалолазанием, если вам по сердцу странные арт-инсталляции, возникающие посреди пустыни, то это место вам подходит. Но для таких, как я, здесь не хватает тренировочных площадок для гольфа, универмагов или хотя бы приличного кинотеатра. После долгого рабочего дня в боулинге у меня еще остается энергия, которую необходимо выплеснуть, но в городе нет

нормальных спортзалов для борьбы. Да тут вообще нечем заняться. Вот почему я очень удивился, увидев Нору Геррауи. Мы выросли в этом городке, и главное, о чем мы мечтали, — это уехать отсюда, и вот в результате мы оба снова здесь. Никогда бы не подумал, что такое может случиться.

Нора

Итак, доказывать, что 28 апреля произошел не несчастный случай, теперь предстояло мне. Я должна была найти мотив убийства, вернуться не только к событиям, предшествующим той ночи, но к самому началу, к тому моменту, когда отец купил «Закусочную». Ресторан был построен в 1951 году на земле, принадлежавшей индейцам племени Чемеуэви, и построили его Билл и Пруденс Свенсон, переселенцы из Короны. В те времена это заведение трудно было назвать рестораном, это был всего лишь киоск с гамбургерами на дороге в Твентинайн-Палмс, на недавно открывшуюся базу морской пехоты. Но городок рос, а вместе с ним повышался спрос на закусочные и рестораны. Свенсоны добавили в меню несколько новых блюд, пристроили полноценную кухню и обеденную зону, а также расчистили от деревьев пространство с северной стороны здания под парковку. Потом рядом открылось несколько новых заведений: боулинг Бейкера, химчистка Оглсби, шиномонтажная Кинни и салон красоты Лидена через дорогу. Думаю, не будет

преувеличением сказать, что, когда отец купил у вышедших на пенсию Свенсонов ресторан, тот выделялся на общем фоне, как высокий сорняк на подстриженной живой изгороди. И, скорее всего, папа это понимал, потому что не высовывался и изо всех сил старался сохранить это место таким, каким оно было на протяжении десятилетий.

Но постепенно возникла необходимость расширить зал и обновить кухонное оборудование, и, хотя бизнес от этого начал развиваться лучше, это привело к напряженным отношениям с Андерсоном Бейкером.

Когда тем утром я подъехала к парковке ресторана, я заметила еще одно изменение, которое отец успел сделать незадолго до своей смерти. Он установил на крыше огромную новую вывеску. Ее было видно издалека. Может быть, именно эта вывеска особенно сильно разозлила Бейкера? Слишком броско? Но когда я недавно спросила маму о причине разногласий между отцом и Бейкером, она не вспомнила о вывеске. Вспомнила только, что несколько недель назад, в выходные на Президентский день, Бейкер злился из-за парковочных мест.

Я зашла в ресторан и увидела Марти у кассового аппарата, он заправлял в него новый рулон

бумаги. Звякнул дверной колокольчик, Марти поднял голову.

— Доброе утро, мисс, — сказал он. Я много раз просила его называть меня по имени, но он упорно обращался ко мне «мисс». Соблюдение формальностей было для него важнее всего.

— Доброе утро. Все сегодня в порядке? — спросила я голосом уверенной хозяйки, осознавая при этом, что у меня недостаточно опыта, чтобы звучать как уверенная хозяйка.

— Все хорошо, мисс.

— Замечательно.

Я прошла мимо него и села у стойки. На соседнем табурете лежал кем-то забытый номер «Лос-Анджелес таймс», и я взяла его. Главными новостями были пожар в национальном заповеднике Анджелес и смерть в возрасте пятидесяти семи лет звезды бейсбола, чье имя я не узнала. Дальше шли новости о неудачной попытке воспрепятствовать застройке где-то в Мохаве и о взрыве в Сирии, в результате которого погибли двадцать три человека. Я подумала, что обязательно куплю сегодня вечером «Хай-Дезерт стар», чтобы узнать, освещается ли в газете дело Бейкера.

— Что вам принести? — спросила Вероника, по-

дойдя с другой стороны стойки. Это была высокая худая женщина с карими глазами и неправильным прикусом, который, впрочем, совсем ее не портил. Она проработала в «Закусочной» почти столько же, сколько и Марти. Одна из тех официанток, которые с легкостью могут обслужить компанию в десять человек, включая троих орущих детей, и при этом будут терпеливы, разговорчивы и жизнерадостны не потому, что таковы требования, а потому, что им так хочется.

— Можно мне омлет с сыром? — спросила я, сложив газету и положив ее обратно на стул. — И чай со льдом, пожалуйста.

Вероника повернулась к окну выдачи еды, чтобы передать мой заказ. Потом принесла мне чай со льдом и поставила его на салфетку.

— Вероника, вы работали в Президентский день? — спросила я.

— У нас не бывает выходных в праздники. — Она спрятала руки в карманы фартука. — Все время приходится придумывать, чем занять детей, особенно во время весенних каникул и летом. А теперь все еще хуже, я ведь развожусь. В общественном центре устраиваются летние лагеря, вы слышали, наверное, но это очень дорого. Мне приходится оставлять их с сестрой. Она

инвалид, поэтому ей нелегко присматривать за тремя детьми, но они хотя бы не остаются одни, когда я ухожу на работу.

— Ясно, — сказала я и помолчала немного, чтобы вернуть разговор в прежнее русло. — Я спрашиваю, потому что об этом вас может спросить детектив, возможно, она захочет поговорить с вами. Ее зовут Коулман.

— О чем ей разговаривать со мной?

— О том, как вел себя в тот день Андерсон Бейкер, — ответила я, тщательно подбирая слова. — Как он ворвался сюда и начал орать на отца из-за парковочных мест. О той безобразной сцене, которую он в тот день устроил из-за «лендровера». Вы помните?

Слышно было, как на кухне повар бросил свежую порцию картофеля фри в кипящее масло. В нескольких метрах от него Марти обслуживал покупателя на кассе.

— Да, я помню, — немного помолчав, ответила Вероника. — Бейкер пришел в тот момент, когда я собралась выйти покурить. — Она снова принесла кувшин с холодным чаем и долила его мне в стакан, хотя я едва притронулась к напитку. — А когда детектив придет поговорить со мной?

— Надеюсь, что скоро. В любой момент, на са-

мом деле.

— Думаю, эта шлюха работает в том же офисе, что и детектив.

— Что? Простите, я не понимаю, о чем вы говорите.

— Женщина, из-за которой меня бросил муж. Она работает в департаменте шерифа, отвечает на телефонные звонки. Я даже не знаю, как они познакомились, он мне не рассказал.

— Сочувствую вам.

— Пятнадцать лет прожили вместе. Можете в это поверить? Пятнадцать лет! Трое детей. Одно кесарево. Два раза он изменял мне, и оба раза я его прощала, потому что он говорил, что все эти интрижки ничего не значат. А я думала, что раз он выбирает меня, а не их, значит так и есть. Но потом он встретил эту шлюху и свихнулся окончательно. Говорит, что она ему родной человек. А я думала, что это я ему родная.

— Сочувствую.

— Да вы-то ничего сделать не можете, — пожала плечами Вероника.

Истории о супружеской неверности как будто преследовали меня. Хотя теперь я воспринимала их по-другому. Я вспомнила, каково мне было сидеть в арт-резиденции где-то на севере штата

Нью-Йорк в окружении художников, писателей и графиков, которые были намного талантливей меня, и удивляться, каким образом мне вообще удалось туда попасть. Я чувствовала себя самозванкой; я не сомневалась, что меня разоблачат и вышвырнут за дверь. Но однажды вечером приехал знаменитый Макс Блумхов и, увидев меня, уютно устроившейся в кресле с книгой Эдуардо Галеано «Память огня», сразу подошел и представился. Я помню, как начались наши отношения. Как он спрашивал меня о моей музыке. Как я села за рояль и сыграла пьесу, которую только что закончила. Как он смотрел на меня.

— А знаете, — сказал он, — я однажды видел, как Брэд Мелдау[45] играл на этом пианино. Он сидел прямо там, где вы сейчас.

Макс пригласил меня к себе в коттедж, хотел подарить мне экземпляр своей новой книги. Резиденция располагалась на территории в сорок два акра, там паслись лошади и олени, несколько дней я бродила по мощеным дорожкам, боялась с них сойти, чтобы не подцепить клеща, от которого можно заразиться болезнью Лайма. И все же в тот вечер я не пошла по дорожке, я срезала путь

[45] Примечания: 45
Американский джазовый пианист, композитор и аранжировщик.

до студии Макса, пробежала к ней прямиком через зеленые поля. Я помню, как он открыл дверь, как я переступила порог, понимая, что произойдет дальше. Несколько месяцев подряд я никому не рассказывала о нашем романе и не позволяла себе думать о его жене. Я ждала и верила, что наша история начнется по-настоящему только после того, как он уйдет от нее и неприятные подробности забудутся.

Но этого не произошло. В марте он пришел ко мне домой с бутылкой шампанского и спортивной сумкой. Было довольно поздно, одиннадцатый час, я была в пижаме с карандашом и листком нотной бумаги в руках.

— Что-то случилось? — встревоженно спросила я. Я испугалась, что он пришел так поздно, и в то же время обрадовалась, понадеявшись, что он наконец решился на то, что давно обещал.

— Я только что получил стипендию Ланнана, — ответил он.

Это была его первая крупная стипендия после многих лет равнодушия со стороны грантовых фондов. Тогда он обзывал критиков, входивших в состав жюри, баранами и бездарными писаками, но теперь его глаза лучились счастьем, а глубокие морщины вокруг рта разгладились.

— Давай отпразднуем, — предложил он, зайдя в квартиру.

Марго, читавшая журнал на диване, прошаркала мимо нас к себе в спальню. Я достала бокалы для шампанского и смотрела, как Макс сражается с бутылкой. У него были очень темные волосы на руках, на правом запястье он носил старые механические часы — стекло треснуло, но время они показывали точно.

— Эвелин с Изабеллой сегодня вечером ушли в поход, — сказал он, — а Иэн ночует у друга.

— Значит, ты можешь остаться на ночь?

— Да, могу остаться на ночь.

Хлопнула пробка от шампанского, а Марго хлопнула дверью. Я отложила работу, пила шампанское и слушала Макса. Он собирался отправиться в путешествие по США и брать интервью у бывших участников «Всадников свободы»[46], тех, кто еще жив, он надеялся, что сможет использовать отдельные цитаты, чтобы составить историю их борьбы.

— Вроде того, что делает Светлана Алексиевич, только более правдиво, — сказал он.

---

[46] Примечания: 46

Freedom Riders — правозащитное общественное движение Америки 1960-х годов. Ставило своей задачей борьбу за гражданские права афроамериканского населения США.

Меня страшно раздражала эта его манера высмеивать других писателей, особенно женщин. Он даже не спросил, над чем я сейчас работаю. Вообще-то, за исключением того вечера, когда мы познакомились, он редко проявлял интерес к моей музыке. На следующее утро, когда я еще лежала в постели, а в голове пульсировало от начинающегося похмелья, он встал и начал собирать сумку. Он возвращался к жене, детям, к своим каждодневным обязанностям, а меня оставлял одну. Кем я была для него? И вдруг я поняла кем, так же ясно, как если бы он сам мне объяснил. Я была бутылкой шампанского, личным праздником. Я приподнялась на локте и сказала, что ему придется выбрать между мной и семьей.

Неделями я ждала от него весточки, ждала бы и дальше. Для меня оказалось полной неожиданностью то, что произошло между мной и Джереми в Джошуа-Три. Меня покорил пыл, с которым он заключил меня в объятья, растрогала нежность, звучавшая в его голосе. Меня ошеломило, что мое тело жаждало жить, цеплялось за жизнь, радовалось любому утешению, которое только могло найти, в то время как сердце тосковало по старому миру, такому, каким он был, когда в

нем жил отец. Время, проведенное с Джереми, было настоящим утешением, часами, когда я не ссорилась с сестрой, не критиковала маму и не разочаровывалась в себе. С ним я могла просто *быть самой собой*, пусть даже совсем недолго. Он был взрослой версией того мальчика, которого я когда-то знала, мальчика доброго, веселого и отзывчивого, и все же я боялась, что за этой легкостью скрываются тревожные тайны.

Каждый раз, когда Джереми приходил ко мне в домик, он чинил в нем что-нибудь. Один раз он заменил фильтры в испарительном охладителе, в другой раз — перегоревшую лампочку над плитой. Одним утром я поймала его на том, что он разглядывает шаткие стулья вокруг обеденного стола.

— Не нужно ничего делать, — сказала я. — Я вряд ли тут буду долго жить.

Но он настаивал.

— Да это одна минута.

Мне начало казаться, что он пытается исправить какую-то свою ошибку, хотя я понятия не имею, какую именно. Мне не хочется знать. Я не хочу заводить серьезные отношения сейчас, в такое непростое время. Сейчас мне нужно сосредоточить все свои силы на деле моего отца.

— Хотите тост? — спросила Вероника. Она поставила передо мной омлет с сыром и снова долила мне чаю со льдом.

— Нет, спасибо.

— А свежее печенье?

— Все отлично, спасибо, — сказала я.

Потом, вспомнив кое-что, добавила:

— А та большая вывеска снаружи, она появилась утром того дня, когда погиб отец?

— Да.

— Наверняка, когда ее ставили, было много шума.

— Ну да.

— Бейкер не жаловался?

Вероника качнула головой, но ничего определенного не сказала, и я решила, что не стоит слишком давить на нее. Она отошла к другому концу стойки, где стояли сахарницы, ожидавшие, когда же их наконец наполнят. Я ковырялась в тарелке и через зеркало над стойкой наблюдала за другими посетителями. Когда-то я знала завсегдатаев нашей «Закусочной», по крайней мере узнавала их, но теперь в зале были одни незнакомцы. Двое рабочих в оранжевых жилетах закончили обедать и сидели, свесив руки и уставившись в окно. Молодая пара, муж и жена,

достали из автомата миниатюрные баночки с джемом и построили из них пирамидку, чтобы развлечь своего малыша. Мужчина средних лет в бейсболке, с торчащей изо рта зубочисткой, читал газету. Его стакан опустел, но Марти этого не заметил. Я взяла кувшин с водой и подошла к столику, чтобы наполнить стакан.

После этого, не выпуская кувшина из рук, я оценивающим взглядом окинула ресторан. Стойка, которая несколько лет назад сияла новизной, сейчас тускло блестела от частого протирания. На виниловом полу у входа виднелась выбоина. Плинтус пошел трещинами. Краска на дальней стене, которая была когда-то красивого фисташкового цвета, местами пожелтела и облупилась за последние несколько лет. Описания в меню, вроде «яйца прямо с фермы», «бекон копченый на яблочной стружке», «помидоры с грядки», «хлеб от бабушки», давно вышли из моды. На спинке диванчика перед дальним столиком у окна зиял разрез. Тарелки посерели за много лет использования. Стаканы были поцарапаны. Автомат с жевательной резинкой стоял пустой.

Но ресторан был полон.

Может быть, именно этому завидовал Бейкер.

Я поставила кувшин с водой обратно на стойку

и завернула за угол, в подсобку — крошечную комнату с высоким окном, в которой едва хватало места для стола, стула и картотечного шкафа. Воздух здесь пропах запретными сигаретами и подержанными книгами, мне сразу же вспомнилось, как долгими вечерами мы сидели с папой на террасе, папа курил, хотя врач запретил ему. За его столом сидела теперь мама, по-прежнему во вдовьем белом платье. Она изучала бухгалтерскую книгу.

— Доброе утро, мам, — сказала я. — Ты нашла ту записку?

— Пока нет, — ответила она, снимая очки. — Ты только посмотри, какой здесь беспорядок.

На столе вокруг нее громоздилась гора бумаг. Папки, скрепленные степлером отчеты и квитанции — они будто образовывали странный пейзаж: стремились вверх вершинами и опадали вниз долинами и впадинами, стеклянная столешница была буквально погребена под ними.

— Что это такое?

— Не понимаю, как работал твой отец. Здесь жуткий беспорядок.

— Это на него не похоже.

Мама покачала головой и замолчала ненадолго. Знала ли она, почему он стал таким рассеянным

в последнее время? Ничто в выражении ее лица не говорило об этом, и мое сердце сжалось от жалости к ней.

— Не сомневаюсь, что ты быстро со всем этим разберешься, мам.

— Может быть, он ее выбросил.

— Надеюсь, что нет.

Записка, о которой мы говорили, была написана от руки на листке бумаги и приклеена скотчем к двери ресторана. Отец обнаружил ее на следующий день после инцидента с «лендровером». Как только мама рассказала мне о ней, я поняла, что нам обязательно надо ее найти и передать детективу Коулман. Это ценная улика.

— Давай я поищу, — предложила я.

— Хорошо.

Мама вернулась к бухгалтерской книге, а я начала перебирать бумаги на столе. Платежи за бумажные салфетки и питьевые соломинки, заказы на одноразовые контейнеры из пенопласта, два рецепта на антигистаминные препараты, экземпляр какого-то глянцевого журнала и никакой записки. Я порылась в ящиках письменного стола, полистала журналы с кроссвордами и проверила карманы пиджака, который висел на спинке стула. Наконец на подоконнике, под

полупустым коробком спичек, я обнаружила сложенную записку. Это был листок линованной бумаги, на котором Бейкер написал своим артритным почерком: «Паркуйся только на своих местах!» На верхней части листка видны были остатки скотча, а слово «только» было подчеркнуто два раза. Подписи не было, но мне казалось, что и так все ясно. Уже кое-что.

— Нашла! — радостно воскликнула я.

Мама подошла и заглянула мне через плечо.

— Хорошо. Очень хорошо.

— Не знаешь, что еще мы могли бы показать детективу?

— Нет, — ответила она через минуту. Потом снова села за стол. — Мне нужно кое-что тебе сказать.

— В чем дело?

— Закрой дверь.

Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, озадаченная неожиданной секретностью.

— Что случилось, мам?

— Мы решили продать ресторан.

— Что ты такое говоришь? Кто это — «мы»?

— Твоя сестра и я. Мы хотим его продать.

Мама произнесла эти слова с такой категоричностью, что я просто онемела. Я подошла к столу

и посмотрела на стопки бумаг, которые только что разбирала.

— И как давно вы вдвоем обсуждаете эту тему? Дикость какая-то! Вы вдвоем все решили, а теперь ставите меня перед фактом! А вместе обсудить не надо?

— Рынок сейчас слегка вялый, — сказала мама, складывая очки и откидываясь на спинку стула. — Но думаю, покупателя мы найдем.

— Ты что, не слышала, что я сказала? Мы *не можем* продать ресторан.

— Почему?

— Потому что папа не хотел бы, чтобы мы его продавали. Ты это знаешь. И Сальма знает.

— Но *я* никогда не хотела открывать ресторан. Твой отец носился с этой идеей. Я хотела открыть прачечную самообслуживания. Никаких работников, никаких больших расходов, никаких подъемов в пять утра. — Один за другим она загибала пальцы левой руки. Она как будто вернулась к старому спору и не сомневалась, что на этот раз она доведет его до конца. — Твой отец никогда меня не слушал. Мне не нужен ресторан, я не хочу видеть Бейкера каждый день. Каждый день он приходит, как будто ничего не произошло. Я хочу его продать. И твоя сестра тоже. Она говорит, что

ей нужны деньги.

— Да боже мой, мы не можем продать ресторан. Тогда Бейкер получит именно то, чего он и добивался все это время. Он хотел, чтобы отец исчез, чтобы не было его ресторана, и ты осуществляешь его мечту. И зачем Сальме деньги? У нее успешная практика.

Мои слова все-таки попали в цель, мама на минуту замолчала. Она спрятала очки для чтения в черепаховый очечник и положила его в сумочку.

— Значит, ты хочешь сохранить ресторан?

— Да.

— Кто будет им управлять?

— Марти может. Он и так уже это делает.

— Он не член семьи.

— Ну и что? У него хорошо получается эта работа. Нужно просто зафиксировать это документально.

— Нет, он не может один управлять рестораном. Ты будешь им управлять?

— У меня есть собственная работа, мам.

— Тогда почему ты хочешь сохранить ресторан? Занимайся своей музыкой, мы с Сальмой встретились в среду с риелтором, и он…

— Вы что, уже поговорили с риелтором? Мам, пожалуйста, подожди хотя бы немножко. Дайте

мне подумать. Я же имею право голоса, вы не можете принять это решение без меня. В любом случае нам нужно вступить в права наследства, прежде чем что-то делать. Придется ждать еще несколько месяцев.

— Ресторан мы можем закрыть до того, как вступим в права наследства.

Мама увидела, как расширились мои глаза от ужаса и возмущения, и добавила:

— Ну ладно. Хорошо. Подумай об этом. А потом поговорим с риелтором.

Я изо всех сил постаралась не хлопнуть дверью, когда выходила из офиса. Решение о продаже ресторана застало меня врасплох, но больше всего меня вывело из себя именно то, что мать с сестрой договорились об этом за моей спиной. По дороге к выходу я не могла не задаться вопросом, как ресторан будет выглядеть при новых владельцах. Оставят ли они это покрытое пятнами зеркало над стойкой? Уберут металлическую табличку у задней двери, на которой написано: «Кока-кола — лучше воды для любой еды»? Останутся ли работать Рафи, Марти и Вероника? Станет Бейкер ругаться с новыми хозяевами из-за парковочных мест? Все это мне очень не нравилось. Больше всего на свете я хотела, и сама удивлялась этому

своему желанию, чтобы это место осталось точно таким же, каким было при жизни отца.

Коулман

Я наливала себе кофе в комнате отдыха, когда вошел Горецки. Было чуть больше шести утра. Мне кажется, в такой ранний час никто из нас не был готов к инструктажу сержанта, мы еще не полностью проснулись. Он взял бумажный стаканчик из высокой стопки рядом с раковиной и, протирая заспанные глаза, протянул его мне — так нищий просит милостыню на улице. Параллельно с работой он учился в колледже, изучал историю Америки, если я ничего не путаю, и этим выделялся среди других помощников шерифа. Иногда это даже приводило к конфликтам, но мне нравилось, что он в некотором роде такой же аутсайдер, как и я.

— Как дела? — спросила я, наполняя его стаканчик.

— Да все прекрасно. А у тебя?

— Терпимо, — ответила я и отхлебнула кофе. Кофе был горьким, что совсем не подняло мне настроения.

Накануне вечером, пока Майлз был в душе, я просматривала его соцсети и среди селфи,

снимков пустыни и всяческих художественных изысков обнаружила фотографию Брэндона без рубашки. Она была сделана в школе, после баскетбольного матча. Брэндон смотрел прямо в камеру, улыбался и протягивал руку к человеку, который его фотографировал: к Майлзу. Я понимала, что происходит, но не знала, как поговорить об этом с сыном и тем более с его отцом.

— Я волнуюсь за Майлза.

— Ты про школу? Мне казалось, ты придумала, как помочь ему.

— Да, придумала, — спохватилась я. Горецки ждал, что я еще скажу, но вместо этого я спросила его о сержанте: — Как дела с Васко?

— На днях он застукал меня за чтением во время смены. Отчитал меня за это. — Горецки медленно покачал головой. — Он так рассвирепел, можно подумать, что чтение запрещено законом.

— Он беспокоится о своей репутации. Вышла новая статья о Боудене.

Я наклонила голову, указывая на газету, лежавшую на другом конце стойки. Боуден был безработным сантехником с длинным послужным списком правонарушений: мелкие кражи, хранение наркотиков, нападения. Когда его пришли арестовать по очередному обвинению,

связанному с наркотиками, он выскочил через черный ход, и полицейские гнались за ним на машине по грунтовым дорогам Твентинайн-Палмс, по 62-му шоссе до шиномонтажной мастерской в Юкка-Вэлли, где они его наконец настигли. Газета «Лос-Анджелес таймс» раскопала видеозапись с мобильного телефона, на которой Боуден лежит на животе, уткнувшись лицом в асфальт, а помощник шерифа бьет его по голове.

— А ты арестовала виновного, того, кто сбил человека на шоссе. Васко очень доволен.

— Просто повезло, — ответила я и тут же пожалела о своей излишней скромности. С детства во мне воспитывали эту привычку принижать свои достижения, так вообще принято воспитывать девочек, и теперь было очень трудно от нее избавиться.

— Васко не так об этом говорил, — не согласился Горецки. — Он назвал это добросовестной полицейской работой. Привел тебя в пример и сказал, что мы все должны теперь на тебя равняться.

— Это оказался старик из боулинга. Не какой-нибудь опасный преступник, которого не поймать.

— Думаешь, это несчастный случай?

— На этом шоссе часто происходят аварии, —

сказала я.

Дочь жертвы упрямо настаивала, что это не несчастный случай, и действительно, слишком большая вмятина осталась на машине «краун-виктория», и от этого история Бейкера о койоте казалась менее правдоподобной, но все равно между наездом на человека в темноте и намеренным убийством большая разница. Васко не сильно радовали эти обвинения дочери, получалось, что дело он закрыть не может, но я не могла пропустить мимо ушей то, что она говорила, это было бы не профессионально, и старалась разобраться, когда у меня появлялось время.

Когда я в первый раз приехала в «Закусочную», служащие подтвердили историю, которую мне рассказала семья Герраули: разногласия, которые начались несколько лет назад из-за пыли и грязи во время ремонта, недавно переросли во вражду. Но ни менеджер ресторана, ни официантки не вспомнили ни одной конкретной угрозы со стороны Андерсона Бейкера в адрес жертвы. Он ни разу не сказал «ты труп», или «смотри, как бы с тобой чего не случилось», или даже жалкого «ты об этом пожалеешь». Тогда можно было бы предположить, что у Бейкера были определенные намерения.

— Они просто постоянно ворчали, — объяснил мне менеджер Марти Хольц. Он распылял дезинфицирующее средство «Виндекс» на пластиковые меню и протирал их бумажным полотенцем. — Они всегда и всем были недовольны, ворчали по любому поводу.

Однако кассирша из боулинга, Бетти Сандерс, заявила, что проблемы начались не из-за шума и грязи, связанных с ремонтом, а за несколько месяцев до этого.

— Дело в том, — сказала она, стирая излишки помады салфеткой, — что мистер Бейкер успел договориться с соседней химчисткой, что купит их заведение, как только выйдет на пенсию. Но тут появился этот мусульманин и предложил хозяину химчистки бóльшую сумму. Увел ее прямо из-под носа у мистера Бейкера.

— Мистер Бейкер очень на него злился?

— Не то чтобы злился, — возразила кассирша, внезапно осознав, что может означать это слово, — скорее расстроился.

У меня было странное ощущение, что я упускаю что-то важное в деле Геррауи, не могу чего-то понять, потому что этот городок и его жители для меня чужие. Поговорив с работниками «Закусочной» и «Дезерт аркейд», я не знала, кому верить,

что из рассказанного ими подтверждается фактами, а что они просто выдумали то ли с горя, то ли по злому умыслу.

Горецки долил себе кофе и сделал большой глоток.

— А тебе не кажется странным, что мистер Бейкер сам не пришел в полицию и не сообщил о том, что случилось?

— Да нет.

Когда перед людьми встает выбор: взять на себя ответственность или избежать этого, большинство выбирает второй вариант. Таков, во всяком случае, был мой опыт. Главная проблема заключалась в том, что не было ни одного свидетеля преступления, ничего, что могло бы доказать, что Бейкер намеренно сбил человека. Кроме того, с самого начала Бейкер готов был сотрудничать с полицией, хотя его жена вела себя немного странно. Когда я пришла к ним домой, чтобы допросить Бейкера, она открыла дверь и уставилась на меня, разинув рот. Когда следователь появляется на пороге вашего дома, это, конечно, тревожное событие, даже пугающее для некоторых людей, но у нее было такое выражение лица, будто случилось то, чего она давно боялась. Мне пришлось ждать на улице, на жаре, пока она звала мужа.

Где-то в офисе зазвонил телефон и хлопнула дверь.

— Знаешь, — сказал Горецки, — я учился в одной школе с дочерью жертвы.

— С какой из них? С той, которая зубной врач?

— Нет, с той, которая музыкант.

— Ты никогда не говорил, — сказала я. Боже, как я ненавижу маленькие городки, как хочется домой, в Вашингтон. — Здесь все, что ли, друг друга знают?

— Почти.

Когда я работала в полиции в большом городе, утро проходило совсем по-другому. Я заходила в маленькое кафе рядом с моей остановкой и сидела у окна с чашкой кофе, глазела на людей, спешащих по делам, и все они были мне незнакомы. Никогда не думала, что буду по этому скучать, но скучала. Теперь я не могла прийти на работу, не услышав по дороге какой-нибудь сплетни.

Горецки нервно откашлялся.

— И теперь мы с Норой… мы встречаемся.

— Что? — Только этого мне не хватало. Эта дочь отчаянно настаивает на том, что ее отца убили, а теперь еще это. Чем больше я старалась разобраться, что происходит, тем запутаннее все становилось. — И давно вы встречаетесь?

— Нет. Это случилось неожиданно.

— Тебе надо сообщить сержанту.

— Знаю, — согласился он, допивая остатки кофе. — Веселый получится разговор.

— И перестань меня расспрашивать об этом деле. Это она попросила тебя расспросить меня?

— Нет. — Секунду думал, прежде чем ответить.

— Тогда почему задаешь вопросы?

— Мне просто интересно, вот и все.

— Ты же знаешь, я не могу обсуждать расследование, пока оно не закончено.

— Мы ничего и не обсуждали. — Он хлопнул по сложенной на стойке газете, где на первой странице были фотографии происшествия с Боуденом. — Я лучше пойду. Мне есть чем заняться и о чем беспокоиться, так ведь?

Нора

Через пару дней после нашей ссоры в ресторане мама предложила мне съездить в Палм-Дезерт, пройтись по магазинам. Таких привычек у нас с мамой не было: мы не ходили вместе в спа-салоны, или в кино на романтические комедии, или выпить чаю в кафе, не занимались совместным рукоделием или выпечкой. Отчасти это была моя вина, потому что в детстве бóльшую часть времени я сидела в своей комнате и слушала музыку, но, с другой стороны, моя сестра просто обожала эти прогулки с мамой, и я не хотела им мешать, быть третьей лишней. Поэтому я очень удивилась, когда мама предложила мне съездить в магазин, и решила, что она таким образом хочет помириться со мной после нашей перепалки по поводу продажи «Закусочной».

К счастью, был будний день, и в магазине почти не было народу. Мама явно пребывала в хорошем настроении и держала меня под руку, пока мы прогуливались по универмагу. Мама купила форму для запекания и набор мерных стаканчиков из нержавеющей стали, но бóльшую часть утра

мы провели в отделе одежды, где она усиленно помогала мне выбирать. Я привезла совсем немного из Окленда, и мне нужно было докупить пару брюк, несколько рубашек и платьев. Мы перешли в обувной отдел, когда меня вдруг поразило, какими обыденными вещами мы занялись, погрузились в повседневную рутину, из которой и состоит бóльшая часть жизни. Я остановилась перед стендом, рекламирующим 20-процентную скидку на летнюю обувь, и взяла коричневые сандалии с ремешком на щиколотке.

— Как тебе? — спросила я.

— Они не подходят к твоим новым брюкам, — ответила мама.

— Не подходят? — Я положила сандалии обратно на стенд и взяла черные классические туфли-лодочки на высоком каблуке. — А эти?

— Эти намного лучше.

Продавец, который наблюдал за тем, как я примеряю обувь, подошел, и я отдала ему и сандалии, и туфли. Потом я села напротив мамы. В ее волосах появилось больше седых прядей, а под глазами залегли темные круги. Она все еще носила траур и будет еще долго его носить. Но насколько хорошо она знала человека, которого оплакивала? Этот вопрос мучил меня с тех пор,

как мне позвонили из ювелирного магазина.

— А я вот думаю, — сказала я. — А зачем папа купил домик?

— Ты знаешь зачем. Чтобы сдавать его.

— Но он редко сдавал его туристам. Ты помнишь?

— Поначалу сдавал. Просто все время возникали проблемы. Засорялся унитаз, сгорал тостер. Съемщики разбивали посуду, а новую не покупали. Я предупреждала твоего отца, что так и будет, но, конечно же, он не слушал.

В другом конце торгового зала высокая блондинка, потягивая кофе со льдом, прогуливалась вдоль стойки уценки и методично изучала каждую пару своего размера. Как выглядит любовница моего отца? Юная безмозглая красотка, как я думала вначале, или интересный человек? Остроумная, необычная. Она должна быть особенной, если из-за нее отец готов был разрушить свой брак. Но почему мама даже не догадывалась об этом?

— Если папа перестал сдавать домик туристам, почему он его не продал? — спросила я.

Мама задумалась на мгновенье. Потом она снова заговорила немного севшим голосом.

— Мне кажется, твоему отцу очень нравилось

владеть домом. Ни у кого из его семьи не было собственного дома. Собственный домик создавал у него ощущение, ну, не знаю, успеха, наверное.

Она потерла глаза ладонью.

Похоже, она понятия не имела, что происходило с отцом на самом деле, в результате дурацкими своими вопросами я только разожгла ее горе. Не стоило ее расспрашивать. Я оглянулась, отчаянно желая найти новую тему для разговора, и с облегчением увидела, что продавец возвращается с коробками. Я снова примерила черные туфли-лодочки.

— Они отлично на тебе смотрятся, — сказала мама.

— Тебе нравится?

— Да. Тебе в них удобно? Пройдись, попробуй.

Я сделала три неуверенных шага: я не привыкла к высоким каблукам.

— Выглядят… э-э-э, профессионально.

— Вот именно, — воскликнула мама, радостно сжав руки. Она смотрела на меня как-то странно, я не могла понять, о чем она думает, и взглянула обратно на туфли. Может, я что-то не так поняла?

— Знаешь, — сказала она через минуту, — еще не поздно пойти учиться на юриста.

— Что?

— Ты еще молода, Нора. Три года быстро пролетят. И к тому же с теми деньгами, которые оставил тебе отец, ты сможешь поступить на юридический факультет.

— О чем ты говоришь, мам? Зачем снова поднимать эту тему?

— Затем, что ты можешь стать прекрасным юристом, я не сомневаюсь в этом. Вчера соседи рассказали мне, что их дочь Джессика сдала экзамены и может теперь работать адвокатом. Помнишь, как она просила тебя помочь ей с домашним заданием по математике? Без тебя она не могла справиться, а теперь смотри, чего она добилась. Она юрист! Она будет работать в крупной фирме в Сан-Диего!

Так вот почему мама предложила мне пройтись по магазинам. Не для того, чтобы провести со мной время, а чтобы убедить меня начать нормальную карьеру, стать такой же, как Сальма, или как Джессика, или как кто-то еще. Этот разговор происходил не в первый раз. Мы много раз обсуждали мое будущее, с тех пор как я бросила медицину и решила изучать музыку. Сама мысль о том, что мы будем снова спорить об этом здесь, в обувном отделе большого магазина, была для

меня невыносимой. *Мама* была невыносима.

Только что я жалела маму и осуждала предательство отца, и вот за одно мгновенье все переменилось. Ну и что, что папа поступил плохо, зато он никогда не хотел, чтобы я стала кем-то другим. Он бы не заманивал меня в ловушку, как мама, не заставлял бы отказаться от единственного, что придает смысл моей жизни. Его любовь дарила свободу. А мать превращала любовь в войну. Каждый день она вела эту войну, чтобы превратить меня в кого-то нового, кого-то лучшего. Даже если бы я выбрала медицину либо юриспруденцию или училась бы в какой-нибудь бизнес-школе, мама всегда нашла бы что-то еще, что нужно было бы во мне исправить, и обязательно сказала бы мне об этом. Больше всего меня выводило из себя то, что с моей сестрой мама вела себя совсем по-другому. Сальма всегда все делала правильно.

Я сбросила черные туфли и примерила коричневые босоножки. Очень удобные, идеальная обувь для лета.

— Возьму эти, — сказала я.

Обратно из Палм-Дезерт мы ехали молча. Как бы радостно ни начался этот день, он был омрачен ссорой; я с нетерпением ждала, когда снова

останусь одна. Я высадила маму у дома и, помахав ей на прощанье, выехала обратно на шоссе. Наступила вторая половина дня, и тротуары были пусты. Проезжая мимо магазина, торгующего игрушками для праздников, я внезапно вспомнила, что на восьмой день рождения отец купил мне пиньяту, и вновь ощутила резкую боль оттого, что его больше нет рядом. Потом заехала в магазин за молоком и чуть не разрыдалась, уловив запах папиного лосьона после бритья от одного из покупателей. Даже когда я вошла в домик, мне вспомнилось вдруг, как вместе мы ходили в поход, в Уиллоу-Хоул. Мне так его не хватало.

Сальма

Первое, что ты видишь, когда просыпаешься, — это сумка с надписью «Pan Am», свисающая с маминого плеча. Она бело-голубая с дыркой в углу. Ты на руках у отца, все еще сонная, и, когда он выносит тебя из самолета, ты спрашиваешь:

— Здесь я пойду в школу?

Родители неделями рассказывали тебе о школе, это была главная приманка, из-за которой тебе должно было стать легче уехать из дома. Нужно только сесть на самолет, говорили они, а когда прилетишь, пойдешь в чудесную школу.

— Да, здесь, — отвечает папа, но как-то рассеянно.

В аэропорту тебя встречает дядя. Он берет тебя на руки, целует, трется небритым подбородком о твою щеку. От него пахнет сигаретами, и он смеется так же часто, как и твой папа. Но совсем не так, как твой папа.

Дядя и его жена живут в Калвер-Сити. У них есть раскладной диван, задний двор с лимонным деревом и качелями и два мальчика, которые щиплются, когда никто не видит. В выходные

взрослые готовят изысканные блюда, пьют мятный чай и часами говорят о короле и Рональде Рейгане. Они обсуждают их так, будто король живет в соседней комнате, а Рейган — в доме неподалеку. Дети должны играть на улице, но при этом ты совсем не понимаешь, что говорят твои двоюродные братья, поэтому ты просто подражаешь их походке, смеху и, наконец, разговору. Они наряжают тебя в костюмы и выводят во двор. И ты превращаешься в такую милую обезьянку.

Весной ты с родителями переезжаешь в маленький городок в Мохаве, где они покупают пончиковую. Невозможно спрятаться ни от солнца, ни от ветра. За несколько дней твоя кожа обгорает, губы трескаются, а волосы становятся на два тона светлее. Ты снова спрашиваешь о школе.

— Наверное, в следующем году, — небрежно бросает отец, — сейчас ты еще слишком маленькая.

Предательство для тебя все еще в новинку, тебе трудно с ним смириться. Ты листаешь журналы о недвижимости на стенде у магазина и притворяешься, что читаешь. Постепенно ты научаешься узнавать буквы под картинками: д-о-м. Ты просишь еще журналов. Твоя мама оформляет

читательский билет, берет в библиотеке сразу пять книг и усаживает тебя с ними в углу. Ей нужно работать в магазине, мыть подносы и полы, ей совсем некогда играть. Но ночью, когда все тихо, она поет тебе колыбельные на арабском и позволяет заснуть, положив голову ей на колени. Ты прижимаешься лицом к ее животу и поражаешься тому, какой он теплый, как хорошо, наверное, внутри него. Ах, если бы можно было вернуться туда. Однажды на выходных твой дядя с семьей приезжает в гости. Когда двоюродные братья пытаются тебя ущипнуть, ты кусаешься в ответ.

И вот наконец наступает день, когда тебя отдают в начальную школу «Юкка-Меса». Ты уже знаешь весь алфавит, поднимаешь руку и отвечаешь правильно каждый раз, когда тебя вызывает миссис Гамильтон. Ты больше не ученая обезьянка. Теперь ты — цирковой тюлень. В твоем репертуаре много трюков: ты хорошо поешь детскую песенку «Я чайная чашечка», знаешь, как правильно писать слова «девочка», «дом» и «хочу», и получаешь пятерку за первую контрольную. Мама теперь таскает тебя с собой по магазинам. Ты без запинки произносишь такие слова, как «спагетти» и «деликатесы», и можешь, не хихикая, спросить, где продаются кабачки.

Ты унаследовала берберскую кровь своего рода, каждой весной твои волосы становятся светлее. Продавцы в продуктовых магазинах часто спрашивают, не хочет ли юная леди наклейку. Банковские служащие интересуются, любишь ли ты искать пасхальные яйца. Пройдут годы, прежде чем ты поймешь, что они имеют в виду.

И вдруг в комнате родителей появляется детская кроватка, в коридоре — детская коляска, а на полу — желтый развивающий игровой коврик, к которому тебе нельзя прикасаться. Папа души не чает в новорожденной, хотя она ничего не умеет: ни сложить два плюс два, ни сказать, который час, ни выиграть приз за самую страшную тыкву на праздновании Хеллоуина в первом классе. У нее смуглая кожа, пухлые ножки и большие глаза, которые постоянно следят за тобой, куда бы ты ни пошла. Ты щипаешь ее, когда никто не видит. Она безутешно рыдает. Твоя мама вслух вопрошает, что не так с этим ребенком.

Ты по-прежнему можешь говорить по-арабски, но тебе больше не снятся на арабском сны.

К девятому классу ты становишься высокая, рост метр восемьдесят. Ты играешь в волейбольной команде, участвуешь в научной ярмарке, коллекционируешь купоны, собираешь средства

для школы, правильно угадываешь количество драже в банке. Ты никогда не опаздываешь, никогда не болеешь, никогда не грубишь. Родители всех твоих друзей любят тебя. «Такая благоразумная девочка», — говорят они. Однажды у соседей, на вечеринке у бассейна, куда пригласили всю твою семью, ты сбегаешь с другими девчонками, чтобы накраситься и повеселиться, и бросаешь младшую сестру в одиночестве. Она падает в бассейн и чуть не тонет. В этот момент ты понимаешь, что ты совсем не благоразумная девочка, и тщательно скрываешь этот факт от всех остальных.

Летом, когда тебе исполняется двадцать, ты возвращаешься домой из колледжа и узнаешь, что король Марокко умер. Его похороны транслируются в прямом эфире по CNN, родители смотрят трансляцию с недоверием, будто сомневаются, что все это происходит на самом деле. Два миллиона человек выстроились в очередь на улицах столицы, чтобы хоть мельком увидеть задрапированный бархатом гроб, который везут из королевского дворца в мавзолей. Отец орет в телевизор: «Вы что, забыли, что он сделал?» Мама шикает на него и делает погромче. На похоронах присутствуют Билл Клинтон и Жак Ширак. А еще

Хосни Мубарак и Рифат Асад. Один за другим они восхваляют покойного монарха, называют его миротворцем и поборником толерантности.

— Что ж, — тихо говорит папа, — думаю, теперь я могу съездить навестить мать.

Через год, когда вы всей семьей наконец едете в Касабланку, ты не узнаешь бабушку, а бабушка не узнает тебя. Разве можно скучать по кому-то, кого не помнишь? И все же ты скучала. На протяжении всего визита ты сидишь с ней рядом в приятном молчании. Когда ты выходишь на улицу, гиды предлагают тебе свои услуги по-английски, а когда ты не отвечаешь, переходят на немецкий. Торговцы на базаре называют тебя «мисс», предлагают мятный чай и берут втридорога за каждую безделушку. Парни на углах улиц свистят, когда ты проходишь мимо, и откровенно трогают себя за причинные места.

После колледжа ты поступаешь на стоматологическое отделение в медицинский институт в Лома-Линде. Там ты встречаешь парня с ясными глазами, который никогда не опаздывает, никогда не болеет и никогда не грубит. Когда он говорит по-арабски, из его уст как будто льется музыка. Слова «зайтун», «суккар» и «хабибет эль-омр» звучат так, будто он поет их под ак-

компанемент тринадцатиструнной лютни. Ты выходишь за него замуж, вместе вы открываете стоматологическую клинику, и родители гордятся тобой.

— Почему ты не можешь быть такой, как Сальма? — говорит мама твоей младшей сестре, и каждый раз, когда она так говорит, ты трепещешь от гордости.

День за днем ты только и делаешь, что смотришь в открытые рты, вдыхаешь неприятные запахи, выковыриваешь гниль из кариозных полостей. Все чаще во вторую половину дня ты споришь со страховыми компаниями по поводу счетов и выплат. От всего этого у тебя болит голова. Ты принимаешь викодин. Ты больше не дрессированный тюлень. Теперь ты птица. Ты свободно паришь в воздухе. Когда муж жалуется, что обезболивающие быстро кончаются, ты говоришь, что ни в чем не виновата, что за эту неделю тебе пришлось удалять три нерва. Ты пока не начала заказывать дополнительные коробки диазепама, и он пока ни о чем не догадывается.

Но однажды он обо всем догадается, и тебе придется встретиться с ним взглядом за обеденным столом, и ответить на все его вопросы, и договориться, что операции будет проводить только

он. Он посоветует тебе обратиться к специалисту по лечению наркозависимости, но ты ответишь, что все с тобой в порядке. «Поговори об этом хоть с кем-нибудь, — будет умолять он. — Расскажи маме». Сама мысль о том, что мама узнает о твоей привычке, просто невыносима. Ее одобрение — это тюрьма, откуда ты не хочешь сбегать. Ты пообещаешь мужу, что сходишь к специалисту, но так и не запишешься на прием. Он уйдет спать, а ты сядешь в шезлонг на террасе любоваться видом, который, по словам риелтора, не имеет себе равных в долине. И примешь таблетку.

Вот куда ты прилетела на том самолете.

Нора

Теперь я понимаю, что поступила так отчасти из упрямства. Но в тот момент мне казалось, что у меня нет выбора, что нужно управлять рестораном, раз мама внезапно перестала там появляться. Возможно, таким образом она хотела вынудить меня согласиться продать ресторан, но добилась только обратного эффекта. Я сама удивилась, как быстро вернулись все те маленькие привычки, которые были у меня много лет назад. Даже в жару я носила закрытую обувь, удобные брюки из материи, которая легко отстирывалась, и рубашку поло со словом «Закусочная», вышитым на нагрудном кармане. Я заворачивала столовые приборы в салфетки, наполняла солонки и перечницы, обслуживала столики Вероники, когда она уходила на перекур, следила, чтобы всегда хватало тарелок, чашек и мисок, болтала с клиентами и старалась сохранять позитивный настрой. Прекрасное утро, не правда ли? Хотите кетчупа или горчицы? Осторожно, тарелка очень горячая. Какой чудесный малыш.

Поработав несколько дней в ресторане, я по-

няла, что вполне справляюсь с обязанностями и при этом еще успеваю сбегать в магазин за продуктами и в банк за мелочью. И все же я успела забыть, что работа в ресторане — это тяжелый физический труд. Уже после первого рабочего дня у меня начали отекать ноги и болеть руки. Как Вероника это выдерживает? Или Рафи? К концу смены, когда я думала только о том, как бы поскорей добраться до домика и рухнуть на один из стульев на веранде с бутылкой пива, они выглядели такими же свеженькими и бодрыми, как и в начале рабочего дня.

Но лучше всех работал Марти. Я никогда не могла за ним угнаться. У него были свои милые привычки, например он всегда носил в кармане фартука несколько запасных соломинок, чтобы не возвращаться к стойке каждый раз, когда клиенту нужна соломинка. Не дожидаясь просьбы, он сам убавлял звук, когда пожилым клиентам казалось, что музыка звучит слишком громко, или опускал шторы, когда вечернее солнце било в глаза малышу. К некоторым клиентам он обращался по имени и болтал с ними как со старыми знакомыми. Каждый вечер он закрывал ресторан, а когда я утром открывала его, то обнаруживала, что на столах уже расставлены все необходимые

приборы и сахарницы заполнены доверху.

Однажды поздним утром, когда я выкладывала на стойку бумажные салфетки, которые только что купила, Марти отошел от кассы и подошел ко мне поговорить.

— Мисс Геррауи, — сказал он, сняв очки и оставив их болтаться на цепочке, — вы теперь работаете вместо мамы?

— Я просто хочу помочь.

— Понимаю.

— Если я чего-то не знаю, скажите мне.

— Вообще-то, есть кое-что.

— Что?

— В прошлом году ваш отец обещал мне прибавку к зарплате, но пришлось покупать новый морозильник, и он сказал, что с прибавкой пока придется подождать. Пару месяцев назад, когда он заказал красивую новую вывеску, которая висит снаружи, я снова поднял этот вопрос, и он сказал, что выполнит обещание. Но потом он скончался, и теперь вообще не понятно, что происходит. — Он обвел рукой ресторан. — Я даже не знаю, кто теперь здесь за главного.

Я нервно сглотнула.

— Я за главного.

— Значит, вы повысите мне зарплату, как обе-

щал ваш отец? Двадцать один доллар в час, так мы договорились. Двадцать один.

— Вполне разумно, — осторожно сказала я, — поговорю об этом с мамой.

Марти разочарованно улыбнулся, как будто с самого начала подозревал, что ответ будет именно таким, и вернулся к кассе. А я ушла в папин кабинет и задумалась о том, как рассказать обо всем этом маме. Я представила, что она скажет в ответ: теперь это моя проблема, она никогда не хотела открывать ресторан и нужно продать его как можно скорее. Этот разговор мог привести к очередному спору о моем будущем. С другой стороны, каждый разговор с мамой заканчивался спором о моем будущем.

Последние несколько дней я думала о том, как лучше использовать деньги, которые оставил мне отец. Это была огромная сумма, и часть ее я уже потратила на погашение студенческих займов, но ее все равно бы не хватило, чтобы выкупить ресторан. Если я хочу сохранить «Закусочную», мне придется выкупить долю у сестры и каким-то образом убедить маму сохранить ее долю. Кроме того, нужно будет учесть и другие расходы: новый замок на заднюю дверь, перекраска зала, новые меню. Если я сохраню ресторан, я должна буду

платить сотрудникам, вести учет рабочего времени, принимать решения о повышении зарплаты и выполнять миллион других обязанностей.

Если же я соглашусь продать свою долю, то вырученная сумма вместе с деньгами, которые мне оставил папа, легко позволит мне безбедно жить четыре года в окрестностях Сан-Франциско. А если я останусь в Мохаве, то все восемь. Наконец-то у меня появятся время и средства, чтобы сочинять музыку. Я смогу ездить на музыкальные фестивали, посещать мастер-классы, если захочу, или просто работать дома. Отец сделал мне просто невероятный подарок. Единственное, что портило предвкушение столь прекрасной жизни, — это мысль о том, Андерсону Бейкеру в конце концов удалось выжить отца из города. С этим я не могла смириться. Возможно, разумней было бы продать ресторан, но какая-то часть меня упрямо хотела его сохранить.

Джереми

Если не считать пары прогулок по окрестностям, Нора отказывалась от всех моих предложений. Она ни разу не согласилась сходить куда-нибудь поужинать или в кино. Я не давил на нее. Годы службы научили меня, что главное — терпение. Я постоянно ждал: приказа, сигнала, переброски по воздуху, посадки, туалета, возможности позвонить, окончания командировки. Поэтому я решил, что это прогресс, когда однажды вечером она согласилась прийти ко мне в гости на ужин. После работы я поехал прямиком в «Стейтер бразерс» за продуктами и как раз готовил соус для курицы, когда позвонили в дверь. На Норе было красное платье на тонких бретельках, и я сразу же представил, как бретельки соскальзывают с ее плеч. Я отошел в сторону, пропуская ее в дом, и закрыл дверь. Она стояла в моей гостиной и разглядывала ее: синий диван, доставшийся мне по наследству от Эшли и Томми после того, как они купили себе новую мебель; большую стереосистему, купленную на армейскую зарплату и которая выглядела уже не так впечатляюще, как

поначалу; игровой контроллер на полу. Ее взгляд задержался на иракской банкноте, приколотой к пробковой доске у раздвижной двери. Я достал букет пионов, который купил для нее.

— По какому случаю? — искренне удивилась Нора.

— Сейчас сезон пионов, — ответил я, внезапно смутившись тем, что пытаюсь превратить свое приглашение в гости в свидание.

Я поцеловал ее, и букет расплющился между нами, веточки лаванды и зеленые ягоды щекотали нам шеи.

— Заберешь их домой или мне поставить в воду?

— Поставь. Они так приятно пахнут.

Я высыпал спагетти из банки, налил в нее воды и поставил туда пионы. Я оставил букет на столешнице, чтобы его было видно из столовой.

— Есть хочешь?

— Умираю с голоду.

— Хорошо. Я много наготовил.

Нора оперлась о столешницу и наблюдала за мной.

— Кто научил тебя готовить?

— Я сам научился, когда мама умерла. — Я протянул ей ложку соуса к курице. — Вот, попробуй.

Ее глаза расширились от удивления.

— Слишком соленый?

— Нет, идеальный.

Я отнес угощение на стол. Все два года, что я прожил в этом доме, я ни разу не пользовался диммером, чтобы убавить свет в столовой, но теперь, прежде чем сесть напротив Норы, я убавил свет, добился интимного освещения.

Впервые я увидел, как она ест. Хотя она не ела, а *поглощала* все, что лежало у нее на тарелке: курицу, картошку, фасоль, два куска багета, который я чуть не выложил из тележки в магазине, потому что решил, что она его не будет есть. Чем больше она ела, тем шире улыбалась и тем счастливей я себя чувствовал.

Она рассказала мне, как прошел ее день. Большая группа женщин-байкерш зашла в ресторан на бранч, их было так много, что ей пришлось принести из подсобки складные стулья. После байкерш, правда, наступило затишье. Потом Нора проверила свою электронную почту и обнаружила там персональный отказ от устроителей музыкального фестиваля в Сан-Франциско. Письмо привело ее в восторг, что несколько сбило меня с толку, пока она не объяснила, что отказы обычно приходят шаблонные, а тут было настоя-

щее письмо со словами поддержки, и это для нее было очень важно. Это письмо, как ни странно, вернуло ей веру в свои силы.

— А у тебя как дела? — спросила она.

— У меня был обычный день, — ответил я.

Я старался не думать о работе. Женщина из Твентинайн-Палмс позвонила в полицию и сообщила, что сын ударил ножом ее собаку породы чихуахуа и что она боится, что он снова это сделает. Когда я приехал к дому этой женщины, она сидела во дворе и баюкала собаку на руках, как младенца, задние лапы были обмотаны синим бинтом. Она сказала, что ее сын сидит у себя в комнате и слушает музыку, если это можно назвать музыкой, и что он безработный. Она повела меня внутрь, к комнате сына, по оливково-зеленому ковру, покрытому пятнами мочи. Парень вскочил, как только меня увидел.

— Ты что, вызвала полицию? — заорал он.

Добрых пятнадцать минут ушло на то, чтобы выяснить его версию событий. В результате он сообщил, что не трогал эту уродскую чихуахуа и что, скорее всего, она поранила лапу, наступив на бритву, которых полно в доме, а мать бросает их где попало.

— Оглянись вокруг. Как тебе кажется, здесь

чисто? — спросил парень.

— Порезался о бритву? — фыркнула мать. — Но я не пользуюсь бритвой. Мне-то бриться не надо.

Они ругались, а я наблюдал за ними и ждал. Трудно было не заметить, какие худые руки у сына, какие расширенные у него зрачки, как он подергивает кистями во время разговора. И действительно, личный досмотр дал результат: несколько унций метамфетамина. Но как только я арестовал парня, мать бросилась умолять отпустить ее сына. Она рыдала и угрожала и шла вслед за мной к патрульной машине со скулящим чихуахуа на руках. Я посадил парня в машину, и пес внезапно ожил, оскалился и защелкал челюстями, попытался укусить меня. Я сказал женщине придержать чихуахуа, но вместо этого она отпустила собаку, и пес бросился на окно машины, а потом съехал вниз на землю, царапая обшивку. Все это время он злобно гавкал.

— Какой-то абсурд, — сказала Нора.

— Так и бывает обычно, — ответил я. — Абсурдное кажется обыденным, а обыденное — абсурдным. А теперь десерт?

Я достал из духовки противень с шоколадными брауни. Прежде чем подать их на стол, я добавил на каждое пирожное немного взбитых сливок.

Неплохо, подумал я, и к тому же с легким привкусом ванили. Но Нора не стала есть свою порцию.

— Ты не любишь брауни?

— Люблю, но я уже наелась, — сказала она, похлопав себя по животу. — Если съем что-нибудь еще, осядет на бедрах.

Я засмеялся, но потом понял, что она говорит серьезно.

— Иди сюда на минутку, — сказал я, отодвигая стул, чтобы она могла сесть ко мне на колени. Я прижал ее к себе и провел рукой по ее ногам и бедрам. — У тебя красивые бедра. — Я положил руку ей на грудь. — Но больше всего в тебе мне нравится это.

— Моя грудь?

— Твое сердце.

Наше глаза встретились, и она отвернулась.

— Не говори таких вещей, Джереми.

— Почему?

— Это все усложняет.

— Все и так уже сложно.

Снаружи сверчки исполняли ночную серенаду, я услышал их только теперь, когда ждал, что она мне ответит. Когда она наконец снова повернулась ко мне, я заметил, что она смотрит на меня как-то по-новому. Что-то изменилось в этот мо-

мент. Я наклонился к изгибу ее шеи, но тут кто-то позвонил в дверь, и я пошел открывать.

— Чувак! Что случилось? Ты опоздал.

На пороге стоял Фиерро в футболке, джинсах и бейсболке, в которой обычно ходил в тир. Я разозлился на него за то, что он испортил мне ужин с Норой, на себя — за то, что обещал ему пойти в тир, и снова на него — за то, что он не забыл об этом моем обещании.

— Черт, у меня вылетело из головы.

Я так и стоял на пороге, но он обошел меня и вошел в дом, сразу же уловив запах еды и цветов и женское присутствие. Я пошел в столовую вслед за ним, странный комок образовался у меня в груди. Плавным движением Нора встала из-за стола и подтянула бретельку платья, которая сползла с ее плеча.

— Не знал, что ты не один, — сказал Фиерро.

Нора улыбнулась Фиерро, Фиерро улыбнулся Норе, и оба посмотрели на меня.

— Извините, — сказал я. — Нора, это Брайан Фиерро. Брайан, это Нора Геррауи.

— Приятно познакомиться, — сказала Нора и протянула руку.

— И мне приятно.

— Классная футболка.

— Тебе нравятся «Кайас»? — ухмыльнулся Фиерро. — Я их обожаю. Пару лет назад я был на концерте Джоша Хомме в Палм-Спрингс. Он был великолепен. Хочу сходить еще раз, когда он приедет в Вегас в октябре.

— Может быть, завтра вечером в тир сходим? — предложил я.

— Ты когда-нибудь была на концерте Хомме? — спросил Фиерро.

— Нет, — ответила Нора, — но не сомневаюсь, что он замечательный.

— Да он просто отпад!

— Я где-то читала, что у него новая группа с Джоном Полом Джонсом.

— Верно, два года назад они выступали на фестивале «Коачелла».

— Да послушай, наконец. Мы можем сходить в тир завтра.

Фиерро раздраженно повернулся ко мне:

— У них на вечер вторника специальное предложение. И еще я хотел опробовать свой новый «глок».

— Все нормально, — сказала Нора, взяв сумочку. — Я как раз собиралась уходить.

Но я не хотел, чтобы она уходила. Я хотел, чтобы она осталась, говорила со мной, провела со мной

ночь и прижималась ко мне во сне. Я хотел, чтобы ушел Фиерро, чтобы он перестал постоянно ко мне цепляться и жил бы своей жизнью. Когда она вышла из дома, я вышел за ней и закрыл за собой дверь. На улице стало заметно прохладней, она дрожала в своем летнем платье.

— Прости, — сказал я. — Я совершенно о нем забыл.

— Да ничего страшного, правда.

— Точно?

— Абсолютно.

— Ты слушаешь «Кайас»?

Нора засмеялась:

— Что? Я просто старалась быть вежливой.

Я поцеловал ее на прощанье, а потом смотрел, как она садится в свой гибридный автомобиль и бесшумно выезжает с подъездной дорожки. Когда я вернулся в дом, то увидел, что Фиерро стоит у раковины и жует куриную ногу, которую он стащил прямо со сковородки. Я сполоснул тарелки и начал загружать их в посудомоечную машину, привычно передвигаясь на своей узкой кухне.

Фиерро отвернулся от раковины.

— Чувак, отпадная деваха! Где ты ее подцепил? Точно не в спортзале. Я никогда ее там не видел.

— Я не подцеплял ее. Давай сходим в «Шомпол

и ружье». Я не хочу сегодня ехать в Твентинайн-Палмс.

— Она тебя подцепила? Уау!

— Никто никого не подцеплял. В «Шомпол и ружье»?

— Они рано закрываются. Она мексиканка?

— Нет, тогда пойдем в «Пистолет и винтовку».

— Ага. Она похожа на мексиканку.

— Но она не мексиканка.

— А кто же тогда?

— Марокканка.

— Марокканка, — повторил он так, будто в первый раз произносил это слово. — Ты трахнул ее?

В любой другой ситуации я бы сказал: «Да». Я не прочь похвастаться. В глубине души я был все тем же толстым семнадцатилетним парнем, который не нравился ни одной девушке, и одновременно — подтянутым девятнадцатилетним солдатом, вернувшимся домой в отпуск, на которого девушки вдруг начали обращать внимание. Да, блин, конечно, сказал бы я. Я трахнул ее прямо здесь, на столе. Дважды. Ты бы видел, какие у нее сиськи. Но Норой я хвастаться не мог. То, что происходило между нами, не было похоже на все мои остальные отношения. Это было что-то из прошлой жизни и из новой одновременно. Об этом

сложном моем чувстве мне не хотелось никому рассказывать, особенно Фиерро. Я отвернулся и начал протирать столешницы.

— Сейчас поедем в тир. Но сначала вымой руки. Не хочу, чтобы повсюду на кухне остались жирные отпечатки твоих лап.

Фиерро выдавил на ладонь немного средства для мытья посуды и открыл кран. Оглянувшись через плечо, он сказал:

— Только не говори, что ты сидел здесь с ней и болтал о книгах или еще о какой-нибудь ерунде. Скажи, что ты трахнул ее.

Я прошел мимо него в спальню, отпер дверь и достал пистолет. Когда я обернулся, в дверях стоял Фиерро. Он ухватился за турник в дверном проеме и пять раз подтянулся на нем, просто от нечего делать. Потом отпустил турник, глянул на меня и расплылся в широкой улыбке.

— Ты трахнул ее, так ведь? Молодец! — Он одобрительно похлопал меня по руке. — А теперь пойдем постреляем.

* * *

Оказалось, что многим хотелось воспользоваться специальным предложением во вторник вечером; тир был переполнен, нам пришлось

ждать своей очереди. Флуоресцентные лампы отбрасывали желтые блики на виниловый пол, в воздухе висел запах мужского пота, оружия и искусственного напряжения. По громкоговорителю объявили, что освободилась мишень для Кейси. Фиерро хрустел костяшками пальцев, пока мы ждали, а я откинулся на спинку сиденья и думал о том, как быстро Нора решила уйти, как только узнала, что я собираюсь в тир. Честно говоря, я даже представить ее не мог в подобном месте.

— Я тебе говорил, что в прошлые выходные Джонни застукали за мастурбацией в отделе полотенец? — вдруг спросил Фиерро. — Его уволили. Значит, Декстер станет директором. Значит, я стану начальником отдела.

— Тебя повысили?

— Похоже на то. Они могли бы назначить Фрэнка на эту работу, но выбрали меня. Даже не знаю почему.

— Это неважно. Когда случается что-то хорошее, не спрашивай, почему это случилось. Просто радуйся. Поздравляю.

— Спасибо, друг. Спасибо за поддержку.

— Видишь, не зря ты ходишь в группу психологической поддержки.

Фиерро тихо присвистнул — странная манера,

которую он перенял у Флетчера. Через минуту он снова повернулся ко мне.

— А я тебе говорил, что получил весточку от сержанта? Он теперь занимается пчеловодством.

— Пчеловодством? — переспросил я скорей с удивлением, чем с интересом.

— Ага. У него дом где-то рядом с Уэйнсборо. Кажется, у него все хорошо.

Фиерро искренне восхищался сержантом Флетчером. Так же, как и я сначала. В первый раз я увидел его солнечным январским утром, он стоял, уперев руки в бока, и ждал, когда мы построимся. У него были тонкие черты лица — карие глаза, маленький нос, идеальный зубы, — которые казались неуместными в казарме, полной мужиков, изо всех сил старающихся выглядеть крутыми. Он всегда оставался спокойным. Никогда не выходил из себя, даже не повышал голоса. Флетчер был из округа Фэрфакс, штат Вирджиния. Это место, где дети ходят на уроки фехтования, занимаются с репетиторами по математике и посещают экскурсии в ботаническом саду. Отец — врач, мать — юрист. Никто не знал, что́ его занесло в морскую пехоту. Ходили какие-то сплетни о драке старшеклассников в загородном клубе, но мне они казались просто сплетнями. Он уже служил

в Афганистане, а теперь оказался в Ираке с тремя нашивками на правом рукаве. Поначалу он держался отстраненно, то ли из-за воспитания, то ли из-за пережитого опыта, не знаю. Он стал еще более замкнутым, когда произошли перестановки в руководстве и командовать взводом назначили лейтенанта Картера. Лейтенант оказался полной противоположностью Флетчера: простой, веселый, общительный, всегда готовый поиграть с ребятами в «Halo» или «Call of Duty» после возвращения на базу. И он никогда не расстраивался, даже когда проигрывал.

Однажды лейтенант объявил, что нам нужно проверить явку в окрестностях Рамади. Оказалось, что это ферма, земля вокруг которой была почти бесплодна, три тощие козы упрямо паслись на небольшом участке желтой травы. У сержанта Флетчера опыта было больше, поэтому, когда он предложил пойти, взяв с собой еще двоих и переводчика, чтобы поговорить с хозяином фермы, лейтенант согласился. Воздух был горячим и неподвижным. Солдаты ждали, время от времени прикладываясь к флягам. Через полчаса машины так нагрелись, что все испытали большое облегчение, когда лейтенант приказал выйти из них и начать поиски. Мы с Пересом и Сэнгером обо-

гнули ферму и пошли к колодцу. Старый трактор лежал на боку, задрав колеса в воздух и собирая пыль. Тут и там валялись сельскохозяйственные инструменты.

С эвкалипта неподалеку внезапно донеслось хлопанье птичьих крыльев. Я инстинктивно посмотрел вверх. Следующее, что я помню, это как я соскальзываю куда-то вниз, в темную яму, вместе с грязью, брезентом и ветками, и приземляюсь на чье-то тело всем весом своего бронежилета. Только это было не тело, это был живой человек. Я встретился с ним взглядом и удивился тому, что он смотрит на меня с таким же страхом, как и я на него. Запах пота ударил мне в ноздри. Несмотря на вопли Сэнгера и Переса, доносившиеся сверху, я отчетливо услышал щелчок взводимого курка, а потом, спустя секунду, растянувшуюся в вечность, на свое счастье, услышал другой звук — пистолет дал осечку.

Дальше события развивались стремительно: Сэнгер прыгнул в яму и помог мне надеть наручники на подозреваемого, Перес позвал дока Джонса, но я мог думать только о том, что только что чуть не умер, а мне ведь еще не исполнилось и двадцати, я не успел еще ни прогуляться по Большому каньону, ни увидеть Эмпайр-стейт-

билдинг, ни даже прокатиться на стеклянном лифте, чего мне всегда хотелось. Не прошло и девятнадцати дней, как я попал в Ирак. Меня поразила внезапная мысль о том, что такой вот и будет моя жизнь в обозримом будущем. Позже, когда док Джонс осматривал мое колено, я видел, как сержант Флетчер отвел лейтенанта в сторону.

— Сэр, не было необходимости посылать ребят на разведку. Фермер с нами сотрудничал, он рассказал о тайнике.

— Никто не пострадал, — ответил лейтенант.

— В этот раз.

— В следующий раз подождем, когда вы закончите переговоры.

— Да, сэр, — сказал сержант Флетчер, но тон, с которым он это произнес, звучал угрожающе. «Попробуй только снова так ошибиться, идиот» — вот что он сказал на самом деле. Лейтенант отвернулся, поправил наушники и сказал, что мы должны быть готовы двигаться дальше. Лейтенант подошел ко мне, я сидел на земле вместе с доком Джонсом.

— Как колено, Горецки?

— Воспаление, — ответил док Джонс. — Я дам ему немного мотрина, но день или два ему лучше

не напрягать колено.

— Похоже, ты заработал себе небольшой отпуск, — улыбнулся Флетчер.

Я кивнул, хотя не мог избавиться от чувства, что случайность спасла мне жизнь. Случайная осечка. Не мог я забыть и того, что из-за лейтенанта я оказался в этой яме. Все, что раньше мне в нем нравилось, теперь меня раздражало. Его шутки. Его игры. Как он старался, чтобы все во взводе знали, что он закончил Дьюкский университет. Не было никакого изящества в его хвастовстве. И вот еще что: лейтенант очень любил выстраивать взвод в экипировке на солнце и долго разглагольствовать о задачах на день, даже если они были совсем простыми. Я поймал себя на том, что жалею, что не сержант Флетчер командир взвода. Флетчер был умен, осторожен и заботился о солдатах, как о своих детях. Даже сейчас я иногда думаю о нем именно так.

Как об отце.

Вот почему то, что произошло потом, оказалось для меня таким болезненным.

Наконец нас пригласили к восьмой мишени. Я привычно сжимал в руке холодный и тяжелый пистолет. Несколько раз попал в десятку. Я всегда хорошо стрелял. В учебке именно результаты по

стрельбе придавали мне уверенности, в то время как изнурительные физические тренировки почти лишали меня ее. Ничто не сравнится с приливом адреналина перед выстрелом, с холодным спокойствием, возникающим после него, с ощущением уверенности хоть в чем-то в этом ненадежном и нестабильном мире.

В машине Фиерро сказал, что ему так понравился его новый «глок», что, наверное, он подарит такой же младшему брату на Рождество. Мы ехали молча, слушали радио. Фиерро кашлянул несколько раз в кулак и сказал:

— Чувак, я, кажется, заболеваю.

Потом мы попрощались, пожали друг другу руки, пихнули друг друга в плечо и договорились созвониться через несколько дней. Когда я зашел в дом, в прихожей меня встретил аромат пионов и шоколада. Я положил пистолет в сейф и снова вышел.

* * *

Свет на крыльце домика был выключен. Я дернул за ручку двери, она оказалась не заперта. Нора спала на диване, подложив под щеку руку. Она выглядела такой умиротворенной и хрупкой, что я начал сомневаться, стоит ли ее будить. Я

погладил большим пальцем изгиб ее ступни. Она шевельнулась и растерянно взглянула на меня, я опустился рядом с ней на колени.

— Ты зря дверь не запираешь. Это опасно.

— Наверное, я заснула, — сказала она, удивленно приподнявшись. Бретелька платья соскользнула с ее плеча, обнажив одну грудь.

Я наклонился, чтобы поцеловать ее. Листки нот, лежавшие у нее на животе, соскользнули на пол. Пометки, сделанные черной ручкой, змеились между строк и по полям страниц. Она подняла ноты и аккуратно сложила на коленях, нежно, словно это были не листки бумаги, а маленький ребенок.

— Ну что, — сказала она, и я сразу же понял, о чем она собирается спросить. — Часто ходишь в тир пострелять?

— Я полицейский, Нора.

— Знаю. А если бы ты не был полицейским, ты бы хранил у себя пистолет?

— Может быть.

— Зачем?

— Для защиты.

— От кого?

— От людей, которые заходят в дом без стука, — пошутил я.

Она ждала от меня объяснений, но я не хотел говорить об оружии, боялся, что это приведет к разговору о войне. А мне не хотелось говорить о войне. Поэтому я указал на ноты, которые она подняла с пола, и заговорил о другом.

— Можно послушать? — спросил я.

— Хочешь послушать?

Я нашел в Интернете два ее произведения, одно в классическом стиле, другое в джазовом, оба мне понравились. Но Нора написала их три года назад, и мне было интересно, над чем она работает сейчас.

— Да, конечно.

Нора колебалось.

— Работа еще не закончена.

— Все равно интересно.

Она потянулась и зевнула, потом пошла в ванную почистить зубы. Минуту я постоял в дверях, потом подошел и встал рядом с ней. Затирка вокруг раковины, которую я обновил накануне, ярко выделялась на фоне потертой розовой плитки. Нора не хотела, чтобы я с этим возился, согласилась только после того, как я объяснил, что от плохой затирки может испортиться стена. Я провел по затирке пальцем; она высохла, и раковина теперь выглядела лучше.

— Ну что, закончим разговор? — спросил я.

— Какой разговор?

— Тот, который оборвался из-за появления Фиерро.

Оценивающе, внимательно она посмотрела на меня сквозь зеркало. Так же она смотрела этим вечером, до того как пришел Фиерро. Она прополоскала рот, положила зубную щетку в пластиковый стаканчик рядом с краном и замерла. Такая неподвижная. Непреклонная. Я просунул палец под бретельку ее платья и стянул ее с плеча. Я прижался губами к ее коже, и волна грусти захлестнула меня; это все, что я когда-либо смогу получить от нее, и ничего больше. Я уже представлял, как все это закончится. Надо наслаждаться отношениями с Норой, пока она рядом.

Тут она повернулась ко мне.

— Ты правда хочешь послушать мое сочинение?

В ее голосе слышался вызов. На самом деле она спрашивала меня о другом: она спрашивала, действительно ли я готов к тому, чего, по моим словам, хочу. Снаружи от порыва ветра зазвенел колокольчик. Горлица проворковала что-то в ответ ему.

— Да, — сказал я, — конечно.

Она подошла к ноутбуку и начала листать файлы, пока не нашла нужный. Зазвучала музыка, я сел на диван и закрыл глаза. Меня тронуло не только то, как красиво звучала пьеса, но и то, с какой легкостью Нора открыла мне свое сердце. Она не хотела ничего скрывать, и меня пугала мысль, что когда-нибудь она захочет такой же откровенности и от меня.

Андерсон

Конечно, это был несчастный случай. Дочь погибшего пыталась представить все так, будто произошедшее — не случайность. Некоторых даже взбудоражила, но она здесь не жила и ничего не понимала. Это несчастный случай. Прискорбный и трагический, как сказала адвокат. Я даже не собирался нанимать адвоката, но Хелен настояла, не доверяла полиции, и, видимо, была права. Я был рад, что нас защищает мисс Перри, хотя мы с трудом могли оплатить ее услуги. Чего я никак не могу понять, так это то, что́ парень делал на перекрестке в такую темень? Главная проблема в том, что нужно, в конце концов, поставить светофор и фонари на этом шоссе. Бессмысленно обвинять людей, когда они, по сути, ни в чем не виноваты. Произошел несчастный случай. Почему некоторым это так трудно понять?

После того как адвокат рассказала мне о безумных обвинениях дочери, я решил, что нужно зайти в ресторан и все ей объяснить. Мисс Перри отговорила меня, сказала, что такой мой поступок создаст впечатление, что я в чем-то виноват.

И я не пошел в ресторан. Я хотел поступить правильно.

В прежние времена люди были другими. Я помню один несчастный случай, который произошел в 75-м или 76-м году, через пару лет после того, как мы с Хелен открыли боулинг, и все тогда закончилось не так, как сейчас. Это произошло во время специальной программы, которую мы устраивали в клубе, под названием «В кругу семьи». Мероприятие происходило по четвергам с трех до шести. Мы вывешивали названия специальных предложений на доске у входа. Однажды пришла семья с шестью детьми.

— Думаю, вам стоит арендовать две дорожки, — сказал я отцу.

У него были густые усы по моде тех лет, и он выглядел так молодо, что трудно было поверить, что у него уже шестеро детей. Но он и слышать не хотел о том, чтобы платить за две дорожки. Вместе с женой и всем своим семейством он устроился на восьмой дорожке. Им потребовалось много времени, чтобы довести игру до конца, особенно учитывая то, что младшему ребенку было на вид около трех. И после них зона отдыха стала похожа на свинарник. На сиденьях валялись чипсы, хотя на вывеске перед входом было ясно написано,

что еду в зону для боулинга проносить нельзя.

В вестибюле уже ждали следующие игроки, поэтому я попросил привратника Грега поскорее убрать грязную дорожку. Он подметал пол и задел метлой барьер вдоль дорожки. Барьер упал, и Грег, не подумав, попытался поднять его ногой, но тот снова упал уже ему на ногу и разрезал ботинок. Грег был большим, крепким парнем из Морено-Вэлли. И все же боль была такой сильной, что он потерял сознание. Я подбежал к нему, помог подняться, а Хелен принесла воды со льдом. Мы отвезли его в больницу «Хай-Дезерт мемориал» в Юкка-Вэлли и ждали вместе с ним, что скажет доктор. В те времена не было таких технологий, как сейчас, и он потерял два пальца на левой ноге. Грег оказался молодцом и вернулся на работу через пару недель. Мы повесили новые таблички о том, что в зону боулинга нельзя проносить еду, и строго следили за соблюдением правил безопасности. Но тогда все понимали, что несчастные случаи иногда случаются. Мы не пытались винить других.

Город сильно изменился с тех пор. Нет больше семейных магазинов — ни бакалеи Хардести, ни спорттоваров Стили, только сетевые. У нас даже «Старбакс» есть. Кто только сюда не переехал за

последние годы. Захожу в магазин и никого не узнаю. Раньше я все время встречал друзей, соседей или знакомых по церкви. Больше нет. Все так быстро меняется. Десять лет назад у нас тут еще можно было наслаждаться тишиной и покоем, а теперь полно туристов, повсюду их машины, стоят друг за другом в очереди в национальный парк, слышны вопли и шум из домов, которые они снимают. Бог знает, чем они там занимаются, не удивлюсь, если колются или курят травку. Некоторые скажут, что я должен быть благодарен, ведь благодаря туристам развивается мой бизнес, но мне кажется, что они до неузнаваемости меняют место, где я живу, и я не могу быть за это благодарным. Они не спрашивали, хотим ли мы их здесь видеть, просто приехали.

Коулман

Когда не хватает доказательств, я выстраиваю историю на основании тех немногих деталей, какие у меня есть, и проверяю, соответствует ли она действительности. Однажды в воскресенье я обнаружила Майлза на диване, прилипшего к своему смартфону, и сказала, что он может пригласить нового друга на ужин. Как только Брэндон написал, что придет, Майлз убрался у себя в комнате — застелил постель, собрал грязное белье, вынес мусор. Потом он полчаса принимал душ. Рэй, конечно же, ничего не заметил, он не отрывался от телевизора. В тот вечер играли «Лейкерс» — никакая страсть не сравнится со страстью истинного болельщика. Я почистила картошку, замариновала курицу и накрыла стол на четверых. Майлз вернулся в гостиную, весь пропахший «Олд спайс», я уронила вилку, чтобы Рэй хотя бы просто повернулся в нашу сторону. Но нет. У «Лейкерс» 78 очков, у «Наггетс» — 75.

Ровно в семь Брэндон позвонил в дверь. На нем была старая футболка и потертые брюки цвета хаки, но он все же попытался уложить непо-

слушные кудри гелем. Он поставил велосипед на подъездной дорожке рядом с моей машиной, и я заметила во флягодержателе бутылку со стикером с надписью: «Мужики выбирают велосипед».

— Миссис Коулман, спасибо за приглашение, — сказал Брэндон и вошел в дом.

— Не за что, — ответила я.

Рэй оторвался от баскетбола и встал с кресла, чтобы пожать руку гостю.

— Приветствую вас, молодой человек.

— Это Брэндон, — сказала я. — Он в том же классе, что и Майлз.

— Ага, — ответил Рэй, уже снова уставившись в экран.

Майлз протиснулся мимо меня.

— Хочешь поиграть в «Бэтлфилд» на «Иксбоксе»? — спросил он и увел Брэндона к себе в комнату.

Дверь за ними закрылась, Рэй вернулся в кресло, а я снова осталась одна.

Когда что-то тревожит меня, я стараюсь занять руки, просто чтобы не сойти с ума. Но я уже вычистила дом сверху донизу, идеи у меня кончились. Поэтому я просто сидела на диване рядом с Рэем и грызла ногти — привычка, от которой мне не

удалось избавиться, несмотря на бесконечное ворчание мужа по этому поводу. Когда баскетбол наконец закончился, я заправила салат и позвала мальчиков к столу. К счастью, «Лейкерс» выиграли, и Рэй пребывал в отличном настроении. Он взял кувшин с лимонадом и начал всем его разливать.

— Итак, Брэндон. Вы с Майлзом учитесь в одном классе?

— Нет, мистер Коулман. Мы с Майлзом не учимся вместе, мы по возрасту в одном классе.

— Ну да, ну да. Это я и имел в виду.

Мальчики наложили себе жареной картошки. Майлз взял бутылку с кетчупом, а банку с горчицей подвинул к тарелке Брэндона, хотя тот не просил его об этом.

— Брэндон, ты вырос в этом городе? — спросила я.

— Да, но родился я в Торрансе. Мама училась там и вернулась сюда, когда учеба закончилась.

— Что она изучала? — спросил Рэй.

— Гигиену полости рта, — сказал Брэндон, и тут же они с Майлзом начали хохотать над чем-то, что было понятно только им. Как только один из них останавливался, начинал хохотать другой.

Я так давно не слышала, как Майлз смеется,

что хохот мальчишек очень меня обрадовал, я захихикала вместе с ними.

— А что в этом смешного? — спросила я.

— Ничего, мам, — ответил Майлз.

Что ж, хотя бы он снова называет меня мамой. Это было уже что-то, хоть он по-прежнему держался отстраненно и не хотел объяснять мне смысл шутки. Тринадцать лет я провела рядом с ним, и было бы мучительно обнаружить, что я не в состоянии пробить новый щит, которым он отгородился от меня. Я ковыряла курицу в тарелке и ждала, что Рэй что-нибудь скажет, но он только медленно и многозначительно покачал головой.

Позже тем же вечером, когда мы ложились спать, я спросила, что он думает про Брэндона.

— Все люди разные, — сказал он. У мужа была раздражающая привычка прибегать к народной мудрости, когда он не знал, что сказать.

Что бы случилось, если бы я сказала ему, что Брэндон был не просто другом Майлзу? Несколько лет назад Рэй перестал общаться с двоюродной сестрой из Нью-Йорка после того, как она переехала к своей девушке. Хотя он всегда отрицал, что не общается с ней по этой причине.

— Просто она сильно изменилась после того, как поступила в аспирантуру, — объяснял он. —

Вот и все.

А теперь он притворяется, что не замечает того, что у него прямо под носом, и это казалось довольно странным, ведь он — такой внимательный отец. Это заставило меня усомниться в своей правоте. Возможно, и не на что обращать внимание? Может быть, я придаю слишком большое значение мелочам. Майлз счастлив, насколько я могу судить. Разве что-то еще имело значение?

На следующий день я пришла на работу совершенно измотанной из-за недосыпа. Я выпила большую чашку кофе в комнате для совещаний и попыталась сосредоточиться на ежедневных отчетах.

Васко был в прекрасном настроении. Пресса положительно писала о работе полиции в связи со спасением брошенного ребенка, и, похоже, инцидент с Боуденом больше никого не интересовал. Когда мы выходили из конференц-зала, он спросил меня, какие подвижки в деле со сбитым человеком. Я правдиво ответила ему, что не могу найти веских доказательств, что это предумышленное убийство, и что расследовать это дело как убийство не получается.

— Вот и прекрасно, — обрадовался он. — Пора двигаться дальше.

Я вернулась к столу, ответила на несколько электронных писем и попыталась разобраться с документами. В кабинете Мёрфи, дальше по коридору, завизжала эспрессо-машина. Заметил ли он что-нибудь в поведении мальчиков? Если и заметил, то не подал виду. Когда утром мы столкнулись в комнате отдыха, он приветливо улыбнулся, но не заговорил со мной. Я уже собиралась поехать пообедать в «Сабвей», но тут мне позвонили из приемной и сообщили, что кто-то хочет поговорить со мной о деле Геррауи. Свидетель. После того, как почти месяц назад я дала объявление в газете и расклеила постеры по всему городу, десятки человек нам позвонили, но все эти звонки оказались бесполезными, да и в любом случае дело можно было уже считать закрытым. Поэтому я спустилась в приемную в раздраженном состоянии, почти не сомневаясь, что это будет очередной бессмысленный разговор. Пустая трата времени. Мистер Асевес встал так резко, что его шляпа упала с колен. Он поднял ее левой рукой, а правую протянул мне. Рядом с ним сидела миниатюрная женщина, которая представилась его женой.

— Я могу переводить то, что он говорит, — предложила она.

— В этом нет необходимости, — сказала я. — В нашем отделении есть люди, которые говорят по-испански.

Мой ответ их, похоже, разочаровал. Думаю, им не хотелось разлучаться. Я пригласила мистера Асевеса в допросную, он заковылял за мной с таким выражением лица, будто его вели на виселицу.

Эфраин

Мы сидели в маленькой серой комнате с задернутыми шторами на окнах. Еще там был специальный магнитофон, на который все записывалось, из-за чего я очень нервничал, но помощник шерифа, которого позвали переводить то, что я говорю, — жутковатый чувак с вьющимися волосами и брекетами на зубах — сказал, что это нормально.

— El protocolo[47], — сказал он и спросил, не хочу ли я воды или кофе.

Я отказался. Мне не терпелось поскорей покончить с этим, описать то, что я видел той ночью, и уйти. Поэтому я рассказал все, что помнил.

— Я ехал на велосипеде по Шестьдесят второму шоссе, возвращался домой после работы, и тут с заднего колеса соскочила цепь.

Я рассказывал детективу Коулман, которая сидела напротив, но приходилось делать паузы и ждать, пока помощник шерифа переведет.

Странный способ рассказать историю: делаешь паузы после каждой фразы, ждешь, когда ее пе-

---

[47] Примечания: 47
Таков порядок *(исп.)*.

реведут на другой язык. Хотя с таким неспешным темпом мне было легче вспомнить все детали. В каком-то смысле я был даже рад, что шла запись, потому что, как только мои слова запишутся на пленку, я смогу наконец их забыть. Именно этого я и хотел. Позабыть обо всем этом. Я больше не мог выносить постоянного присутствия Герреро в моей жизни, и так же последние несколько недель на меня давило молчание Мариселы. Хоть жена больше и не говорила со мной о несчастном случае, я знал, что она хочет, чтобы я все рассказал полиции, и было невыносимо улавливать в ее глазах разочарование, день за днем. Мне хотелось, чтобы все стало как прежде.

Как только я закончил рассказ, детектив заставила меня рассказать его сначала, только на этот раз она постоянно перебивала, задавала вопросы, как будто хотела меня запутать, ну или так мне показалось, потому что тон ее был довольно воинственный.

— Так, вы ехали на восток или на запад по Шестьдесят второму шоссе?

— На восток, — ответил я.

— Далеко вы были от перекрестка, когда остановились?

— В тридцати метрах. Может быть, в сорока.

— И что случилось после того, как машина сбила мистера Герраули?

— Машина повернула налево, на Чемеуэви, а человек скатился с капота и упал на тротуар.

— Вы не пытались ему помочь?

— Он не двигался, — сказал я, обернувшись к переводчику за поддержкой. — Он совсем не двигался. Я решил, что он мертв.

— Вы сказали, что несчастный случай произошел ровно в полдесятого. Откуда вы знаете, который был час? Часов, как я вижу, вы не носите.

— Не ношу. Но я ухожу с работы около девяти и обычно к десяти прихожу домой. Перекресток находится где-то на полпути между работой и квартирой, так что и решил, что это произошло примерно в полдесятого, но точно я не знаю.

— А какого цвета была машина?

— Серебристая, кажется.

— Марка и модель?

— Точно не скажу. Я видел машину только сбоку, когда она поворачивала на Чемеуэви. Седан с длинным капотом. Мне кажется, это был «форд».

— Мистер Асевес, вы прочли об этом в газете?

— В какой газете? Я ничего об этом не читал. Я только что видел похожую машину на парковке

у «Каса маркета».

— А стикер на боковом стекле, как он выглядел?

— Круглый и красный, как яблоко.

— В машине были пассажиры?

— Я не разглядел в ней пассажиров.

— А водителя разглядели?

— Нет, не особенно. Мне не удалось его разглядеть.

— Почему вы решили, что это *он,* а не она?

— Потому что на нем была бейсболка.

— А он сбавлял скорость?

Нет, он не сбавлял скорости. И я сразу же рассказал ей об этом, но она все равно постоянно переспрашивала и уточняла. Она попросила меня закрыть глаза и вернуться мысленно в ту ночь, постараться вспомнить, пытался ли водитель остановиться до того, как сбил Герреро, или после этого. Я снова сказал ей, что водитель не тормозил и не пытался остановиться. Скорее наоборот, он прибавил скорость. Именно это и заставило меня поднять голову от велосипеда — звук разгоняющейся машины.

— Когда он прибавил скорость?

— Когда?

— До того, как сбил жертву, или после?

— До.

— Вы уверены?

Я слышал, как машина набирает скорость, а потом звук удара.

— Да, — ответил я. — Он прибавил скорость до того, как сбил человека. Потом он резко повернул на Чемеуэви и умчался.

И она снова попросила меня начать сначала, пересказать заново то, что я только что рассказал. Когда я наконец выбрался из этой комнаты, был уже вечер, я был измотан. Я даже не был уверен, что чем-то помог расследованию, потому что детектив ничего мне об этом не сказала. Она сказала только, что со мной свяжутся из окружной прокуратуры, когда дело дойдет до суда.

Когда я вышел в приемную, Марисела встала.

— Ну, как прошло?

— Дело сделано, — сказал я. — Пойдем домой.

Я взял ее за руку и повел скорее вниз по лестнице к стеклянным дверям. Марисела отпросилась сегодня с работы, чтобы поддержать меня, но, когда мы вышли на улицу, я вдруг испугался, что зря втянул ее в эту историю. Несколько недель я страдал от чувства вины и мрачных опасений и до сих пор не освободился полностью ни от того, ни от другого. Если дело дойдет до суда, мне

снова придется вспоминать несчастный случай и рассказывать о нем перед всеми, а если даже суда не будет, мое имя останется где-то в полицейских архивах, и найти его будет проще простого.

— А что насчет вознаграждения? — спросила жена, коснувшись моей руки.

— Они сказали, что должны проверить, насколько верна моя информация.

У Мариселы вытянулось лицо. Наверное, она ожидала, что я выйду из полицейского участка с огромным чеком, по типу тех, которые вручаются везунчикам, выигравшим в лотерею, и только теперь до нее дошло, что потребуется несколько дней, а может, даже недель, чтобы получить эти деньги. И они будут знать, где нас найти. Мы прошли сквозь всю парковку, мимо здания суда Моронго-Бейсин и поднялись по улице к автобусной остановке.

День был пасмурный, но жара стояла невыносимая. Мы сидели вместе под навесом, обливались потом и ждали. Марисела сжала мою руку.

— Все наладится, — сказала она.

Она пыталась вселить в меня надежду, и я решил, что на этот раз поверю ей. Двадцать пять тысяч долларов — это огромные деньги, столько у нас никогда не было. Хватит, чтобы начать все

заново на новом месте, о котором не будет знать полиция и где она не сможет найти нас. Шоссе убегало вдаль на многие километры, из пустыни к океану. Нам нужно было только поехать по нему.

Нора

Я помогала Марти вешать баннер в честь Дня поминовения на витрину ресторана, когда позвонила детектив Коулман и сказала, что появился свидетель, работник мотеля, который ехал на велосипеде по шоссе ночью 28 апреля. Он упомянул красный стикер на стекле машины Бейкера, о котором газеты не писали, и рассказал, что водитель прибавил скорость, когда подъезжал к перекрестку, и потом снова прибавил скорость после того, как сбил отца. Это говорит о том, что водитель вполне осознавал, что кого-то сбил и что он виноват в том, что уехал с места происшествия. По ее словам, эти показания были первым убедительным доказательством того, что водитель сознательно пренебрег правилами.

Словосочетание «убедительное доказательство» вывело меня из себя. Тело моего отца, жалобы матери на Бейкера, записка о парковочных местах, написанная от руки, — все это оказалось недостаточно убедительным. Если бы не этот свидетель, дело бы просто растаяло, как дым. Слезы застилали мне глаза, пришлось

отойти от стремянки и сесть на бордюр, чтобы перевести дыхание. Теперь я постоянно ревела, это случалось даже тогда, когда мне не хотелось плакать. Я вытерла ладонью щеки и спросила:

— Значит, теперь вы сможете доказать, что Бейкер убил моего отца?

— Что он знал, что сбил человека.

— А доказать, что это было убийство, не сможете?

— Чтобы обвинить Бейкера в убийстве, нужны более серьезные улики. Думаю, окружной прокурор рассмотрит это дело как непредумышленное убийство в результате ДТП.

— Он не верит свидетелю?

— Я не знаю, кому он верит, не могу сказать. Но не стоит забывать, что на этом перекрестке нет уличного освещения, а мистеру Бейкеру семьдесят восемь лет. Не всем стоит садиться за руль в таком возрасте.

Некоторое время я молчала, пытаясь переварить то, что сказала мне детектив. Синий фургон въехал на парковку, оставив за собой густой шлейф выхлопных газов. Водитель не выключил двигатель, возился с чем-то на заднем сиденье. У меня за спиной звякнула дверь ресторана, и на улицу вышла женщина, она несла остатки еды в

пенопластовом контейнере.

— Послушайте, — сказала Коулман. — Я понимаю, что вы недовольны, честное слово. Но непредумышленное убийство в результате ДТП — это очень серьезное обвинение, и мы, возможно, не продвинулись бы так далеко, если бы вы не назначили вознаграждение. Вы сделали все, что могли.

Солнце взошло над пало-верде, растущим рядом с рестораном, его свет падал мне прямо на лицо. Последние пять недель каждый день начинался с одних и тех же мыслей, мучительных и неизменных: мой отец мертв, а его убийца на свободе. И вот в первый раз я могу подумать о том, что Бейкеру придется заплатить, хотя бы частично, за то, что он сделал.

— Его посадят?

— Возможно. Все зависит от присяжных.

А еще от того, что скажут в суде прокурор и адвокат.

— Можно мне хотя бы встретиться с этим свидетелем? — спросила я. — Я хочу поблагодарить его за то, что он дал показания.

— Я бы не советовала этого делать. Лучше подождать до суда.

— А как же вознаграждение?

— Если вы подпишете чек, мы ему передадим.

— Хорошо, — сказала я. — Спасибо за все, детектив.

Я встала и отряхнулась. Марти прошел мимо со стремянкой в руках и еще раз взглянул на баннер с надписью красными, белыми и синими буквами: «Счастливого Дня поминовения». Под поздравлением можно было прочесть просьбу или, скорее, наставление помнить тех, кто пожертвовал своей жизнью ради высокой цели. Скоро газеты начнут, как делают каждый год, чествовать американских солдат, а политики восхвалять их. В то время как мирные жители, погибшие в войнах, которые ведет Америка, удостоятся лишь молчания. Национальная память состоит из таких пробелов.

Но личная память борется против подобной подчистки. Я постаралась сделать все, чтобы показать, что мой отец не забыт. В «Закусочной» я сохранила все в точности так, как было при его жизни. Ежедневная рутина стала привычной. По утрам я открывала ресторан и делала все необходимое: настраивала кассовый аппарат, пополняла запасы бумажных полотенец в туалетах, заказывала в магазине электротоваров новые лампочки для кухни. Обедала я обычно за

стойкой. Во второй половине дня я возвращалась в домик, чтобы немного поспать, но сон мой прерывался курлыканьем горлицы, которая учила птенцов летать. Потом я наливала себе кофе и, наконец, садилась за пианино. Короче говоря, я пыталась любой ценой удержать прошлое. У мамы получалось лучше: она не пыталась бороться с болью и страхом, а просто принимала эти чувства, как принимают незваных гостей, понимая, что когда-нибудь, может быть очень не скоро, они уйдут. Эту силу она черпала в глубокой вере, в тот момент я ей завидовала. Сама я не могла похвастаться ничем, кроме сомнений.

Джереми

Нора ушла в ванную. Я поймал себя на том, что прислушиваюсь, не плачет ли она там. Но через мгновенье я услышал, как в туалете спустили воду и из крана полилась вода. Нора вернулась в спальню, на ней была одна из моих футболок. Она внимательно разглядывала мои книжные полки. Склонив голову набок, она читала имена авторов на корешках. Азимов. Брэдбери. Батлер. Кларк. Дик. Несколько месяцев назад, во время особо жестокого приступа бессонницы, я расставил все книги, музыку и фильмы в алфавитном порядке и по жанрам. В разгар бессонницы я мог читать по три романа в неделю. Я наблюдал, как она водит пальцем по дивиди-дискам с фильмами Терри Гиллиама, рассматривает маяк из папье-маше, который я сделал в начальной школе и так и не смог выбросить, хотя переезжал много раз. Потом она взяла коробку с фотографиями с полки рядом с кроватью.

— Оставь, — сказал я, приподнявшись на локте. — Уже поздно.

Она игриво подняла коробку так, чтобы я не

мог до нее дотянуться.

— Ладно, — сказал я через минуту. — Садись сюда.

Я похлопал по месту рядом с собой.

Фотографии не были разложены в каком-то определенном порядке; я просто побросал их в коробку, когда их накопилось слишком много. Она взяла первую фотографию — я в лагере Такаддум. Внезапно я увидел себя ее глазами. Захватчик. Оккупант. Империалист. Такие ярлыки я легко навешивал сам на себя, когда спорил с отцом или с другими ветеранами лично или на онлайн-форумах, куда заходил ночью, когда не мог уснуть. Но мне было бы сложно смириться с тем, что так меня называют другие люди, далекие от войны и всего, что мы там пережили. Она вынимала из коробки фотографии одну за другой, и я снова ощутил полуденную жару и сорок килограммов снаряжения на плечах. Вот я еду в «хамви», ремень на подбородке затянут так туго, что у меня выступила сыпь. А вот стою, прислонившись к стене казармы, глаза на загорелом лице кажутся совсем синими. Вот я на контрольно-пропускном пункте с оружием в руках.

— А что здесь написано? — спросила Нора, показав на большой знак на фонарном столбе

позади меня.

— Не знаю. Это был иракский знак, не наш. Ты не читаешь по-арабски?

— Никогда не изучала, но говорю вполне прилично.

Я протянул ей ладонь.

– *Эдик, мин фадлик*[48].

— Вы посмотрите на него! Они тебя этому на курсах подготовки научили?

Она протянула мне руку, и я торжественно поцеловал ее. Потом я прошептал ей на ухо:

– *Кифик, я суккар?*[49]

— Определенно ты научился этому не на курсах, — усмехнулась она.

— Наш шептун любил пококетничать. Он постоянно пытался разговорить женщину-суданку, которая работала у нас в прачечной.

— Шептун?

— Переводчик.

— У вас во взводе были женщины?

— Нет, но в других были.

— А арабы?

— Был один парень из Флориды. Хейдар. Он до

---

[48] Примечания: 48
Твою руку, пожалуйста *(араб.).*

[49] Примечания: 49
Как дела, моя сладкая? *(араб.)*

сих пор в Ираке.

Я обнял ее за талию, она прислонилась ко мне, и ее вес я ощущал как броню, в которую я теперь облачен.

— Сколько тебе здесь лет?

Эта фотография была сделана в столовой во время нашей первой командировки. Мы с Фиерро на ней широко улыбаемся, зубы вымазаны черничным джемом. Мы веселились, валяли дурака. Выглядим как идиоты.

— Девятнадцать.

— Девятнадцать! Боже мой.

Она долго разглядывала фотографию, потом переключилась на другую, на которой я и остальные бойцы подразделения стояли с винтовками M4 на плечах.

— Каково это — таскать такое с собой?

— Привыкаешь. Думаю, ко всему привыкаешь. Когда служба закончилась и у меня забрали винтовку, было ощущение, что не хватает одной руки. Потребовалось некоторое время, чтобы научиться ходить без нее.

Во дворе соседа залаяла собака. Немецкая овчарка. Дружелюбный щенок, я раньше играл с ним, но он нервничал каждый раз, когда слышал шум, даже если это было всего лишь щебетание

птицы или рев машины на улице. Нора взяла следующую фотографию, на которой мы стояли, щурясь на солнце, вокруг сержанта Флетчера.

«Хватит уже», — подумал я. Я закрыл коробку, бросил ее на тумбочку и выключил свет. Потом отвернулся к стене. В темноте я чувствовал, как она водит пальцем по шраму у меня на спине; он начинался на боку и змеился вверх к плечу, как дерево, клонящееся от ветра. Она провела рукой по линии черных точек, которые до сих пор время от времени раскрывались, выплевывая осколки. Я знал, что этот момент настанет. Знал, что она начнет расспрашивать меня о войне; все женщины, с которыми я был, так делали. В общих чертах я рассказывал им о своей жизни в Ираке, и их глаза расширялись от ужаса, они начинали целовать и ласкать меня, чтобы мне стало лучше. Это было несложно и срабатывало каждый раз. Но было в этом что-то фальшивое. Даже если мне удавалось продержаться с кем-нибудь из них дольше пары месяцев, выражение глаз этих женщин, в которых читалось, что я герой, отталкивало меня. Но в глазах Норы не было восхищения. Война настигла ее задолго до того, как я ушел воевать: кирпич, брошенный в окно отцовского магазина, нецензурное слово

на шкафчике в школе. Та история, которую я рассказывал другим, для Норы не подойдет, и я не был уверен, что вообще хочу рассказывать ей эту историю. Из-за нее у меня хуже получалось говорить о войне двумя голосами: тоскующим — так я говорил о войне с приятелями и печальным — этот голос я приберегал для девушек. Для Норы ни то, ни другое не подходило.

Снаружи снова залаял пес, хотя тишина была полной, ничто не нарушало ее. Лай спугнул цикад, но через минуту они снова запели, а после к их пению присоединилось уханье совы. Я встал, чтобы закрыть окно, а потом выравнивал и поправлял затемняющие шторы, пока не добился идеального результата. И пока это делал, старался не смотреть на Нору.

— Пожалуй, приму ванну, — сказал я. — Не получается заснуть из-за дурацкого лая.

Я забрался в ванную и ждал, пока она наполнится, повернув ногой кран так, чтобы лилась вода погорячее. Когда тебя спрашивают о войне, приходится вспоминать ее снова, а вспоминать войну — значит заново переживать ее. Одно дело, когда воспоминания возникают непроизвольно, как в тот раз на заправке в Риверсайде: исходящий от продавца аромат туалетной воды так

быстро перенес меня на многолюдную рыночную площадь Анбара, что я чуть не сложился пополам от внезапной боли. Но преднамеренное пробуждение воспоминаний — это совсем другое. Дверь со скрипом отворилась, и Нора опустилась на колени у бортика ванны. Она провела пальцем по моей татуировке, по шраму на боку, по царапинам, которые сама же и оставила, когда мы занимались любовью. Я знал, что все эти следы на моем теле она хотела бы расшифровать, сложить из них историю, но это всегда будет неполная история. Слишком рискованно было бы рассказать ей все, я и так осуждал себя каждый день.

— Ты идешь спать? — спросила она.

— Через минуту, — сказал я, избегая ее взгляда.

Нора вышла, а я остался в ванной. Может быть, не надо превращать в историю свои воспоминания о войне, может, стоит рассказывать о ней фрагментами, отдельными кусками, которые всплывали перед глазами иногда поздно ночью, когда я не мог заснуть. Иногда эти кусочки вспоминались последовательно, иногда беспорядочно, а когда они начинали напоминать переживание заново, я останавливался. Вода в ванной стала неприятно холодной, я дрожал, пока вытирался. Полностью одетая Нора сидела в

темноте на кровати. На ней была голубая блузка и льняная юбка — наряд, в котором она ужинала в итальянском ресторане в Палм-Спрингс, куда мы недавно ходили.

— Ты уходишь? — спросил я.

— Мне показалось, что тебе хочется побыть одному, — ответила она, засовывая ноги в туфли. Она потянулась за часами, лежавшими на тумбочке, и встала. В тишине щелкнула застежка. — Да и вообще, уже очень поздно.

— Не уходи, — сказал я, пересекая комнату в полоске света, падавшем из приоткрытой двери ванной. — Пожалуйста. Останься.

Я стоял перед ней голый и замерший, она замерла на мгновенье, а потом сняла туфли и легла обратно на кровать. Я лег рядом, обняв ее за бедра и прижавшись коленями к ее коленям, и впитывал ее тепло. Потом я заговорил, хотя скорее зашептал. Через месяц после начала нашей второй командировки сержант Флетчер получил информацию о местонахождении снайпера, который убил одного из наших парней и ранил четверых. Стрелком он был настолько искусным, что все мы предполагали, что, скорее всего, он прошел подготовку в иракской армии. Нам сообщили, что цель укрывается в многоквартирном

доме на восточной окраине Рамади. Мы выехали в четыре утра, когда все вокруг было окутано тьмой, а в воздухе чувствовалась прохлада. Первым вылез из машины Перес, все звали его Чуи из-за рыжих волос и усов. За ним вылезли остальные. Мы прошли, наверное, восемь или девять метров, и Перес подорвался на мине. Нашли от него только ногу, упавшую на капот нашего «хамви», и кишки, свисавшие с дерева. Сержант велел собрать все это в мешок, который потом отправили в Техас родным Переса для похорон.

Пару дней спустя сержант Флетчер поехал с нами к информатору, который навел его на снайпера, — бывшему сотруднику Министерства внутренних дел по имени Бадави. У него был красивый дом с синей отделкой на окнах и пристройкой над кухней. Кухню отремонтировать до конца он еще не успел. В коридоре пахло подгоревшим хлебом — этот запах мне до сих пор снится, — а в самом доме были только жена Бадави и его дети. Жена несколько раз подавала нам чай, когда мы приезжали, но раньше с нами никогда не разговаривала. Флетчер спросил у нее, где муж, и она ответила, что не знает, что он не вернулся домой накануне вечером. На ней было зеленое домашнее платье с геометрическим

узором, а волосы она собрала в косынку и завязала ее на затылке. Дети на полу играли в карты — морпехи часто приходили в этот дом, и они не обращали на нас внимания, — но женщина с трудом скрывала свое презрение к нам. Ее глаза были полны осуждения. На каждый вопрос, который задавал Флетчер, она отвечала коротким «да» или «нет».

— Может, она не может говорить при детях, — предположил Флетчер.

Он увел ее в заднюю комнату, а мы с Фиерро остались в гостиной присматривать за детьми. Они играли в какую-то странную, незнакомую мне игру, и я внимательно следил за ней, пытался понять правила. Не прошло и десяти минут, как переводчик вышел из комнаты и прошел мимо нас к входной двери.

— Все? Уходим? — спросил Фиерро.

— Нет, моя помощь сержанту не нужна. Она говорит по-английски.

Мы с Фиерро ошеломленно переглянулись. Шесть месяцев мы ходили к этому информатору, и его жена ни разу не подала виду, что понимает нас. И теперь я задавался вопросом, не наговорили ли мы лишнего в ее присутствии, не выдали ли какие-то важные данные, которые, возможно,

были использованы против нас. Мы много чего говорили в ее присутствии и по поводу нее самой, непристойности всякие. Мы ведь не сомневались, что она не понимает нас. Из комнаты раздался звук, будто по полу волочили стул.

— Сержант? — окликнул я. Но ответа не последовало. Флетчер отключил наушники.

Я пошел по коридору, не выпуская детей из поля зрения. Телевизор был включен, по нему показывали документальный фильм о природе, и, несмотря на звук телевизора, я отчетливо услышал хлопок. Я хотел открыть дверь, но она сама распахнулась передо мной. На пороге стоял Флетчер, заслоняя собой дверной проем.

— Что случилось? — спросил я.

— Она пыталась дотянуться до моего пистолета.

Позади него на полу лежала женщина с пулевым отверстием в щеке, она захлебывалась собственной кровью. Я вошел в комнату, но она даже не посмотрела на меня, продолжая глядеть в одну точку на потолке. Через минуту она перестала двигаться. Всю обратную дорогу до лагеря я прокручивал в голове последовательность событий: все началось с убийства Переса и закончилось убийством жены Бадави. В этой истории,

как подсказывал мне инстинкт, был какой-то неправильный поворот, в какой-то момент мы ошиблись. Я попытался поговорить об этом с Фиерро, как только мы остались одни в казарме.

— Да какая, к черту, разница? — сказал он.

— Тебя не волнует то, что, возможно, она была ни в чем не виновата?

— Точно не скажешь.

— Точно не скажешь, что она что-то сделала.

— Один из наших парней погиб, а ты хочешь, чтобы я из-за какой-то бабы переживал? Спи уже.

На следующее утро я сел за завтраком рядом с Флетчером и заговорил с ним о том, что произошло ночью, но он в ответ только пожал плечами и сказал, что женщина буквально слетела с катушек, когда он заявил, что обязательно отыщет Бадави, сколько бы времени это ни заняло. После этого она попыталась выхватить у него оружие.

— И вы не сумели остановить ее? — спросил я. — Такую миниатюрную женщину?

— Я и остановил ее, — нахмурил брови сержант. — Что с тобой, Горецки? Подумай о том, в чем ты только что меня обвинил. Подумай хорошенько, тогда, может, увидишь все в другом свете.

Я бы никогда не сомневался в сержанте Флетчере, если бы остался там, где мне было приказано остаться, — в гостиной с Фиерро. Я бы ничего не увидел и не услышал. Но из любопытства я прошел четыре шага по коридору, и эти четыре шага заставили меня усомниться во всем. Флетчер не пытался выиграть войну, об этом следовало беспокоиться начальству. Он заботился только о защите своих парней. И он был готов мстить за них. Мои вопросы его явно разозлили — настолько, что он дал мне три дня наряда чистить сортиры. Целых три дня. Помню, как вытащил первую бадью, облил ее горючим, прежде чем поджечь, согнулся пополам, и меня стошнило.

— Как ее звали? — спросила Нора. — Женщину, которую убил Флетчер?

— Я не знаю. Он подал рапорт, но я его не видел.

В какой-то момент, пока я рассказывал ей все это, она повернулась ко мне. Каким-то образом получилось, что я совершенно не притворялся и не врал. Как будто она нашла нужный ключ, чтобы открыть старый, заржавевший сейф, и все его содержимое высыпалось наружу. Но я не мог понять, не зашел ли я слишком далеко, не рассказал ли слишком многое. Некоторое время мы

молчали. Потом она закрыла глаза, и мы лежали, обнявшись, до самого утра, пока она не встала, чтобы идти на работу.

Нора

Я возилась в подсобке с замком от аптечки, когда вошла Вероника с полупустым пакетом с одноразовыми стаканчиками. Она завязала его узлом и с легкостью закинула на верхнюю полку, куда он приземлился с громким хрустом, от которого у меня заныли зубы. У меня раскалывалась голова, а замок на аптечке не поддавался. Вероника с минуту наблюдала за моими тщетными попытками, а затем привычным движением вставила ключ в замок и открыла дверцу.

— Вот, — сказала она. — Просто замок иногда заедает.

— Спасибо, — поблагодарила я ее. В аптечке оказались антисептики во флаконах, мази с антибиотиком, бинты всех размеров и ни одного обезболивающего. — У нас нет ибупрофена?

— Наверное, кончился.

На стене рядом с аптечкой висела фотография в рамке, на которой был изображен персонал «Закусочной». Фотография была сделана лет двенадцать назад, в тот день, когда папа начал ресторанный бизнес. Марти с еще пышной ше-

велюрой держал меню, а юная торжественная Вероника в новой форме застенчиво улыбалась в камеру. Из кухни донесся звон стаканов, которые расставляли на подставку.

— Спросите у Рафи, — неожиданно злобно сказала Вероника. — Он постоянно отсюда что-нибудь таскает, может, он и забрал таблетки.

Она достала из кармана фартука пачку сигарет и зажигалку и вышла.

Я захлопнула аптечку. За эти несколько недель, работая в ресторане, я узнала о множестве мелких обид, которые работники таили друг на друга: Веронике не нравился Рафи, который был влюблен в Ренату, которая спала с Хосе, который считал, что Марти плетет против него интриги. Я не поспевала за ними. Я вернулась в зал, где завтракала семья с тремя маленькими детьми, малыш кричал, не хотел садиться на высокий стульчик. Голова раскалывалась.

Я налила себе кофе и села за стойку, чтобы выпить его. Мы с Джереми проболтали почти всю ночь, и я совсем мало спала. Не знаю, почему я провожу с ним столько времени. Он совсем не похож на того милого парня, с которым я дружила в старших классах; и он участвовал в жестокой войне, которую я ненавидела. После его рассказах

об ужасных вещах, которые он видел или совершил в Ираке, я чувствую себя так, будто тоже как-то замешана. Я не осознавала этого, пока не стало слишком поздно. Не знаю теперь, как мне вернуться назад, в прежнее состояние неведения. Не существует навигатора, который помог бы мне это сделать.

Позже тем же утром, когда я выносила мусор к контейнеру, к «Дезерт аркейд» подъехал синий универсал. У машины была разбита задняя фара, к заднему стеклу был прикреплен стикер с желтой ленточкой, а на бампере красовался стикер с надписью «Гордый родитель отличника». Из машины вышла семья из четырех человек. Папа, мама и две девочки.

— Мамочка, можно мне «Скиттлс» из автомата? — спросила старшая девочка.

Ее волосы были заплетены в косы и закреплены на затылке, что делало ее похожей на доярку. У младшей девочки волосы были темнее, и она шла следом, не отрывая глаз от комикса, который читала на ходу.

Счастливое семейство.

Они так мне понравились, что я пошла за ними, когда они зашли в боулинг. Потребовалось некоторое время, чтобы я смогла хоть что-то

разглядеть в тускло освещенном вестибюле. Все дальнюю стену занимала реклама пива «Будвайзер», ее давно никто не обновлял, цвета потускнели, а один из уголков облупился. Из стереосистемы на полной громкости звучал припев незнакомой мне поп-баллады. Огромный флаг висел над прилавком, у которого семья ждала, когда им выдадут обувь для боулинга. Когда они ушли играть на свою дорожку, служащий повернулся ко мне.

— Вам помочь?

Звук удара о кеглю привлек мое внимание к боулинг-зоне. На одной из дальних дорожек двое пожилых мужчин, с солнцезащитными очками, задранными на козырьки бейсболок, смотрели на экран, на котором демонстрировался результат игры. Семья из четырех человек только что устроилась на пятой дорожке, и отец вводил имена в автомат, в то время как мать помогала девочкам выбрать шары для боулинга.

— Вам помочь? — снова спросил служащий.

Я повернулась, чтобы сказать «нет», что уже ухожу, как вдруг рядом с киоском с едой увидела Эй-Джея. Он разговаривал по мобильному и не сводил с меня глаз. Он что, теперь работает в боулинге? Похоже на то, потому что на нем

была черная рубашка поло и бейджик с именем. Возможно, теперь он ведет бизнес своего отца, так же как я занимаюсь папиным рестораном. По коже побежали мурашки. «Ерунда, это просто кондиционер», — утешила я сама себя. Мне ведь не шестнадцать, я больше не боюсь Эй-Джея.

— Вам помочь?

— Да, — ответила я. — Я хочу купить игру.

— Ваш размер обуви?

— Тридцать девятый.

— Пожалуйста. Третья дорожка.

Я заплатила, забрала красно-синие кроссовки для боулинга и пошла на дорожку № 3. Носков на мне не было, а стельки у кроссовок оказались грубые и колючие. Плевать. Я завязала шнурки и встала. Почти все шары на стойке были для меня слишком тяжелыми, и я выбрала один по цвету, который мне больше всего понравился, — темно-красный. Я подошла к линии и бросила шар на дорожку. С громким стуком он скатился в желоб. Второй шар тоже не попал в цель, как и следующий, но я проявила настойчивость, и одну кеглю в конце концов мне сбить удалось.

— Нора.

Я обернулась и увидела Эй-Джея — он стоял всего в метре от меня. Его пристальный взгляд

пригвоздил меня к месту. Время остановилось. Мы как будто вновь оказались в том школьном коридоре. Я стою у своего шкафчика, на котором синими чернилами написано ругательное слово, а он смотрит на меня и обнимает Стейси Бриггс. Другие ученики торопливо проходят мимо, спешат в класс. Никто не решается подойти ко мне, произнести хоть слово в мою защиту.

— Ты делаешь все неправильно, — спокойно произнес Эй-Джей. — Нужно распрямить запястье. Давай покажу.

Он взял шар для боулинга и вложил его в мою руку, просунул в отверстия кончики моих пальцев, сначала большой, потом безымянный и средний. Твердые кромки больно царапали мне пальцы, и мне вдруг стало страшно и противно.

— Фокус в том, — продолжал Эй-Джей, схватив мою руку и изображая, что запускает шар, — чтобы держать руку прямо, иначе при броске траектория полета будет неправильной.

Он стоял так близко, что я чувствовала на шее его горячее дыхание. Сердце колотилось от страха. Мне удалось высвободиться из его хватки и со всей силой, на которую я только была способна, запустить шар по дорожке. Шар сбил четыре кегли.

— Видишь? Уже лучше, — сказал Эй-Джей.

Специальный механизм убрал упавшие кегли и вернул на место те, которые сбить не удалось. Эй-Джей взял новый шар, синий, шестикилограммовый. На секунду он прижал его к груди, а затем плавным, но сильным движением выбросил на дорожку. Оставшиеся кегли упали со стуком. Он повернулся ко мне.

— Вот так. — Потом он улыбнулся. — Приятной игры.

Я подождала, пока он уйдет, после чего кинулась к прилавку, надела свои ботинки и помчалась обратно в «Закусочную», где чувствовала себя в безопасности. Сердце так колотилось, что мне пришлось присесть на деревянную скамейку у входа. Там меня через минуту и нашла Вероника.

— У меня есть для вас кое-что, — сказал она, размахивая упаковкой ибупрофена.

— Ты просто чудо, — сказала я, забирая у нее лекарство и направляясь к стойке за стаканом воды.

— Рафи спрятал его в своем шкафчике.

— Не сомневаюсь, что он просто забыл вернуть его обратно в аптечку.

Вероника бросила на меня взгляд, в котором

читалось сожаление о моей глубокой наивности и надежда на то, что я когда-нибудь пойму, что к чему.

Эй-Джей

В этом городе мне негде было заниматься борьбой; во всяком случае, по-настоящему, поэтому свободное время я проводил со своими колли, Гордоном и Энни. Я гулял с ними, играл, учил, как избежать встречи с гремучей змеей или скорпионом. Иногда, вернувшись с работы, я выводил их на задний двор родительского дома и дрессировал. Я всерьез подумывал о том, чтобы поехать с ними на выставку, как когда-то ездили мы с мамой. Мне нравилось путешествовать с ней по разным частям Калифорнии, ухаживать за собаками и наблюдать, как они соревнуются. Мы были отличной командой: мама заполняла документы и общалась с хендлерами[50], заводчиками и судьями, а я ухаживал за колли и был рядом с ними до начала выступления.

Один раз мы поехали на конкурс во Фресно. Так далеко мы до этого ни разу не ездили, но решили рискнуть, потому что в том году наш пес Ройал выступал отлично, и у него были все

[50] Примечания: 50

Люди, которые занимаются подготовкой и представлением собак на выставках и соревнованиях.

шансы выиграть первый приз. Многие любят смотреть выставки собак по телеку и думают, что победа зависит от внешнего вида пса, но в действительности дело не в этом. Собака может выглядеть великолепно и при этом не получить наград, потому что, помимо внешнего вида и поведения, судьи смотрят в первую очередь на чистоту породы, то, что передается по наследству потомству. Внешний вид, конечно, важен. Без этого никак. Моей задачей было обеспечить, чтобы Ройал выглядел идеально, чтобы его шерсть была гладкой и блестящей, уши чистыми, а зубы в прекрасном состоянии. Когда на выставке во Фресно он выиграл титул «Лучшего представителя породы», мне казалось, что это я выиграл приз, — столько труда вложил.

В то воскресенье, когда мы вернулись домой поздно вечером, отец ждал нас. Помню, по телевизору шло шоу Дэвида Леттермана[51] и звук был включен на полную мощность, потому что отец тогда уже начал терять слух.

— Мы победили! — заорал я, чтобы он услышал меня сквозь шум передачи, и в доказательство поднял наградную ленточку Ройала.

---

[51] Примечания: 51

Вечернее шоу Леттермана транслировалось в Калифорнии с половины двенадцатого до половины первого ночи.

Отец выключил телевизор и с трудом поднялся с кресла. Он был высоким и на маму смотрел сверху вниз.

— Ты знаешь, который час? — спросил он.

— Мы поздно выехали из Фресно, — объяснила она.

Она положила сумочку на журнальный столик и расстегнула флисовую куртку, но снимать ее не стала. Стоял холодный февральский вечер, но отец не включил отопление. Жалел деньги.

— Ты обещала выехать домой не позже четырех.

— Да, я помню. Но после шоу нам нужно было поговорить со столькими людьми. Одна из судей, из Ашленда, сказала, что мы обязательно должны выступить с Ройалом в ее городе.

— Ашленд? Который в Орегоне?

— Да.

Я подошел ближе, чтобы показать ему наградную ленточку. Она была сине-желтой с логотипом конкурса.

— Мы заняли первое место, — сказал я.

Я не знаю, что так взбесило в тот момент моего отца. Может быть, звук моего голоса, или то, что Ройал пихал его, пытался залезть на кресло.

— Первое место? — переспросил он. — А сколь-

ко это стоит, ты знаешь?

Я понятия не имел. Я оглянулся на маму, надеясь на ее помощь, но отец положил тяжелую руку мне на плечо и, грубо оттолкнув Ройала, заставил меня сесть в кресло. На журнальном столике лежал желтый блокнот, исписанный его каракулями, он вырвал из него листок и велел мне записать стоимость всего, что мы потратили за выходные: бензин для фургона, проживание в гостинице, где можно держать животных, наше питание, взнос за выставку и остальные мелочи.

Мама пыталась его урезонить, говорила что-то вроде: «Милый, давай не сегодня, почему бы нам утром не разобраться с этим?» Но отец только отмахивался от нее, он заставил меня записать все цифры и сложить их. Я не был силен в математике, и мне потребовалось некоторое время, чтобы произвести вычисление.

— Как ты планируешь все это оплатить? — спросил он.

Я не понимал, почему он задает эти вопросы мне. Мне было только тринадцать, и я не должен был ничего оплачивать.

— Мам? — повернулся я к маме.

– *Мам?* — передразнил отец, потом посмотрел на нее. — Ладно, *мам*, ты хоть представляешь,

сколько раз нужно прокатов обуви и партий в боулинг, чтобы оплатить вам двоим такие выходные?

— Ну перестань, Андерсон, — сказала она. — Не сейчас. Мы устали.

— Ах вы устали?! А я, по-твоему, не устал? Пока вы двое развлекались во Фресно, я весь день работал без перерыва, потому что Грег взял отгул по болезни. Знаешь, сколько я сегодня заработал? И сколько ты потратила?

Когда отец заводился, возражать было бесполезно, потому что он мог кипятиться часами. Когда аргументы заканчивались, он возвращался к первому и начинал все заново. Дело было не в деньгах. Сколько бы мы ни потратили — 50 или 5000 долларов, — он бы все равно устроил скандал, потому что у нас с мамой было общее дело, которое радовало нас, а он при этом чувствовал себя лишним. Мы легли спать, и на следующее утро все было в порядке, как и прежде, пока через несколько недель мы с мамой не уехали в Сан-Диего, на другую собачью выставку. Он увидел фотографию, на которой мы катаемся на американских горках на берегу моря, и снова пришел в ярость. Через некоторое время маме это надоело. Она продала нескольких племенных собак, и мы

перестали ездить на выставки. Остались только две: Ройал и Лойал.

Когда я приехал домой через много лет, оба пса совсем уже состарились. Ройал ослеп на один глаз, а Лойал страдал артритом, и я все твердил маме, что рано или поздно ей придется их усыпить. Гордон и Энни тоже были колли, но в Энни текла кровь чемпиона. В тринадцать месяцев она была сложена намного лучше, чем Ройал в том же возрасте. Это и натолкнуло меня на мысль, что она могла бы выступать на собачьих выставках. Но мне так и не удалось осуществить свою идею из-за того, что случилось тем летом.

Джереми

Нора рассказала мне, что всерьез подумывает о том, чтобы начать работать в «Закусочной» вместо матери. Я поддерживал ее, хотя с трудом представлял ее в роли владелицы ресторана или руководителя какого-либо другого бизнеса. Ездил с ней в специальный магазин в Палм-Спрингс, когда ей нужно было закупать продукты для «Закусочной». Помог ей повесить в домике деревянную люстру — антикварную вещь, которую она купила в комиссионном, — и предложил перекрасить кухню. Я делал все, что было в моих силах, чтобы привязать ее к этому городу и ко мне. Что-то изменилось в ту ночь, которую она провела у меня дома. Все, что раньше пугало меня в любви, — риск, с которым она связана, боль, которую она причиняет, — больше не казалось мне страшным. С того момента, как я увидел Нору на террасе ее родительского дома, одинокую и потерянную, как десять потерянных лет, которые мы не виделись, я перестал бояться риска. И хотя боль вполне могла настигнуть меня, я обнимал Нору и отгонял плохие мысли прочь.

Часто я напоминал ей о том, чего она как будто уже и не помнила: как она делала в классе доклад об опытах Грегора Менделя с горохом и как землетрясение помешало ей закончить его; о том, как она разводила костер ночью во время похода в заказник Уайтуотер; о том, как соврала родителям, что ночует у подруги, когда мы всей группой уехали в Анахайм на концерт. И вместе с этим я узнавал о ней много нового: как она выглядит на рассвете, прямо перед тем как солнце заглянет к нам в окно; как смягчается ее голос, когда она говорит по телефону с матерью, и каким жестким он делается, когда она разговаривает с сестрой. Нора становилась все более улыбчивой, веселой, и впервые за долгие годы я начал задумываться о будущем.

Для полного счастья оставалось только, чтобы начальник перестал бесконечно придираться ко мне. И как ни странно, нечто такое и случилось в конце мая. В то утро я не услышал будильника и опоздал на инструктаж на пятнадцать минут, за что получил от Васко саркастическое «Как мы рады, что вы все-таки пришли» и три ордера на обыск. Первые два ордера были выписаны за хранение наркотиков, и все прошло без сучка без задоринки, но, когда я попытался предъявить

третий ордер, преступник глянул на меня и бросился бежать через заднюю дверь. Я погнался за ним, перепрыгнул через проволочный забор и пробежал по пустыне триста метров, прежде чем догнал его, сбил с ног и навалился сверху. Коленом я уперся ему в спину и надел на него наручники. Сердце бешено колотилось, а снаряжение как будто стало вдвое тяжелей. Был полдень, температура под сорок, вокруг пустыня. Интересно, куда он собирался бежать?

— Офицер, — сказал он. — Послушайте, я не ожидал увидеть полицейского. Я запаниковал.

И все это из-за мелкой кражи. Я провел полный обыск, ожидал найти у этого дурака травку, метамфетамин или даже оружие, но ничего не нашел. Моя форма была покрыта грязью и песком, а в правой штанине зияла дыра. Я хотел оформить его и вернуться в участок, переодеться, но получил неожиданный вызов: нарушение общественного порядка в Джошуа-Три, в том пыльном районе, где старые дома соседствуют с трейлерами за проволочными заборами, под охраной злобных дворняг. Когда я подъехал по указанному адресу, то увидел старика, сидящего на террасе, без рубашки и с банкой газировки в руке.

— Добрый день, офицер. — Старик подошел к окну патрульной машины и встал так близко, что я с легкостью мог разглядеть седые волосы на его груди. — Это я звонил. Меня зовут Джим. Джим Новачек.

— Что случилось, мистер Новачек?

— Горецки? — прочел он на бейджике, прикрепленном к моей форме. — Вы поляк?

Жаркий день, даже для мая, воздух полон пыли и песка. Из-за такой погоды люди становятся раздражительными, особенно старики, которым нечем заняться. Они вызывают полицию по любому пустяку, просто чтобы поболтать.

— Что случилось, мистер Новачек?

— Как я уже сказал девушке по телефону, этот район уже не тот, что раньше. Мексиканцы теперь на каждом шагу.

Задержанный на заднем сиденье поцокал языком в знак согласия.

Такое случалось время от времени. Люди считали, что прекрасно понимают, кто я и откуда. Так происходило отчасти из-за моей фамилии, а отчасти из-за моей светлой кожи. Однажды в старших классах Виктор Алькала, красивый парень, пользовавшийся успехом у девочек, начал дразнить меня.

— Эй, сисястый! — крикнул он на весь коридор. — Во сколько сегодня концерт?

Я стоял, уткнувшись в шкафчик, перебирал тетради и старался не обращать внимания на насмешки. Однако помощь пришла быстро и с неожиданной стороны: Стейси Бриггс разразилась в ответ серией расистских оскорблений, да таких жестоких, что Виктор сразу же замолчал. Он никогда больше меня не дразнил. А я никогда не сказал Стейси, что у меня с Виктором намного больше общего, чем ей кажется.

— Мистер Новачек, — сказал я, изо всех сил стараясь не повышать голос. — Вы жаловались на шум, но я ничего не слышу.

— Вон из той помойки слышен шум. — Старик указал на соседний дом с плоской крышей и заколоченными окнами. Замусоренный двор, бельевая веревка без прищепок, пустая собачья будка. — Мяуканье не прекращается.

— Там кошка? Вам надо было вызвать службу контроля за животными.

— Я постоянно вижу каких-то мексиканских подростков, который заходят и выходят из дома. Пьют, употребляют наркотики и бог знает что еще творят. Они мучили, наверное, бедную кошку, вот я и решил вызвать полицию.

Я вышел из патрульной машины и встал, положив руки на пояс. Я чувствовал, как у меня по спине под формой течет пот, скапливается где-то в районе бронежилета. Когда же закончится этот день?

И тут я услышал тихое мяуканье.

— Слышите? — спросил старик.

— Да, слышу.

Держа одну руку на кобуре, я приблизился к дому. На входной двери не было замка, только кусок проволоки, пропущенный сквозь отверстие на месте дверной ручки и прикрепленный к дверной раме. Я открутил проволоку, но дверь оказалась тяжелой, и мне пришлось с усилием толкать ее, пока она не подалась с громким скрипом. Меня затошнило от запаха пыли, птичьего помета и старых газет. В доме было так темно, что мне показалось, будто я провалился в какую-то бездну. Я включил фонарик и направил его прямо перед собой. Оказалось, что я стою в небольшой гостиной с низким потолком и кирпичным камином. На дальней стене кто-то красными печатными буквами написал: «Валите домой». По всему полу валялись смятые пивные банки. Иглы для подкожных инъекций. Сигаретные окурки. Игральные карты. Кроме старого дивана

с большими дырами, никакой мебели в комнате не было.

Затем послышалось какое-то движение, слабый шорох, который я, возможно, и не услышал бы, если бы не стоял неподвижно. Я направил луч фонарика на диван и подошел ближе. Странное предчувствие охватило меня, сердце забилось сильней от волнения. Глубоко в дыру дивана была засунута куча голубых одеял, из которых торчал крошечный кулачок. Запах молока, исходивший от младенца, с такой силой ударил мне в нос, что я удивился, почему не почувствовал его раньше. Я положил фонарик на грязный деревянный пол и опустился на колени. Глаза малыша были широко распахнуты, и, увидев меня, он сразу же зарыдал со всей силой надежды. Я просунул обе руки в дыру и вытащил голубой сверток. Баюкая младенца на руках, я развернул одеяло и с облегчением увидел, что малыш цел и невредим. Только подгузник давно пора менять. Ребенок зарыдал еще громче.

— Тсс, — прошептал я, — тише, малыш, все хорошо. — Я протянул ему указательный палец, и он тут же схватил его.

Я с силой пнул ногой входную дверь и вышел на улицу, прижимая к себе младенца. Во дворе,

щурясь от солнца, ждал сосед.

— Ни хрена себе! — сказал он.

Я повернулся спиной к солнцу, закрыв от него малыша, и связался по радио с диспетчером. Я никак не мог вспомнить, какова процедура в подобных случаях, и мне пришлось ждать указаний сержанта. Но на сей раз Васко был любезен со мной.

— Оставайтесь на месте, Горецки, — сказал он. — Мы немедленно отправляем помощь.

Как только медбрат приложил стетоскоп к груди малыша, тот снова начал плакать и дрыгать ножками под одеяльцем.

— Сердцебиение хорошее, — улыбнулся мужчина. Это был пожилой мужчина с крашеными волосами и толстым слоем гигиенической помады, видимо для того, чтобы выглядеть помоложе и покруче.

Закончив измерять жизненные показатели ребенка, он достал бутылочку с водой.

— У него в подгузнике кристаллы. Он полностью обезвожен.

— Как вы считаете, долго он там пробыл? — спросил я.

— Трудно сказать. Приблизительно двадцать четыре часа. А может, даже тридцать шесть.

— Господи.

Позади нас сосед давал показания детективу, он медленно, по буквам, называл свою фамилию: «Н-о-в-а-ч-е-к». Задержанный, о котором я почти позабыл, все еще ждал на заднем сиденье патрульной машины. Двое помощников шерифа еще раз обыскивали дом в поисках улик. И пока все это происходило, сержант Васко давал интервью репортеру газеты «Хай-Дезерт стар». На следующее утро на первой полосе этой газеты появилась его фотография с младенцем на руках. «Полиция спасла брошенного младенца», — гласил заголовок.

Прессовать меня после этого он стал меньше.

Мариам

Память — ненадежный гость. Я долго не могла вспомнить имя молодого человека, который привез Нору в коттедж, когда у нее сломался ключ от машины. Он показался мне знакомым, я не сомневалась, что видела его раньше, но имя вспомнить не могла. А потом как-то я выносила мусор в гараж и внезапно вспомнила не только его имя, но и имя его отца. Тем летом, до того, как Нора уехала в колледж, мне нужно было найти электрика, чтобы починить проводку на воротах гаража. Одна из мам в школе сказала, что нанимала как-то этого человека, поэтому я и позвонила ему. Его звали Марк Горецки. Он починил не только ворота гаража, но и еще множество других вещей, которые давно нуждались в ремонте, например трехпозиционный переключатель и освещение на террасе. Он отлично все починил, но от него явственно пахло пивом, и мне не понравилось, что, закончив работу, он выписал счет на 300 долларов, поэтому я его больше никогда не вызывала, даже когда вентилятор в спальне перестал работать и пришлось спать с

открытыми окнами.

Вернувшись из гаража, я остановилась перед фотографиями в рамках в прихожей: на них запечатлены все важные моменты жизни моей семьи, а особенно жизни дочерей — их дни рождения, выпускные, их успехи. И вот в группе музыкантов Нориного джаз-банда, я разглядела молодого человека в костюме, который был ему как будто мал. Я провела пальцем вниз по списку имен и нашла его: Джереми Горецки. Я тогда подумала, как мило было с его стороны отвезти Нору домой в тот день. Ждать помощи из сервиса на такой жаре ей было бы тяжело, к тому же она была совсем одна.

Я не ожидала, что столкнусь с ним снова, но через несколько недель после той первой встречи я стояла в очереди к кассе в «Стейтер бразерс», а он подошел и встал позади меня. Сначала Джереми меня не заметил, он, улыбаясь, набирал сообщение в телефоне и, только закончив беседу, начал выкладывать товары на ленту: банку кофе, пачку сахара, упаковку презервативов и бело-голубую сумку с карманом на молнии сбоку. Это была моя сумка, я приносила в ней еду в домик и повесила ее на гвоздь в кухне на случай, если Норе она понадобится для покупок, и вот теперь Джереми

Горецки ходит с ней в магазин. Я взяла пластиковый разделитель и положила его между нашими покупками на ленту.

— Спасибо, — машинально сказал он, потом взглянул на меня, и я поняла, что он меня узнал.

Я отвернулась и начала разглядывать таблоиды, их обложки кричали о наркозависимости знаменитостей, об их романах с нянями, потом взяла журнал «People», просто чтобы чем-то себя занять, и сделала вид, что читаю.

— Миссис Геррауи? — спросил он.

Так странно было услышать имя мужа, произнесенное незнакомцем. Что он знал о нас и почему захотел заговорить со мной здесь, в продуктовом магазине, когда на ленте рядом с нами стоит упаковка презервативов, которую он собирается купить? К моему облегчению, очередь двинулась вперед, я положила журнал обратно на стойку и достала из бумажника несколько купюр, чтобы расплатиться за продукты. Я планировала приготовить для зятя фаршированные болгарские перцы с бараниной, это было его любимое блюдо, они с Сальмой собирались прийти сегодня на ужин. Однако сейчас я не могла думать о том, как буду готовить изысканный ужин, в голове вертелась лишь одна мысль: как бы поскорее

убраться из этого магазина.

— Ваша сдача — одиннадцать восемьдесят, — сказала кассирша. Она вынула из кассы две купюры и остановилась. — Разменный автомат сломался, а у меня закончились четвертаки и десятицентовики.

— Ничего.

— Вы не против, если я дам сдачу центами?

— Нет.

Мне хотелось, чтобы кассирша быстрей отпустила меня, но она, как назло, считала каждую монетку медленно и тщательно и бормотала себе под нос, чтобы не сбиться со счета.

Джереми снова попытался окликнуть меня.

— Миссис Геррауи, — сказал он. — Здравствуйте.

У него был такой громкий низкий голос, что я больше не могла притворяться, что не слышу его.

— О, — сказала я, изображая удивление, — привет.

Он был очень высоким, и мне пришлось поднять голову, чтобы встретиться с ним взглядом, его глаза на фоне загорелого лица казались совсем голубыми. Довольно приятное лицо, хотя из-за курения его губы приобрели фиолетовый

оттенок. Ужасная привычка. Я разглядела татуировку у него на предплечье. Многие в нашем городе делают татуировки, особенно люди низшего класса и преступники, хотя в наши дни татуировки стали модными, их делают себе и люди творческих профессий. У моей дочери тоже есть татуировка, совсем крошечная, обычно она прячет ее под браслетами. Но такая татуировка, как у этого молодого человека, — это совсем другое дело, он явно хотел, чтобы ее было видно.

Кассирша все еще отсчитывала сдачу, а упаковщик, подросток со скобами на зубах, уже положил мои продукты в тканевую сумку.

— Вам помочь? — спросил Джереми и подошел ближе.

— Все в порядке, — быстро ответила я и попыталась поднять сумку, но она оказалась слишком тяжелой, мне с трудом удалось закинуть ее за плечо.

— Дайте сюда, — сказал он, с легкостью забирая у меня сумку. — Я помогу вам.

— Мэм, — сказала кассирша. — Ваша сдача.

Я взяла у нее две купюры и пригоршню монет, и, пока прятала все это в бумажник, она начала сканировать покупки Джереми, так что мне пришлось ждать, пока он расплатится.

После этого мы вместе вышли из магазина. Стояло солнечное июньское утро, было очень жарко, двое детей на тротуаре ели мороженое, и шоколад таял и стекал по их рубашкам, но они не обращали на это совершенно никакого внимания, просто наслаждались лакомством. Я пошла через парковку к машине, Джереми шел рядом и нес мои покупки. Молчание слишком затянулось, мне стало неловко, и я решила вежливо спросить его о чем-то.

— Как поживает ваш отец? — спросила я. — Его зовут Марк, да?

— Отец? — переспросил он, удивленно взглянув на меня. — Думаю, хорошо. Я давно его не видел.

— Он починил нам дверь в гараже. Это было давно.

— Ясно. В последнее время он почти не работает; он уже не молод.

Не знаю почему, но мне вдруг стало невероятно грустно после его слов. Наверное, мне послышалось в них что-то знакомое, кому, как не мне, знать, как распадаются, разлучаются семьи и как трудно бывает снова собраться. Мы дошли до машины, и Джереми отдал мне сумку с продуктами, а я стояла на солнце и смотрела ему вслед и думала, что больше мы друг другу не чужие, он и я.

Нора

Пару недель спустя Сальма пригласила меня в гости на День отца. Мне не особенно хотелось видеть сестру, но она сказала, что после бранча мы поедем на могилу папы в Роуз-Хиллз, и мне оказалось довольно трудно придумать причину, по которой я могла прийти только на одно из этих мероприятий. Со смешанным чувством страха и покорности судьбе я ехала по Олд-Уомен-Спрингс-роуд в Ландерс — городок, в который несколько лет назад переехала моя сестра с мужем. Они жили в доме площадью 260 квадратных метров с фрамугой над входной дверью и огромными окнами, выходящими на восток. Все в нем кричало о деньгах: благоустроенный сад, сделанный на заказ почтовый ящик, табличка с предупреждением «Симпсон секьюрити». Дверь при этом, как ни странно, была приоткрыта, и я уже была на середине гостиной, когда вдруг заметила своего зятя.

— Дверь была открыта, — сказала я.

— Тебе не нужно оправдываться, — мягко сказал Тарек. — Это твой дом. Ты здесь всегда

желанный гость.

— С Днем отца, — сказала я и протянула ему поздравительную открытку, которую купила тем утром в «Уолгринс».

В тот день в отделе канцелярских принадлежностей было полно детей разных возрастов, но мне каким-то образом удавалось сохранять самообладание, пока я не увидела девочку лет восьми-девяти, которая спрашивала у старшего брата, понравится ли папе открытка, которую она выбрала. Мне пришлось потом какое-то время просидеть в машине, чтобы успокоится и взять себя в руки перед тем, как поехать в гости к сестре.

— А где все?

— Спасибо, — сказал Тарек. Он как будто был искренне рад открытке и разглядывал ее все время, пока мы разговаривали. — Твоя мама еще не приехала. Дети играют, а Сальма на террасе. Хочешь, пойди к ней, а я принесу вам лимонаду.

Из гостиной донесся грохот, как будто что-то рухнуло — башня дженга? — и язвительный смех Аиды. Я открыла стеклянную дверь и вышла на террасу. Сальма сидела под зонтиком в шезлонге так неподвижно, что на мгновенье мне показалось, будто она спит. На ней был мятно-зеленый

топ и белые льняные брюки, словно она собиралась фотографироваться для журнала «Оранж кост», фотографию с ней могли бы опубликовать в разделе «Одежда на выходные». Ее волосы были уложены в сложную прическу, на укладку наверняка ушло несколько часов. Но когда она подняла голову, я заметила у нее под глазами мешки, которые не смог замаскировать даже тщательный макияж.

— А, — сказала она. — Ты пришла.

— Конечно, — ответила я и наклонилась, чтобы поцеловать ее в щеку. — Но я всего на пару часов, мне нужно будет вернуться на работу.

Я села на стул рядом с ней. У меня болела спина, потому что утром я таскала коробки с продуктами, я вытянула ноги и облегченно вздохнула. Окаймлявшие террасу кусты шалфея шуршали и шелестели под легким ветерком. Отсюда открывался вид на долину, заросшую юккой, и на гигантские красные скалы.

— Сальма, какой потрясающий отсюда вид!

Она улыбнулась:

— Да, сегодня ясный день, все хорошо видно.

Может быть, меня задело удовлетворение, прозвучавшее в голосе сестры, или то, что она сидит тут без дела, развалившись в шезлонге,

потому что я тут же вспомнила день, когда проходило слушание по делу Бейкера. Сальма даже не попыталась изменить свой график и прийти в суд, могла хотя бы позвонить мне вечером, чтобы узнать подробности, но не сделала и этого. Я пыталась придумать, как заговорить с ней на эту тему, но дверь открылась, и появился Тарек с кувшином в руках.

— У меня мигрень, — резко сказала ему сестра.

Тарек не ответил. Он помешал лимонад металлической ложечкой, потом помял листья мяты и налил напиток в два стакана.

— Тогда нехорошо сидеть на солнце, — сказала я. — Может, нам зайти в дом?

— Нет, мне здесь нравится. — Она снова повернулась к мужу. — Можно мне принять таблетку?

Ворон приземлился рядом с нами и начал осматривать землю в поисках крошек. Тарек спугнул его.

— Выпей лимонада, — ответил он. — Лимонад поможет.

— Я бы лучше приняла таблетку. — Ее глаза были полны мольбы.

— Что ж, поболтайте, не буду вам мешать.

Странный у них получился разговор, какое-то непонятное напряжение за вежливыми и добро-

желательными словами. Почему он не разрешил ей принять что-то от мигрени?

— Ты как себя чувствуешь? — спросила я сестру после того, как Тарек ушел.

— Все хорошо, — ответила она.

Впервые мне пришло в голову, что идеальная жизнь, в которую моя сестра была облачена, как в блестящие доспехи, возможно, дала трещину. «Наверное, это горе, — подумала я, — только горе могло так повлиять на нее». Мое раздражение внезапно исчезло. Я потянулась через столик, чтобы коснуться ее, а она прикрыла рот рукой, чтобы сдержать рыдание.

— О, Сальма! — вздохнула я.

— Все в порядке, — повторила она и сделала большой глоток из стакана с лимонадом.

С соседнего двора донесся скрежет, кто-то приподнимал проволочную ограду, и радостный собачий лай.

— Зачем тебе уходить так рано? — спросила Сальма.

— Я же объяснила, мне нужно вернуться на работу.

— В смысле, в ресторан?

— Да.

— Нора, зачем ты это делаешь? — осторожно

спросила она. — Мама больше не хочет управлять рестораном, да и зачем ей это. Ей довольно много лет, как ты знаешь. Ей не хочется больше работать.

— Ей и не нужно работать, она может выйти на пенсию, если хочет. Я выкуплю ее долю, если ты сохранишь свою. — Эта мысль неожиданно воодушевила меня. — Мы можем стать партнерами. «Сестры Геррауи»! Как тебе такое название?

— Звучит симпатично, но кто будет управлять рестораном?

— Думаешь, у меня не получится?

— Наверняка получится. Но ты же хотела писать музыку?

— Я и сейчас хочу писать музыку, но я не позволю Бейкеру выйти сухим из воды после того, как он совершил убийство, не позволю ему разрушить папину мечту.

— Это была его мечта, Нора, а не твоя. Поверь, тебе не понравится жить, реализовывая чью-то чужую мечту. — Неожиданная ярость вдруг зазвучала в ее голосе. Она отодвинула пуфик, опустила ноги на пол и села лицом ко мне. Сестра смотрела на меня с таким напряжением, что мне показалось, что она сейчас схватит меня за плечи и встряхнет. — Послушай, если тебе нравится

заниматься всякой ерундой, вроде сочинения музыки, так лучше и посвяти себя этому. Избавься от ресторана и работай изо всех сил, сочиняй самую лучшую музыку, на которую ты способна.

Меня поразила страсть, с которой она это произнесла. Что могло ее спровоцировать? Может, это как-то связано с неожиданным напряжением в отношениях с мужем? Эти двое были идеальной парой, во всяком случае я всегда так думала.

— Что с тобой происходит? — спросила я, сбитая с толку неожиданным поворотом нашего разговора.

Сестра пристально посмотрела на меня, словно решала, стоит ли мне довериться. Рогатая ящерица пробежала по террасе и спряталась в тени велосипедов близнецов. Вернулся ворон, он сделал несколько неуверенных шагов к обеденному столу. Я ждала. Сальма как будто собралась облегчить душу, но тут открылась стеклянная дверь, и на террасу вышла мама. Она больше не носила белый вдовий траур, и кобальтово-синий цвет платья очень молодил ее. Она несла поднос с летними блюдами: овощными шашлыками, салатом из кальмаров, баклажанами-гриль и нарезанным арбузом. За ней шли близнецы и спорили, кто из них выиграл. Был с ними и Тарек,

он нес кофейник. Момент близости, возникший неожиданно между мной и сестрой, исчез в то же мгновенье.

Мы перебрались за стол, Тарек открывал подарки и произносил по поводу каждого из них в благодарность что-то приятное. Аида подарила ему невероятный шелковый галстук с узором из синих полосок на ярко-желтом фоне. («Спасибо, хабибти. Желтый — мой любимый цвет».) Заид — модную ручку. («Я буду ею выписывать рецепты».) Сальма — ультрасовременную аудиосистему. («Не терпится ее опробовать».) Мама принесла ему в подарок коробку бельгийского шоколада. («Это моя слабость».) Ну а от меня он получил открытку, которую я уже успела ему вручить. («Ты такая внимательная».)

Остаток дня я провела в глубокой тоске. Как редко нам с сестрой удавалось поговорить по душам, не говоря уже о том, чтобы поделиться сокровенным. И вот Сальма собиралась поделиться со мной чем-то, но момент был упущен.

Джереми

В конце июня мне пришлось поехать на двухдневный тренинг по технике деэскалации конфликта, который Васко заказал несколькими неделями ранее, еще тогда, когда инцидент с Боуденом не сходил с первых страниц «Лос-Анджелес таймс». Тренинг проходил в Сан-Бернардино, и, чтобы не мотаться 80 километров туда-обратно, я решил переночевать с одним из коллег в гостинице. Два дня подряд мы сидели в классе, и нам рассказывали совсем не то, что рассказывали когда-то в полицейской академии: попытайтесь разрядить напряженную ситуацию словами, а не оружием; если подозреваемый взволнован, проявите сочувствие, перефразируйте его слова; не вовлекайтесь эмоционально в ситуацию; оцените исход, прежде чем прибегать к силе. Однако в конце каждого занятия ведущий уточнял, что все это необходимо делать, не забывая при этом о собственной безопасности.

На рассвете третьего дня я вернулся домой и сразу же поехал в полицейский участок на очередную смену, а потом в общественный центр,

где должен был встретиться с Фиерро на группе психологической поддержки. Мне страшно хотелось спать от усталости, и я боялся заснуть во время сеанса, поэтому решил налить себе большую чашку кофе из кофейника, который стоял на столике под настенными часами. Фиерро был в отвратительном настроении. Он рассказал, что не получил повышения, которое ему обещали в «Волмарте», и что, похоже, до конца своих дней так и останется продавцом-консультантом.

— Наверняка что-нибудь еще подвернется, — успокоил его я, хотя вряд ли был при этом так уж убедителен.

Недовольно проворчав что-то, Фиерро откинулся на спинку стула; все ждали появления ведущего группы. Но за несколько минут до восьми мы узнали, что Росси не придет. Его заменил тщедушный на вид терапевт по имени Декстер, который постоянно щелкал шариковой ручкой.

— Кто хочет сегодня высказаться первым?

Дуг, лысый парень, который все время первым поднимал руку, долго рассказывал о том, как трудно ему сейчас, о том, что он все время находится в каком-то взбудораженном состоянии и не может есть, о том, какой тяжелый у него был день. Двадцать минут продолжалась эта бесцель-

ная болтовня, и в какой-то момент медсестра Адриана не выдержала и перебила его.

— Другие люди тоже хотят высказаться, — резко сказала она.

— Ладно-ладно. — Декстер примирительно поднял ладони. — Давайте успокоимся.

— Я-то спокойна, — огрызнулась девушка.

Фиерро сидел, скрестив руки на груди и повернувшись здоровым ухом в сторону Адрианы.

— Она ничего такого не сказала, — согласился он. — Она спокойна.

Дуг возмутился, что его перебивают, Адриана поинтересовалась, как он считает, что произойдет, если он не заткнется, и Фиерро снова поддержал ее. Декстеру потребовалось немало времени, чтобы восстановить порядок в группе. Но после этого он попросил выступить кого-то третьего, и это тут же расстроило и Дуга, и Адриану, и Фиерро. Я постарался незаметно повернуть запястье, чтобы посмотреть на часы. В тот вечер мне столько еще предстояло сделать. Заправиться. Выписать чек на страховку автомобиля. Загрузить стиральную машину, у меня закончились чистые носки. Внезапно я почувствовал, что на меня смотрят десять пар глаз, и понял, что, видимо, прослушал какой-то вопрос.

— Простите. Вы что-то спросили?

— Вы не хотите рассказать нам о тех моментах, когда вам трудно справиться с гневом? — спросил Декстер.

Мне? С гневом? Ну, раз уж он спросил. Я много на что злился. Я злился, что Васко использовал брошенного младенца для самопиара. Что он отправил нас на тренинг в Сан-Бернардино, чтобы выставить себя в выгодном свете. Меня злило, что люди боятся моей формы. Я — такой же, как и они, но окружающие воспринимали меня либо как представителя власти, либо как какую-то киношную фантазию. Я злился из-за войны. Боже, как же я злился из-за войны! Люди гибли, пока Буш рисовал натюрморты, Рамсфелд писал книги, а Чейни все никак не мог заткнуться. Я злился, что мне приходится тратить вечер, слушая рассказы других разозленных людей.

— Я здесь, чтобы поддержать друга, — сказал я.

— Он со мной, — подтвердил Фиерро, поднимая руку с явным облегчением оттого, что наконец-то сможет высказаться. Он заговорил на обычную свою тему: о жене. О том, что она живет как ни в чем не бывало, что у нее теперь новая жизнь с кем-то другим, а он остался для нее в прошлом. Адриана задумчиво кивала, пока он говорил, как

будто понимала, о чем он, или соглашалась с ним. Эта группа психологической поддержки вроде бы и правда помогала Фиерро раскрыться, лучше понять себя, и я был рад, что он продолжает в нее ходить. Я слушал его, и мне вдруг стало интересно, как поживает Мэри, и я решил позвонить ей, когда выдастся свободная минутка, или зайти к ней в парикмахерскую. Мне все равно нужно было подстричься.

В конце занятия, когда мы убирали складные стулья обратно в чулан, Фиерро спросил, когда вернется Росси.

— Я не знаю, — ответил Декстер. — По-моему, он переехал в другой штат. Я буду вести встречи.

Когда мы вышли на улицу, было уже темно и очень душно.

— Не нравится мне этот новый парень, — сказал Фиерро, доставая ключи от машины.

— Он пока никого из вас не знает. Не сомневаюсь, что он справится.

— Наверное, — согласился Фиерро, мы прошли по парковке к его машине. — Поедем в боулинг?

— Не сегодня.

— Да ладно тебе.

— Нет, я слишком устал.

— На прошлой неделе тебе тоже не хотелось.

— У меня много сейчас проблем.

— Может, партию в покер? Сегодня вечером у соседей играют в покер.

— Чувак, я так себя сейчас чувствую, будто рулил три дня без продыху. Я вымотан.

— Ну тогда ладно.

Мы пожали друг другу руки, я сел в джип и выехал с парковки на 62-ю автостраду. Сквозь пыльное ветровое стекло дорога в желтом свете фар казалась размытой. Не так уж и срочно мне нужно заправиться, думал я, или выписать чек для страховки, или загрузить стиральную машину. Все это может подождать. Больше всего я нуждался в тот момент в нежной заботе и сне. Я включил радио и выбрал станцию, по которой передавали классический рок, и повернул в сторону коттеджа Норы.

* * *

В домике горел свет. Все, что находилось внутри, было видно так отчетливо, как будто на экране в кинозале: цветочная композиция над камином, книжные полки, прогнувшиеся под тяжестью книг, старинная деревянная люстра, бейсболка на крючке для шляп. Свежая покраска придавала кухне новый вид, и меня поразило, что даже Нора

у окна выглядела как-то по-новому. После того как она рассказала мне о встрече с Эй-Джеем в боулинге, я настоял, чтобы она поставила на входную дверь второй засов, и собирался починить шторы кухонного окна. Звук шин моей машины по гравию подъездной дорожки привлек ее внимание, она отошла от раковины, вытерла руки и открыла дверь.

— Как тренинг? — спросила Нора.

— Слишком долгий.

Я перешагнул через порог, обнял ее и закрыл дверь пинком ноги. Все тревоги отступали, когда она была рядом. Одиночество, которое я когда-то считал естественной частью своей жизни, исчезло, и его место заняло другое необычное чувство, будто два наших одиночества слились воедино. Я ничего не видел и не замечал вокруг себя в этот момент: ни гудения испарительного охладителя, ни воркования горлицы, ни музыки, звучащей из стереосистемы. Только Нора имела значение. В следующую секунду мы уже были на кровати, сражались с пуговицами, крючками и молниями. Я снимал с Норы лифчик, когда она вдруг замерла, а потом оттолкнула меня и завизжала:

— Кто-то смотрит в окно!

Нора попыталась прикрыться простынями, но

я схватил ее за запястье и потянул на пол рядом с собой. Прикрыв ей рот рукой, я прислушивался к звукам, доносившимся с задней стороны дома: грохнул стул, кто-то уронил ключи и прошелся по двору.

— Оставайся на месте, — прошептал я, натягивая штаны. — Не двигайся.

Я выключил свет, взял туристическую палку с острым наконечником, которая стояла в углу, и пошел к двери. Молодая луна светила так скудно, что я видел не больше чем на пару метров впереди. Я прокрался вдоль стены мимо охладителя воздуха с птичьим гнездом, завернул за угол и оказался на заднем дворе. Я услышал, что кто-то перелезает через проволочную изгородь, и вслепую бросился на звук. Четко я разглядел парня, только когда до него оставалось не больше двух метров, он усиленно пытался перелезть через забор. Я взмахнул туристической палкой и изо всех сил ударил его острым концом в бедро. Раздался громкий вопль, и человек упал на землю. Я замахнулся во второй раз, но знакомый голос остановил меня:

— Чувак. Ты чего? Это же я!

— Какого хрена?

Кожа Фиерро в темноте казалась совсем блед-

ной, а черты лица — словно нарисованные углем. Он встал и потер ушибленное бедро.

— Размахиваешь этой штукой, как бейсбольной битой. Больно!

— Какого хрена ты приперся?

— Ты снова не согласился пойти в боулинг.

— И поэтому ты решил проследить за мной?

— Мне стало интересно, где ты пропадал последние несколько недель. Ты больше не хочешь никуда ходить. — Фиерро стряхнул с себя пыль и натянул капюшон худи на голову. Потом он покачал головой и многозначительно присвистнул, эту дурацкую манеру он перенял еще у Флетчера, давным-давно. — Не знал, что тебе так нравятся мусульманские киски.

Я ударил его так сильно, что его голова дернулась назад.

— Не приближайся к ней, ты понял? — сказал я.

Фиерро охнул, схватился рукой за челюсть, но устоял.

— Ты мне не указ, черт. Что захочу, то и сделаю.

Я снова замахнулся, но на этот раз он ожидал удара и увернулся. Он попытался врезать мне в ответ, и мы повалились на землю, размахивая

кулаками и пиная друг друга. Грязь забилась мне под рубашку, я чувствовал, как песчинки оседают у меня между лопатками. Потом я ударился головой обо что-то твердое — камень с краю изгороди. Отступать было некуда. Я двинул ему коленом в пах, потом оседлал его и начал избивать, не останавливаясь, даже после того, как почувствовал кровь на костяшках пальцев.

— Джереми, — окликнула меня Нора. — Джереми, хватит.

Я слез с него и отдышался. Оцепенение прошло, и я внезапно почувствовал, что порезал бровь и что у меня болят руки. Но в остальном все было в порядке. Даже слишком в порядке. Я как будто вернулся наконец в родной и любимый дом.

— Что случилось? — спросила она и подошла ближе.

Нора надела шорты и белую майку, такую тонкую, что сквозь нее просвечивала грудь. Я шагнул вперед и загородил собой Фиерро.

— Что с тобой?

— Все хорошо, детка. Вернись в дом.

Фиерро позади меня пытался встать на ноги.

— Что происходит? — спросила Нора, вытягивая шею, чтобы посмотреть на него. — Что он здесь делает?

— Иди в дом.

— Скажи мне, что происходит.

– *Уйди*, я прошу тебя.

Нора переводила взгляд с Фиерро на меня и обратно. Она как будто хотела что-то сказать, но потом передумала и ушла в домик. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом, потом повернулся к Фиерро. Тот все еще лежал на земле, его свитер был задран, брюки заляпаны грязью. С некоторым усилием он встал и отряхнулся. Мы посмотрели друг на друга, пытаясь понять, что же случилось здесь, в темном и пустом дворе старого дома. Потом он вдруг сделал нечто, что потрясло меня: он заплакал.

— Прекрати, — сказал я. — Возьми себя в руки. Тебе пора идти.

Но он продолжал всхлипывать. Я никогда не видел Фиерро таким. Рукавом свитера он вытер слезы и кровь, размазав грязь по глазам, будто хотел закамуфлироваться.

— Куда мне идти? — спросил он. — Мне не к кому идти.

Гнев медленно покидал меня, его место заполнило чувство вины. Чувство вины за то, что я выжил, а другие ребята из моего взвода погибли, за то, что я был здоров, а другие стали инвали-

дами, за то, что я нашел любимого человека, а другие были одиноки.

— Дай мне ключи от машины, — сказал я.

— Зачем?

— Просто отдай мне ключи и жди здесь.

Я вернулся в дом и обнаружил, что Нора стоит за дверью. Она набросила кардиган сверху на майку и ждала меня, обхватив себя обеими руками.

— У тебя кровь идет, — сказала она. — Все, я вызываю полицию.

— Я сам полицейский. Все в порядке, детка. Это просто небольшой порез.

Я надел рубашку и огляделся в поисках ключей.

— Скажи мне, что, блин, происходит.

— Позже все объясню. Запри за мной дверь.

Я подождал, пока не услышал, что она задвинула засов. Потом я посадил Фиерро в его старый «шевроле», и мы уехали. Ветровое стекло было очень пыльным, а запах выхлопных газов проникал в автомобиль, смешиваясь с запахом пота и крови. Как часто мы неслись вместе по ночной пустыне, израненные в схватках, которые сами же и начинали? В то время я думал, что все это кончится, как только мы вернемся домой с войны.

Когда Фиерро включил свет, таракан пробежал по белой стене и скрылся за телевизором. У стены стоял собранный рюкзак. Башня пустых коробок из-под пиццы возвышалась в углу, словно алтарь, а вокруг нее валялись смятые пивные банки. Мебели в квартире не было, только матрас на полу и журнальный столик. Вся квартира пропахла мусором.

— Ладно, — сказал Фиерро, повернувшись ко мне. — Ты довез меня. Можешь уйти.

— Я никуда не спешу.

— Отдай мне ключи обратно.

— Давай что-нибудь закажем. Я не прочь перекусить.

— Я не голоден.

Он достал из холодильника банку пива. На дверце холодильника магнит с надписью «Страховая компания Уоллеса» прижимал листок с чьим-то номером телефона. Рядом с номером неровными буквами было написано имя. Саманта. С этой девушкой он познакомился на барбекю у моей сестры, пригласил разок на свидание, после чего она ему не звонила. Я оглядел столешницу. Ни стаканов, ни ножей видно не было.

— Пиццу закажем или китайскую еду?

— Без разницы.

— Значит, пиццу.

Пока я заказывал еду, он сунул под кран кучу бумажных полотенец и вытер грязь и кровь с лица. Правый глаз у него подергивался, а левый посинел.

— У меня в холодильнике, кажется, есть кола, — сказал он. — Хочешь, бери.

Я нашел в морозилке пакет с картофельными оладьями, затерявшийся за двумя пустыми бутылками из-под водки, и протянул его Фиерро. Он приложил пакет к глазам, к одному, потом к другому. Я уже чувствовал, как накатывает адская головная боль, порез на брови пульсировал. Мне так хотелось принять душ. Снова оказаться в постели, подальше от всего этого. Пока мы ждали пиццу, он открыл еще одну банку пива.

— Помнишь Родригеса? — спросил он.

— Родригеса из Техаса? — уточнил я.

— Нет, Родригеса из Нью-Джерси. Никогда в жизни не видел, чтобы кто-нибудь пил столько колы. Чувак мог запросто высосать три банки за час.

— Хочешь, расскажу тебе кое-что о Родригесе из Нью-Джерси? Он вез нас на разведку, но выпил так много колы, что ему захотелось отлить. А терпеть он не мог. «Мне нужно, мне нужно», — все

время повторял он. Мы нашли пустую пластиковую бутылку, и он сделал, что хотел, а потом стал закрывать ее и уронил на пол. Мы три часа ехали в машине, вдыхая запах его мочи.

— Тупой урод.

— Интересно, где он сейчас?

— Вернулся в Нью-Джерси, насколько я знаю. Работает доставщиком газированных напитков.

— Врешь!

— Чувак, клянусь, это правда.

Когда доставили пиццу, мы быстро съели ее, накладывая куски один на другой, будто это были гамбургеры. Фиерро вытер рот салфеткой.

— Как хорошо.

— Да, неплохая пицца.

— Нет, я про нас говорю. Мне нравится, когда мы вот так, вместе.

— Послушай, я не могу все время быть рядом. У меня своя жизнь.

Он помолчал немного, прежде чем ответить.

— Ладно. Слушай, извини, что я так вот, без спросу, ввалился к твоей девушке. Я не хотел напугать ее, правда. Просто хотел узнать, куда ты пошел, вот и все. Я не какой-нибудь извращенец. Да и потом, ты никогда о ней не рассказываешь. Я даже не знал, что ты все еще с ней встречаешься.

Ты избегаешь меня, как будто стыдишься.

Нет, я не стыдился Фиерро, я просто хотел защитить Нору. Именно поэтому с самого начала я не хотел, чтобы они встречались, не хотел их знакомить. Может быть, от этого стало только хуже.

— Тебе нужна помощь. Медицинская помощь. Я думал, что смогу тебе помочь, но оказалось, что это не так.

— Не нужно обо мне беспокоиться.

— Ты и раньше это говорил, но вот к чему это привело.

Фиерро медленно покачал головой, как будто я не понял, что он имеет в виду.

— Сержант сказал, что я могу пожить у него немного. Помочь ему с пчелами.

— Флетчер тебе позвонил?

— Нет, я позвонил ему.

Это был неожиданный удар. Фиерро знал, как я отношусь к Флетчеру, но позвонил ему, да еще и заговорил о нем именно сейчас. Я разозлился, хотя больше злости меня одолевала усталость. Я понимал, что он все еще не готов разобраться со своими проблемами и просто решил убежать от них. Я подумал, что раз уж Фиерро сделал выбор, то и мне придется выбрать.

Это был последний раз, когда я его видел, хотя

после до меня доходили от него вести. Первую весточку я получил через два месяца, когда работал в праздник, в День труда, и сидел один в офисе. Фиерро рассказал мне, что много чего узнал о пчелах, потому что у Флетчера их было сорок тысяч штук. Пчелиные матки могут откладывать до полутора тысяч яиц в день. Трутни вылетают из улья каждую осень, а если матка неожиданно умирает, рабочие пчелы способны развить у себя репродуктивные органы и создать новую матку. Но в Уэйнсборо ему не очень нравилось, он жаловался, что люди на Юге не такие приятные, как он ожидал. В другой раз, где-то через восемь месяцев, он позвонил посреди ночи и спросил, не хочу ли я встретиться с ним и выпить. Он был всего в четырех часах езды, в Неваде. Он звонил из телефона-автомата рядом с эстакадой и из-за шума машин почти ничего не слышал. Мне пришлось повторить ему два раза, что я не могу никуда поехать, что мне нужно на работу рано утром. Я не спросил, что он делает в Неваде.

Морская пехота свела нас, двух глупых пацанов из пустыни, и, хотя мы годами сражались бок о бок, в итоге мы остались совершенно разными людьми, какими и были изначально. И теперь наши пути разошлись.

Нора

Где-то на шоссе, на развязке, разбился грузовик, в результате чего по всей автостраде рассыпался груз, который он вез, — детские игрушки, — и шоссе превратилось в полосу препятствий: везде пистолетики, фигурки и куклы. Все движение на шоссе встало. Поэтому только в полночь я вырулила наконец на трассу 880 и с облегчением разглядела оранжевые и зеленые огни Трибьюн-тауэр. Одно лето я работала стажером в этом небоскребе, когда там еще располагались офисы газеты «Окленд трибьюн». Это было одно из моих любимых мест в городе. Жила я на третьем этаже розового дома в викторианском стиле без гаража, лифта и прачечной, и я могла себе позволить снять там квартиру только потому, что снимала ее вместе с подругой. В тот вечер, когда я приехала, Марго сидела в куртке в прихожей, она только вернулась от брата, у которого была в гостях на ужине.

— Ну как ты, держишься? — спросила она, обняв меня. — Давай возьму сумки.

— У меня только одна, — сказала я, бросив спор-

тивную сумку на деревянный пол.

— Жаль, что я не смогла приехать на похороны. — Она повесила куртку в шкаф. — Просто никак не получилось вырваться.

— Ничего, я понимаю. — Я положила ключи в чашу для ключей и сбросила обувь.

Марго разглядывала меня, будто пыталась решить, рассказать мне что-то или нет. В комнате повисло неловкое молчание.

— Ладно, — сказала я. — Пойду спать.

Я разделась, не включая свет, и легла в постель, накрывшись одеялом, которое купила после того, как Макс пожаловался, что у меня в комнате слишком влажно. Неоновая вывеска кинотеатра под окном отбрасывала на потолок прерывистые красные блики, я отвернулась к стене и провалилась в тяжелый сон без сновидений. Я проспала почти до полудня, пока яркое солнце не пробилось сквозь шторы. Я провела в пустыне всего пару месяцев, но уже успела привыкнуть к ее просторам и к тишине. Стоило мне открыть глаза, и я увидела, как загромождена моя комната, какая узкая у меня кровать, услышала, как шумно на улице.

Когда я вышла из спальни, Марго сидела с ноутбуком за обеденным столом. Она работала

репетитором по математике в компании, занимающейся подготовкой к экзаменам, и часто по утрам отвечала на просьбы капризных родителей о переносе занятий. На эти запросы она отвечала с терпением, свойственным жителю Среднего Запада, однако в это терпение подмешивалась тревога фрилансера, желающего получать зарплату. Из стереосистемы звучал концерт Дворжака для фортепиано и скрипки, который, к счастью, заглушал уличный шум. Я налила себе кофе и села за стол напротив нее.

— Как твоя поездка? — спросила она. — Расскажи мне все.

Мы обменивались сообщениями и звонками после моего отъезда, но я рассказывала о своей жизни лишь в общих чертах, а теперь подробней обрисовала все случившееся, рассказала о том, что мама хочет продать ресторан, о том, как я пыталась управлять им, хотя по соседству был боулинг Бейкеров, о нашем романе с Джереми и о том, как он закончился. Я говорила и чувствовала, как что-то меняется, как будто чары, под действием которых я находилась несколько недель, наконец потеряли силу. Я пыталась заполнить пустоту, которую оставил в моей жизни отец, цеплялась за дорогие ему вещи — домик,

ресторан, тайный роман, — но теперь я видела, что все это бессильно перед смертью. Необходимо было смириться перед горем. Отпустить отца. Научиться жить воспоминаниями о нем и ничем больше.

То ли я слишком долго болтала, то ли Марго не знала, как вести себя в подобной ситуации, утешать меня или нет, но она постоянно отводила глаза в сторону, как будто боялась взглянуть на меня.

— Как грустно, — сказала она.

Потом она выдержала небольшую паузу и спросила:

— Значит, ты решила вернуться сюда?

— Да, таков план.

Стопка адресованных мне писем лежала на столе, и я начала лениво их просматривать. За девять недель их накопилось немало: счета, предложения по кредитным картам, журналы, почтовые рассылки от художественных и музыкальных организаций.

— Дело в том, что мне нужно кое-что тебе сказать.

Я подняла голову от кипы писем:

— Что же?

— Я съезжаю.

— Что? Куда?

— Во Фремонт. Клэр внесла задаток за квартиру.

— Вы будете жить вместе?

— Да, — улыбнулась Марго.

— Поздравляю.

Марго и Клэр встречались уже три года, и мне стоило искренне за них порадоваться, но в то воскресное утро в моем сердце не было ничего, кроме пустоты. Потерянности. Я вернулась в Окленд, надеясь вернуться и в прежнюю жизнь, но это оказалось невозможным.

— Когда ты съезжаешь? — спросила я, не в силах сдержать нотки отчаяния в голосе.

— Через десять дней.

— Так скоро? Почему ты меня не предупредила заранее?

— Но тебя так долго не было, Нора. Да и квартира подвернулась неожиданно, нам просто повезло. Мы не ожидали, что найдем так быстро. Ты должна ее увидеть. Встроенные книжные полки, декоративный карниз, вид на задний двор. Знаешь, как говорят, от добра добра не ищут.

— Ну и прекрасно, — сказала я.

Быстро и яростно я разорвала предложения по кредитным картам, письма от риелторов,

напоминание о визите к врачу, который я уже пропустила, продление подписки на «Нью-Йоркер», открытку с соболезнованиями от директора школы, в которой работала, и приглашение на новоселье от подруги Аниссы. А потом, под обломками прежней жизни, которую мне так хотелось вернуть, я вдруг обнаружила конверт от музыкального центра «Сильвервуд»: в письме они извещали меня, что я принята и могу участвовать в их летнем фестивале. Кураторы хотели включить мою музыкальную пьесу в вечернюю программу с участием молодых композиторов.

— Меня приглашают в «Сильвервуд»! — радостно воскликнула я.

— Мазл тов! — обрадовалась Марго. — Можно нас обеих поздравить, значит. Нас ждут великие дела.

Это был в каком-то смысле прорыв — о таких читаешь в профессиональных журналах каждую осень: восторженные статьи, прославляющие приход нового таланта в американскую музыку. Но мне казалось, что со мной такого произойти не может, что такого не происходит с такими, как я. Мне так хотелось позвонить сейчас папе и рассказать ему обо всем. «Подумать только! — сказала бы я. — А я еще сомневалась, подавать

ли заявление на этот фестиваль». И теперь меня охватила боль при мысли, что папа не дожил до этого дня, не узнал о моем успехе. Я могла бы позвонить маме, но знала, что она все еще обижена на меня. Много лет подряд мы придерживались правила «не спрашивать — не рассказывать» относительно моей сексуальной жизни. И мы обе нарушили это негласное правило, пока я была дома, — она спросила, я рассказала, — и это дало ей еще один повод разочароваться во мне. Она все стонала, почему я не могу быть такой же, как Сальма, найти себе симпатичного врача или инженера-мусульманина и выйти за него замуж? Когда два дня назад я объявила, что уезжаю из города, она явно испытала облегчение.

И мне тоже стало легче. Я устала от ссор с матерью, и меня пугало то, что происходило у нас с Джереми. Мне было с ним спокойно, а иногда даже радостно, чего я раньше не переживала, но вечно это не могло продолжаться. После инцидента с Фиерро я поняла, что мы слишком разные. Не могла выбросить из головы этот странный взгляд Фиерро, который вдруг увидела в окне. Я пыталась понять выражение его глаз, в них читалось то ли отвращение, то ли желание, но в любом случае он разглядывал меня просто как

тело или даже как товар. И после воспоминания об этом взгляде сразу же возникало другое воспоминание: Джереми стоит над избитым телом друга, дышит тяжело, костяшки пальцев в крови, легкая улыбка на губах. В первый раз я видела его таким.

— Прости, — сказал он на следующий день, когда пришел извиняться ко мне в ресторан. — Прости за вчерашнее.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня, но я отстранилась.

— Твой друг так на меня пялился, — сказала я дрожащим голосом.

— Не бойся. Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Я подумала, что он слишком самоуверен. Зачем давать обещания, которые не сможешь сдержать? Мы стояли под навесом «Закусочной». Из боковой двери вышел помощник официанта с мусорным мешком и бросил его в контейнер. Я подождала, пока он уйдет, а потом сказала:

— Меня оскорбил его взгляд.

— Прости, — повторил Джереми.

— Почему он следил за тобой до моего дома?

— Я не знаю. — Он прислонился к стене и задумался. На правой брови у него был порез,

частично заклеенный пластырем, а на левой челюсти красовалась еще не зажившая розовая ссадина. — Наверное, он почувствовал, что я отдаляюсь, что наша дружба остается в прошлом.

— Но это все равно не объясняет его поведения, — возразила я. — Ты чего-то недоговариваешь?

И тут его прорвало. Он рассказал мне, что Фиерро пережил тяжелый развод, угрожал жене, разбил ее машину, после чего его арестовали. Но Джереми вызволил его из следственного изолятора Уэст-Вэлли, записал его в терапевтическую группу по управлению гневом, в которой, как ему казалось, Фиерро помогли.

— Боже мой! — прошептала я. — И ты с ним ходишь стрелять в тир?! В тир, Джереми, стрелять! До чего он еще додумается?

Из «Закусочной» вышла седая женщина с тростью, мы расступились, чтобы дать ей пройти, но, должно быть, она услышала слово «стрелять», потому что удивленно оборачивалась на нас, пока шла через парковку. Я подумала, что мы та еще парочка со стороны. Я в платье, которое надевала на похороны отца, а Джереми в полицейской форме с избитым лицом. Когда я подняла руку, чтобы откинуть с лица прядь волос, он вдруг

заметил синяк у меня на запястье.

— Боже, я не знал, что так крепко схватил тебя за руку. — Он обнял меня за талию и снова попытался притянуть к себе, но я не позволила. — Прости, милая. Я хотел защитить тебя.

— Я не просила меня защищать. Мне всего вот этого не нужно совсем.

Солнце стояло в зените, и, хотя мы прятались в тени навеса, нам было очень жарко и как-то неуютно. Рация, прикрепленная к форме Джереми, зажужжала, и он с минуту слушал диспетчера, прежде чем убавить громкость и снова повернуться ко мне.

— Нора, я понимаю, что ты напугана и расстроена. Но не сваливай всю вину на меня. Откуда я мог знать, что придет ему в голову, что он поедет за мной и попытается залезть к тебе в дом?

— Думаешь, неведение и невинность — это одно и то же? Ты не знал, что придет ему в голову, но ведь именно ты внес за него залог. Он бы никогда не полез ко мне в дом, если бы не ты. Если приводишь ко мне в дом такого типа, не удивляйся, что я чувствую отвращение.

Мои слова больно задели его. Он недружелюбно взглянул на меня.

— Укоряешь меня в плохом поведении, — бурк-

нул он, — а сама месяцами путалась с женатым парнем. Думаешь, тебя можно называть невинной?

Я ушам своим не поверила. Как он мог сказать такое! Какая же я дура! Не надо было открываться ему, сама во всем виновата. Я страшно разозлилась, с трудом сдержалась, чтобы не заорать.

— У нас ничего не получится, — произнесла я как можно спокойнее.

— Не говори так, — попросил Джереми уже совсем другим тоном. — Нам ведь хорошо вместе. Давай вечером все обсудим, мне сейчас надо на работу.

Но мне не хотелось больше ничего обсуждать. Я поняла в тот момент, что мои отношения с Джереми были частью импульса, порожденного горем, мне хотелось удержать прошлое любой ценой. Через неделю после папиной смерти одна подруга из лучших побуждений прислала мне на страницу в соцсети статью с советами скорбящим: не пейте слишком много, не принимайте важных финансовых решений, не начинайте новых отношений. Как будто скорбь — это деловая сделка, которую можно успешно заключить, если следовать определенным правилам. Судя по всему, мне это не удалось.

И вот теперь я сидела за обеденным столом с письмом в руках, в котором говорилось, что меня приглашают на музыкальный фестиваль «Сильвервуд», и радовалась, что я снова в Окленде. Музыка всегда будет моим спасением. Моим утешением, моей единственной надеждой, ответом на то, чего я не в силах понять и не в силах изменить.

Я помогла Марго собрать вещи и переехать во Фремонт. Мне трудно было смириться с перспективой дальнейших перемен, поэтому я осталась в квартире одна. Каждое утро я просыпалась в тоскливой, опустевшей квартире и каждое утро пыталась убедить себя, что поступила правильно, вернувшись в город. Часто я ловила себя на том, что вспоминаю, с какой нежностью Джереми обнимал меня, и что рядом с ним я не чувствовала себя одинокой. Но я упорно прогоняла эти воспоминания, стоило им появиться. Я решила порвать с ним резко, без сожалений, и попытаться вернуться к прежней жизни, к той, какой она была до моего приезда в пустыню.

В те дни в пустой квартире фортепианная пьеса, которую я сочиняла, стала для меня настоящим спасением. Что-то в тех двенадцати акробатах в Марракеше так тронуло меня, что я вспоминала о

них годы спустя, на другом континенте. Каждый из них делал что-то свое, но эффект достигался, только если смотреть на них всех вместе. Я никогда не чувствовала себя человеком какой-то определенной национальности и, возможно, никогда не смогу до конца понять этих акробатов из Марракеша, но попыталась вложить в музыку всю свою любовь в ним. Я работала часами напролет, иногда выходила в столовую и обнаруживала, что уже стемнело, а тарелки с завтраком все еще на столе. Я разогревала замороженную пиццу, съедала ее у раковины и возвращалась к пианино.

* * *

Одним августовским утром, почти перед самым отъездом в «Сильвервуд», я пошла на почту, чтобы написать заявление о хранении писем на время отсутствия. Идти было совсем недалеко, но по дороге я заметила, что магазинчик, где продавался кофе из Эфиопии, превратился в кафе, корейский ресторан, в который мы с подругой Аниссой ходили отмечать ее день рождения, стал суши-баром, а студия йоги куда-то переехала. Я ждала, когда переключится светофор на перекрестке, и думала о том, что еще изменилось

за это лето: я не подавала заявлений на преподавательские вакансии, я ехала на крупный музыкальный фестиваль, а жила теперь одна.

Потом загорелся красный свет, и вместо того, чтобы перейти дорогу, я прошла еще три квартала в сторону кофейни «Божья коровка». «Я просто пройду мимо», — уговаривала я себя. Разве плохо погулять утром подольше, немного размяться перед завтрашним перелетом в Бостон. Но чем ближе я подходила к кофейне, тем сильнее менялись мои намерения. «Если Макс Блумхов там, — прошептала я, будто молитву, — зайду и поговорю с ним».

Я подошла к кафе и сразу же заметила у окна своего соседа Эндрю с ноутбуком. Он работал над диссертацией на тему моды викторианских джентльменов из высшего общества и как с помощью этой моды сформировалось понятие мужественности. Когда он рассказывал мне о диссертации еще до отъезда в Мохаве, эта тема представлялась мне важной и интересной, теперь же казалась совершенной нелепостью. В уютном кресле сидела Лена, она писала что-то в свой кулинарный блог, булочка с черникой лежала нетронутой рядом с ней на столе. Рядом сидел парень, имени которого я так и не узнала,

потому что он всегда был в наушниках и вечно сидел, уткнувшись в свой блокнот. Я заглядывала в кафе через окно и переводила взгляд с одного столика на другой, пытаясь найти Макса. Наконец я заметила его куртку у пустого столика под позолоченными настенными часами. Ему всегда нравилось это место, потому что оно было дальше всего от кассы, у которой выстраивалась очередь. Я перешагнула через порог, сделала несколько быстрых шагов и подошла к столику. Сзади звякнула чашка, я обернулась, но вместо Макса к столику подошла его жена Эвелин.

Они были женаты семнадцать лет. Таков был возраст их старшего сына. Макс часто говорил мне, что их брак был ошибкой, что его вынудили жениться на Эвелин, когда она забеременела. Оба они были голландцами, оба преподавали в маленьком колледже в Техасе, и оба были недовольны тем, что застряли в одном из самых консервативных штатов страны. Но меньше чем через год после переезда в Техас вышла книга Макса «Прежде чем наступит ночь». Она получила Национальную книжную премию Общества критиков и стала бестселлером. Эвелин устроилась на постоянную работу в Институт искусств Сан-Франциско. Они купили дом. У них родилась

дочь. Каждый раз, когда Макс рассказывал мне эту историю, он представлял все так, будто одно событие привело к следующему без его участия, будто он не был причастен ни к чему, что с ними происходило.

У Эвелин теперь были длинные волосы, а на шее висело массивное бирюзовое ожерелье, немного безвкусное, но в остальном она выглядела так же деловито, как год назад, когда мы встретились в Сан-Франциско на литературных чтениях. В тот вечер в книжном было полно народу, поэтому я увидела ее, только когда положила руку Максу на плечо и наклонилась, чтобы поздороваться. Она взглянула на меня своими карими глазами, и я тут же убрала руку. Макс представил нас друг другу и завел светский разговор, но потом очень быстро провел ее сквозь толпу к переднему ряду, оставив меня позади. Теперь Эвелин стояла у его столика и держала в руках его чашку чая «Эрл Грей» и тарелку с пирожными.

— Снова ты, — сказала она.

— Я…

Я не знала, что сказать. Я хотела увидеть Макса, чтобы понять, по-прежнему ли я неравнодушна к нему, но вместо него появилась Эвелин. Она поставила чашку на стол и мгновение рассмат-

ривала меня, чуть улыбаясь, потом подняла руку и влепила мне такую сильную пощечину, что у меня зазвенело в ушах. Все обернулись в нашу сторону.

— Оставь нас в покое, — сказала она.

Не проронив ни слова, я развернулась и ушла. Всю дорогу до дома я сжимала кулаки в карманах худи. В квартире я сразу же подошла к стенному шкафу и вытащила из него чемодан. С мастерством, выработанным годами практики, я начала складывать в него вещи, старательно избегая своего отражения в зеркале над комодом. Никогда еще я не чувствовала себя такой одинокой.

Мариам

Рамадан в том году выдался трудным. Не из-за того, что мне было не просто его соблюдать, и не потому, что он выпал на середину лета, когда дни были еще длинными, а оттого, что я очень скучала по мужу. Однако пост в каком-то смысле исцелил меня, каждый восход и закат дарил мне мир, так что к наступлению праздника Курбан-байрам я наконец решилась сделать то, чего так боялась и что так долго откладывала. Я начала с гаража, решив, что будет легко выбросить транзисторный радиоприемник с поломанными переключателями и коробки, набитые старыми журналами, но они сразу же пробудили во мне воспоминания о пончиковой, где мы вдвоем слушали музыку, листали «Ньюсуик» и «Тайм», искали новости из дома.

После гаража я взялась за ванную. В шкафчике над раковиной стояли глазные капли, которые прописали мужу после операции по удалению катаракты, тюбики с разогревающим кремом, которым он обычно натирал колени, когда они болели, и упаковка кальциброната — единствен-

ное средство, помогавшее ему от головной боли. В нижнем ящике я нашла пустую баночку из-под анальгетической мази от кашля с полупрозрачной от жира этикеткой и грелку, которую он клал под одеяло всякий раз, когда температура на улице опускалась ниже 10 градусов. Там было столько таблеток, лекарств и мазей, бесполезных средств для защиты от неизбежного! Сура «Аль-Имран» учит нас, что каждая душа вкусит смерть, а жизнь в этом мире — всего лишь утешительный обман.

В стенном шкафу в коридоре я нашла ботинки мужа, в которых он ходил на работу, их подошвы были в грязи. Еще там лежали серые тапочки, которые он надевал дома, и ботинки для походов с потертыми шнурками. В спальне я раздвинула двери шкафа, провела рукой по одежде, висевшей на вешалках, и внимательно изучила каждый пиджак, каждую рубашку и пару брюк, будто таким образом они могли запечатлеться в моей памяти навсегда.

Я отложила все вещи, которые могли заинтересовать дочерей, в большие пакеты сложила одежду и обувь, которую можно было бы пожертвовать на благотворительность, а потом села на диван, положив руки на колени, и стала смот-

реть, как кошка вылизывается в лучах солнца. В доме было очень тихо, не помню раньше такой тишины. Воспоминания о давно минувших годах нахлынули на меня, принесли с собой одновременно и боль, и радость, прошло несколько минут, прежде чем я очнулась, встала, чтобы умыться и развернуть молитвенный коврик. Не знаю, как я пережила тот тяжелый день, но как-то пережила, и то, что предстояло проделать нечто подобное снова, да еще в ненавистном мне месте, было просто невыносимо.

Я пыталась как-то объяснить Норе, что не стоит переезжать в домик на Джошуа-Три, куда Дрисс приводил другую женщину, но дочь осталась глуха ко всем моим намекам. Бедная моя доверчивая девочка. Что бы она сказала, если бы узнала, что отец обманул мое доверие? Скорее всего, она бы мне не поверила. Для нее он был героем, а совсем не человеком из плоти и крови, способным на такие же слабости и ошибки, что и другие мужчины.

Я подъехала к дому, звук шин автомобиля спугнул стайку пустынных перепелов, и они спрятались в креозотовом кусте. Прежде чем войти внутрь, я подтащила мусорные баки, стоявшие около почтового ящика, к кухонной двери. К мо-

ему удивлению, в доме все выглядело так, будто дочь вышла на минуточку и вот-вот вернется: на столешнице стоял полупустой стакан с водой, носки валялись под журнальным столиком, на пианино стояли ноты. Пианино! Я совсем забыла про это пианино и поняла, что придется вызвать грузчиков из Риверсайда, чтобы они перевезли его из коттеджа обратно к нам в дом. А что делать с деревянной люстрой? И с новым ковриком? Я позвонила Норе на мобильный, чтобы спросить, но она отмахнулась.

— Делай что хочешь, — сказала она.

Она была в Бостоне, ей было не до разговоров со мной.

Я достала мусорный пакет из шкафа на кухне и яростно выкинула из холодильника молоко, просроченные яйца и позеленевший хлеб. Я поймала себя на том, что представляю, как они сидят на кухне за столом или на диване или слушают пластинку на проигрывателе. Когда я спросила Нору о молодом человеке, которого она приводила сюда, в это ненавистное мне место, она даже не пыталась ничего отрицать.

— Но почему он? — спросила я. — Посмотри на Сальму, она замужем, у нее двое детей, она ведет достойную жизнь.

Моя младшая дочь сбилась с пути истинного. Убирая ее вещи из домика, я молилась за нее, как делала много раз в прошлом. Но на этот раз я молилась не только о ее здоровье, не только о ее безопасности, не только о ее счастье. Я молилась, чтобы у нее было то, от чего я отказалась много лет назад и чего так и не обрела снова.

Чтобы у нее был дом.

Нора

В приглашении говорилось, что будет устроен коктейльный прием в честь известных композиторов, на который я наверняка буду счастлива прийти. Богатые спонсоры финансировали вечеринку, и, судя по обилию дизайнерских смокингов и атласных платьев, именно они в основном и толпились в тот вечер в бальной зале. Мой самолет прилетел с двухчасовым опозданием, и я страшно проголодалась, но к тому моменту, как добралась до шведского стола, из съедобного остались только креветки, плававшие в непонятном соусе, и спаржа, сохнувшая под ярким светом люстр. Расстроившись, я взяла бокал шампанского с подноса проходившего мимо официанта и вышла на улицу. На террасе оказалось не так многолюдно, рядом со мной стояла пожилая пара.

— Здесь намного прохладней, правда? — сказала женщина.

— К счастью, — согласилась я.

Погода оказалась более сырой, чем я ожидала, чувствовалось, что вот-вот разразится гроза, и я

пожалела, что не положила в чемодан зонтик. Нужно забежать в магазин рядом с отелем, посмотреть, есть ли там подходящие зонтики. Я снова оглядела толпу, высматривая кого-нибудь из пяти объявленных композиторов, которые должны были посетить вечеринку, но вокруг были лишь незнакомые лица. Я не увидела никого даже из сотрудников фестиваля.

— Вы в первый раз на «Сильвервуде»? — снова заговорила женщина.

— Да, — ответила я, радуясь хоть какой-то компании. — А вы?

— О, мы старая гвардия. — Она тепло мне улыбнулась. К вырезу ее вечернего платья была приколота белая ленточка, видимо, значок благотворительной организации, которую дама поддерживала. — Мы с мужем приезжаем сюда с восемьдесят девятого года. Это наш любимый фестиваль, мы весь год его ждем. Множество друзей здесь завели.

— Это чудесно.

— А вы с кем пришли? — спросил мужчина.

— Простите, не поняла?

— Вас, должно быть, пригласил кто-нибудь из композиторов.

— Я *сама* композитор.

— О! — Он повернулся к жене, как будто ему нужна была помощь, чтобы справиться с необычной ситуацией, потом вытащил из кармана сложенную программку и просмотрел ее. — Значит, вы, э-э-э… как произносится ваше имя?

— Геррауи.

— А какое имя скрывается за буквой Н?

— Нора.

— А меня зовут Дэвид Форд, — представился он и энергично пожал мне руку. — А это моя жена Лиз.

Форды немного поболтали, прежде чем отойти, но от общения с ними у меня остался неприятный осадок. Поэтому на следующее утро я очень волновалась во время встречи с Джери Тернер и Роем Гилмором, басисткой и барабанщиком, которые должны были выступить со мной в конце недели. Каждый из нас работал в разных стилях, но с ребятами оказалось так легко, что после первой же репетиции у меня возникло ощущение, будто я много раз с ними уже выступала. Помню, как я ловила взгляд Джери, и она сразу же начинала солировать, или слегка кивала Рою, и солировал он.

И все же удовольствие от этих прекрасных репетиций слишком часто омрачалось разными

переживаниями. В первое же утро, когда я попыталась войти в здание, меня остановил охранник и потребовал предъявить удостоверение личности. А в другой раз, когда я стояла посреди кафе и пыталась сообразить, что хочу на обед, один из посетителей принял меня за обслуживающий персонал и сунул мне поднос с грязной посудой. А был еще случай, когда музыкальный критик беседовал со мной добрых пятнадцать минут, и я вдруг осознала, что он принял меня за Таиру Кхан, журналистку, приглашенную на фестиваль, женщину, на которую я вообще не похожа, если не считать цвета кожи. Все остальное не совпадает: она выше, полней, красивее меня и даже говорит с британским акцентом. Годами я мечтала попасть на какой-нибудь престижный фестиваль, и вот теперь, когда моя мечта сбылась, чувствовала себя здесь не в своей тарелке.

Я разрывалась между противоречивыми желаниями: сбежать с «Сильвервуда» или наоборот — доказать свою состоятельность всем присутствующим здесь Дэвидам Фордам. В результате неделя репетиций породила во мне столько переживаний и тревог, что к тому времени, когда наступил день выступления, я всерьез подумывала о том, чтобы сказаться больной. Я каждый

день появлялась на репетициях, так что притвориться больной гриппом не получилось бы, но всегда можно сказать, что отравилась. Например, моллюсками. Или фаршированными яйцами. Я была у себя в номере, лихорадочно искала номер телефона директора фестиваля, когда вдруг позвонила мама. Она хотела сообщить, что приберется в коттедже и запрет его до октября, а в октябре, когда мы вступим в права наследства, его можно будет продать вместе с рестораном. Сказала, что перевезет старое пианино обратно в большой дом, и спросила, хочу ли я сохранить антикварную люстру, которую купила. Или просто оставить ее в домике, и тогда она достанется тому, кто его купит.

— Я не могу сейчас обсуждать это, мам. Я в Бостоне.

— Что ты делаешь в Бостоне?

— Я на фестивале «Сильвервуд».

— Сильвер… что?

— «Сильвервуд». Это очень важный музыкальный фестиваль.

— Ну так что, оставить люстру в домике?

— Делай что хочешь.

Мама раздраженно вздохнула.

— Что теперь не так? — спросила я.

Я стояла у окна и глядела, как тучи затягивают небосвод, становилось все темнее, надвигалась гроза. Внизу по улице мчалась машина, чтобы успеть проскочить до того, как загорится красный, и другая, ожидавшая поворота, просигналила ей. Меня вдруг осенило, насколько мне неприятен шум большого города, как мне неуютно в нем. В глубине души я была обитательницей пустыни.

— Ты бросила все и уехала, — осуждающе произнесла мама.

— Ничего не понимаю. Разве ты не этого хотела? Ты хотела продать ресторан, и я согласилась. Теперь ты хочешь выбросить все из домика, и я опять с тобой не спорю, мама. Я на все *согласна.*

— Я вовсе не просила тебя уезжать.

Даже после того, как я признала свое поражение и готова была на все согласиться, она пыталась втянуть меня в новую ссору. Я не знала, что сказать, разум лихорадочно искал ответ, который положил бы конец конфликту между нами, но ничего не приходило в голову. И, скорее всего, она почувствовала открывшуюся возможность и сразу же начала давить на меня.

— Нора, ты вечно убегаешь. Когда становится трудно, ты тут же пускаешься наутек. Я поступала

так же в твоем возрасте.

В моем возрасте она переехала в новый дом, в новую страну, на другой континент. Она хотела изменить свою жизнь, но при этом изменила и мою жизнь, и жизнь моей сестры. Как бы все сложилось для нас, если бы мама осталась в родной стране? Может, я жила бы обычной жизнью, о которой всегда мечтала. Я бы чувствовала принадлежность к своей стране. Учебники, газеты и фильмы не учили бы меня смотреть на себя своими глазами и, одновременно, глазами других. И меня не мучило бы желание вписаться в общество и, как это ни парадоксально, выделяться из него.

Можно бесконечно воображать, какой была бы моя жизнь, живи я в другом мире. И тут я поняла, что мама тоже воображает, какой могла бы быть ее жизнь: уютный дом в западной части Касабланки, муж преподает философию в университете, одна дочь — зубной врач, другая — доктор, обе замужем за представительными, достойными мужчинами, и никаких засаленных бухгалтерских книг или потрепанных нотных листов. Мама потратила годы, пытаясь вылепить из меня человека, которым она могла бы гордиться, а я так яростно сопротивлялась этому, что даже

не заметила, как на нее похожа. Моя слепота к изменам. Мои побеги в трудных ситуациях.

Именно тогда, у окна, во время разговора с мамой, я решила, что выйду в тот вечер на сцену. И не потому, что вдруг перестала бояться. Зал для выступления, публика, акустика — все это было очень масштабно, я не привыкла к такому в Калифорнии. Я шла по сцене к пианино и вспомнила прием, которому меня научили еще в школе: если страшно, представь, что играешь только для одного человека.

Джереми

Мне трудно описать, что происходило в следующие несколько недель. Мое сердце было разбито. Что тут скажешь! Никто не предупреждал меня, что любовь может так ранить: сначала проникнуть в самую глубину твоего существа, а потом исчезнуть, оставить тебя опустошенным и беззащитным. С тех пор прошло много лет, но я по-прежнему помню, что тогда чувствовал. Я пытался залить это чувство алкоголем. Вернулась бессонница сильнее прежней. Ночи напролет я искал Нору в Интернете, в соцсетях или на музыкальных сайтах, на которые она заходила. Просматривал галерею в телефоне, разглядывал наши совместные фото. Больше всего мне нравилось селфи, которое мы сделали в Уиллоу-Хоул: лица раскраснелись после долгого похода, глаза щурятся от солнечного света, мы обнимаем друг друга. Я как будто возвращался к чему-то давно забытому и исчезнувшему, пытался убедить себя, что все было именно так, как я помню. То, что мы построили вместе, оказалось настолько хрупким, что рухнуло при первых же признаках беды. Я

пытался убедить себя, что это не так, что, возможно, ей просто нужно время, но с каждым днем мне становилось все труднее в это верить. На все мои попытки поговорить с ней Нора отвечала упорным молчанием.

Только работа поддерживала меня в те тяжелые дни. Неожиданно уволились двое полицейских: один перевелся в полицейское управление в районе Сан-Диего, а другой вышел досрочно на пенсию. Поэтому, когда в августе Васко попросил меня взять на себя дополнительно еще несколько смен, я с радостью согласился. Однажды утром, с жуткого похмелья, я решил съездить в «Старбакс» в Юкка-Вэлли и выпить кофе со льдом. В тот день было плюс тридцать пять в тени и должно было потеплеть еще до тридцати восьми. Я заставил себя смотреть только на дорогу, когда проезжал мимо «Закусочной». Несколько недель назад перед рестораном появилась вывеска «Продается», и я старался не думать о том, что это для меня означает. Поэтому я не заметил, что красный пикап GMC выезжает с парковки со стороны боулинга, и мне пришлось резко ударить по тормозам, чтобы дать ему проехать. За рулем сидел Эй-Джей.

Это был пикап последней модели, весь сверка-

ющий, с хромированными дверными ручками и скоростными шинами, какие я давно хотел купить для своего джипа. На одной стороне на заднем стекле красовалась желтая наклейка с надписью «Поддержите наши войска», а на другой — красный круглый стикер с логотипом боулинга. И все же, несмотря на все навороты и блеск, Эй-Джей плохо обслуживал свой автомобиль. Из выхлопной трубы валил черный дым: это означало, что двигатель не отрегулирован и жжет много топлива. Эй-Джей, должно быть, заметил в зеркале заднего вида мою патрульную машину, потому что тут же положил руки на руль в положение «десять и два» и сбавил скорость. Через некоторое время он включил поворотник и перестроился в правый ряд, но я его не обогнал. Я тоже перестроился в правый ряд и продолжал ехать за ним на некотором расстоянии. Должен признаться, мне доставляло удовольствие нервировать его.

Конечно, сильный дым из выхлопной трубы — это незначительное правонарушение, и, кроме того, этим должен заниматься дорожный патруль, а не департамент шерифа, но почему бы не попрактиковаться в межведомственном сотрудничестве. Я включил сирену и вынудил

пикап остановиться на обочине. Проверка номерного знака выдала стандартную информацию. Пикап 2012 года выпуска, зарегистрирован на Хелен Д. Бейкер, предположительно жену Эй-Джея. Они жили на Саннислоуп-Драйв, в районе, где к домам ведет круговая подъездная дорога, обсаженная деревьями, где к террасе каждого дома бежит вымощенная камнем тропинка, где в каждом жилище наверняка не обойтись без джакузи. Этот парень всегда был везучим. Даже в старших классах его выступления за школьную команду по борьбе регулярно приносили ему хорошие оценки или отсрочку наказания за издевательство над одноклассниками. Я вышел из патрульной машины, подошел к пикапу со стороны пассажира и постучал в окно. Стекло опустилось с сердитым шипением.

— Какие-то проблемы?

— Доброе утро. У вас выхлопная труба сильно дымит. Покажите, пожалуйста, права, техпаспорт и страховку.

— Дымит? — Эй-Джей посмотрел в зеркало заднего вида и отстегнул ремень безопасности.

Я сжал рукоятку пистолета в кобуре.

— Пожалуйста, не выходите из машины.

— Простите, офицер. Я займусь глушителем, не

замечал, что труба дымит.

— Покажите права, техпаспорт и страховку, пожалуйста.

Эй-Джей взглянул на меня, и я внезапно осознал, что мне нужно подстричься, что мои солнцезащитные очки — это дешевая подделка и что у меня на рубашке видны пятна пота. Было так, будто я заглянул в зеркало в туалете на заправке: все изъяны налицо. Когда Эй-Джей увидел бейджик с именем, прикрепленный к моей форме, явное облегчение отразилось на его лице.

— Горецки. Джереми Горецки? Мы вместе учились в школе! Ты меня не помнишь? Я Эй-Джей Бейкер.

— Сэр, ваши права, техпаспорт и страховку.

— Ты был в школьной бейсбольной команде. Однажды вы даже выиграли региональные соревнования.

— В последний раз прошу вас предъявить права, техпаспорт и страховку.

Он перегнулся через пассажирское сиденье, чтобы дотянуться до бардачка. На руке у него была татуировка, изображающая переплетенные розы, а на безымянном пальце красовалось золотое кольцо с узором.

— Мне кажется, у нас были общие предметы,

точно, — сказал Эй-Джей, доставая техпаспорт и страховку. — Биология, кажется. Или, может быть, алгебра.

Я взял у него документы.

— Еще мне нужны ваши права.

— Слушай, я обещаю, что починю выхлопную трубу. Она не будет дымить.

— Права.

— У меня их с собой сейчас нет.

— Ваша дата рождения.

Эй-Джей откинулся на спинку сиденья и уставился на дорогу. Он что-то пробормотал сквозь зубы, но что, я не расслышал. Какое-то ругательство. Чувство удовлетворения, которое я испытывал, когда остановил его, давно улетучилось, осталась только пульсирующая боль в висках и между бровей. Я хотел поскорей выписать ему квитанцию и поехать выпить кофе.

— Как вы сказали? — спросил я.

— Восьмое марта тысяча девятьсот восемьдесят пятого.

— Хорошо. Ждите здесь.

Я вернулся к патрульной машине, включил кондиционер и отпил немного теплой воды из бутылки, вставленной в подстаканник. Эй-Джей закурил, и мне тоже захотелось курить,

но сигареты я оставил в шкафчике на работе. Я прислонил техпаспорт и страховку к монитору ноутбука и ввел дату рождения, которую мне назвал Эй-Джей. Никаких записей. Я немного отупел от похмелья, и мне потребовалась минута, чтобы осознать, что ввел прозвище, а не настоящее имя Эй-Джея. На самом деле его звали Андерсон. Я набрал правильное имя, и сразу же появилась информация о его правах: приостановлены. Девять месяцев назад. Вождение в нетрезвом виде. Если права приостановлены на такой длительный срок, значит была серьезная авария или повторное нарушение. Может, дело в наркотиках? Никогда бы не подумал. Он всегда казался собранным и спокойным. Или просто хорошо притворялся, чтобы не поймали. Что ж, не в этот раз. Я снова попытался отпить из бутылки, но обнаружил, что она пуста. Язык во рту казался сухим и тяжелым, как кирпич. Я вышел из патрульной машины на палящий зной. Далеко впереди плавился горизонт, под полуденным солнцем он превратился в жидкую дымку. Я старался следовать протоколу: напомнил Эй-Джею, почему его остановили, объяснил, что показала проверка водительских прав и почему он теперь арестован. Но Эй-Джей начал спорить.

— Да ладно тебе, — заныл он. — И все это из-за выхлопной трубы?

— Медленно выйдите из машины. Держите руки так, чтобы я их видел.

— Я сегодня же могу все починить. Правда.

— Повернитесь и сложите руки за спину.

— Мне права вернут через две недели. Через две недели истекает срок, Горецки.

Я зачитал ему права и надел наручники.

— Раздвиньте ноги, я должен вас обыскать.

— Что я теперь скажу жене? Она ждала, когда мне вернут права, а теперь это… Это нечестно, Горецки!

— У вас есть в машине что-то, о чем мне следует знать? Наркотики? Оружие?

— Нет. Зачем ты это делаешь?

— Я делаю свою работу.

— Отвали, Джабба…

Я сильно дернул Эй-Джея за наручники, так что он вскрикнул от боли, потом подтащил его к машине и запихнул на заднее сиденье. Проезжавшая мимо машина замедлила ход, водитель вытянул шею, чтобы получше рассмотреть, что происходит. У шиномонтажной мастерской дальше по дороге надувной танцор неистово размахивал оранжевыми руками. Я

глубоко вздохнул. «Не дай ему вывести тебя из терпения, — говорил я сам себе. — Держи себя в руках». Я сел за руль и позвонил диспетчеру, чтобы тот вызвал эвакуатор. Патрульная машина некоторое время простояла на холостом ходу, и теперь в ней пахло потом и тем, что ел полицейский, который ездил на ней накануне. Я ерзал на сиденье, пытаясь устроиться поудобней, но вес бронежилета и угол наклона ремня не позволяли мне этого сделать. В голове пульсировала боль.

К тому моменту, как мы доехали до тюрьмы, Эй-Джей немного успокоился, хотя по-прежнему не хотел сотрудничать. Он трижды просил позволить ему позвонить, и сержант Ломели объяснил, что сначала надо его оформить и только потом можно будет сделать звонок.

— Вас нельзя выпустить под залог, если вы не сидите в тюрьме, поэтому мы должны сначала вас оформить, вы понимаете?

Эй-Джей фыркнул.

— Вы принимаете какие-нибудь лекарства? — спросил я.

— Мне нужен мой ингалятор. Он лежит в бардачке, в пикапе, но вы же его эвакуировали.

— Мы привезем вам ингалятор, — успокоил я Эй-Джея. — Есть у вас еще какие-нибудь татуи-

ровки, кроме той, что на руке?

— Есть. Одна на спине и еще на правом плече.

— Снимите рубашку.

— Зачем.

— Да блин. Мы обязаны проверить.

Эй-Джей снял рубашку. В старших классах он был долговязым мальчишкой, а теперь у него были рельефные плечи, широкие бицепсы и узкая, как у пловца, талия. Такой внешности я бы не смог добиться, сколько бы ни качался. Честно говоря, в последнее время я не особенно качался. На спине у Эй-Джея красовалась виноградная лоза, полноцветная татуировка, на создание которой наверняка потребовалось несколько сеансов. Но озадачил меня простой рисунок у него на плече.

— Что это?

— Крест.

— Не просто крест. Это кельтский крест. Почему у тебя кельтский крест?

— Потому что я христианин, придурок. Или теперь это тоже запрещено законом?

— А знаете что? — сказал Ломели из-за стойки. — Телефон только что отключили.

Никогда не зли Ломели. Это прекрасно знали наркоманы, проститутки, мелкие воришки и другие завсегдатаи тюрьмы. Теперь и Эй-Джею

предстояло выучить этот урок. Ему придется подождать до вечера, чтобы позвонить.

Я подписал все бумаги и вышел, прошел через парковку к полицейскому участку, чтобы взять парацетамол со своего стола. Из дежурной части доносились веселые голоса. Фрэн, мой любимый диспетчер, уходила на пенсию, и ребята устроили ей прощальную вечеринку. Я подошел поздороваться, и мой голос прозвучал так слабо, как будто доносился откуда-то издалека. Я выпил два стакана лимонада и только потом подошел к столу и положил себе лазанью, цукини и сырные палочки в панировке. Первую тарелку я съел стоя, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Во второй раз наполнив тарелку едой, я огляделся и заметил, что Мёрфи разговаривает с Коулман, наклонившись к ней очень близко, как будто рассказывает ей какую-то пикантную офисную сплетню или делится секретом. Коулман заметила, что я наблюдаю за ними, выпрямилась и помахала мне.

Коулман

Два водителя-лихача в одной семье? Возможно такое? Мой муж бы ответил, что еще как возможно. От осинки не родятся апельсинки. Яблоко от яблони недалеко падает. Отец — рыбак, и дети в воду смотрят. Но я не особенно верю во всю эту народную мудрость, и мне не понравилось, что именно Горецки арестовал Эй-Джея. Его участие в этом деле может создать впечатление, что полиция злоупотребляет полномочиями и мстит семье Бейкеров, и на суде это сыграет на руку подсудимому. Поэтому я решила дойти до тюрьмы и попросить Ломели показать мне документы. Сержант отложил в сторону любовный роман, который читал, и выложил на стойку заполненные бланки. Горецки нервно нависал надо мной, пока я их просматривала.

— Что не так? — спросил он.

— Ты арестовал его за то, что из выхлопной трубы шел дым? За это просто выписывают штраф.

— Я и *собирался* выписать штраф, а потом вдруг обнаружил, что его водительские права приостановлены.

— Хочешь сказать, что к твоей девушке это не имеет никакого отношения?

— Не имеет. И между нами все кончено.

— Понятно.

Я уже собиралась вернуть документы Ломели, но вдруг заметила, что адрес Эй-Джея указан как Саннислоуп-драйв, 8500. Это был адрес его родителей. Я вдруг вспомнила, что, когда приезжала к ним, невестка сидела в гостиной и, положив ноги на оттоманку, смотрела сериал. По этим деталям можно было сделать совершенно разные выводы. Бейкеры состарились, и Эй-Джей переехал к ним, чтобы помогать по хозяйству, возить на приемы к врачам и следить, чтобы они вовремя принимали лекарства. Или, может быть, наоборот, у самого Эй-Джея настали трудные времена, и он переехал к родителям, чтобы справиться с проблемами и встать на ноги. И каково им жить вместе? Наверное, это непросто — вернуться к родителям, когда тебе уже за тридцать и у тебя у самого семья. Может, из-за этого он стал пить и в результате его задержали за вождение в нетрезвом виде? Или именно из-за того, что его задержали и отобрали права, он вернулся домой?

— Где сейчас арестованный? — спросила я.

— Б-восемь, — ответил Ламели и нажал кнопку,

чтобы отпереть дверь.

Я пошла по коридору, Горецки не отставал. Свет из решетчатого окна камеры резкими линиями падал на бетонный пол, слабый запах хлорки витал в воздухе. Услышав наши шаги, Эй-Джей сел на койке. Удивление промелькнуло в его взгляде, когда он увидел меня без формы, но со значком детектива на поясе. Он перевел взгляд на Горецки, словно обвинял его в этом новом повороте событий, потом улегся обратно на койку и уставился в потолок.

— Здравствуйте, Эй-Джей, — сказала я. — Можно называть вас Эй-Джей?

Он ничего не ответил. В конце коридора с металлическим лязгом захлопнулась дверь.

— Хотите чего-нибудь? Сэндвич или кофе? — Эй-Джей продолжал меня игнорировать, и я поняла, что присутствие Горецки вряд ли поможет его разговорить. — У нас сегодня наверху шведский стол. Принеси ему что-нибудь поесть.

— Ага, щаз! Я ему не прислуга! Вечером его чем-нибудь покормят.

Можно было не спрашивать, знал ли Горецки раньше этого парня. Своим отвратительным поведением он это откровенно демонстрировал. Он стоял рядом, уперев руки в бока, и ждал, что

я буду делать дальше. Он стал очень смуглым за это лето, но под глазами залегли серые круги.

— Вечер еще не скоро, — ответила я. — Не сомневаюсь, что Эй-Джей не прочь перекусить.

— Вы зря тратите время, — сказал Эй-Джей. — Я не буду говорить.

— Да разве мы разговариваем, — удивилась я. — Мы просто поздоровались.

— Поздороваетесь с моим адвокатом. Когда мне позволят ему позвонить.

Горецки повернулся ко мне. «Видишь, — выразительно сообщили мне его глаза, — я же говорил, что он придурок». Это только подогрело мой интерес к истории Бейкеров, я постепенно начала собирать ее по кусочкам, складывать пазл.

— Принеси Эй-Джею что-нибудь поесть, — сурово произнесла я, чтобы Горецки не сомневался, что это приказ. Я дождалась, когда он уйдет, потом снова повернулась к камере. — Ладно, теперь, кроме нас, здесь никого нет. Может, нам получится во всем разобраться и вернуть вас поскорей домой. Вы живете с родителями, так ведь?

Эй-Джей издал странный звук. Он мог означать что угодно. Например: «А вам какое дело, дамочка?» или «Да, я живу с родителями, это полный отстой». Или что-то еще другое.

— Послушайте, — продолжала я. — Не будьте к себе так строги. Все бывает. Мой дядя, например, баптистский проповедник, самый честный человек, какого я знаю. Однажды на Рождество тетя забыла купить соус для ветчины, и он решил быстренько съездить в магазин, хотя успел выпить, пока ждал ужина. В результате у него отобрали права за вождение в нетрезвом виде. Бывает. А когда приостанавливают права — это просто ужасно, я представляю. Не можешь сесть за руль и поехать, куда тебе нужно, приходится ловить такси или еще что-то придумывать. Не повезло. Понимаю.

Недовольное ворчание:

— Ничего вы не понимаете.

— Чего я не понимаю? Ваши водительские права приостановлены, верно? Я знаю, что это просто ужасно. Особенно если на девять месяцев. Теперь приходится все время просить, чтобы вас кто-нибудь подвез, или одалживать машину у мамы, чтобы доехать, куда нужно.

— Зря тратите время, — повторил Эй-Джей и повернулся на бок лицом к стене. Он был высоким, таким же, как и его отец, ноги свисали с койки. — С ниггерами я разговаривать не буду.

Он тихо произнес это слово, но я прекрасно

его услышала. В конце коридора металлическая дверь с грохотом закрылась за Горецки. Я осталась совсем одна. И мне снова было девять. Или одиннадцать. Или четырнадцать. Неважно сколько, каждый раз это было одинаково больно. Разница была только в том, кто это сказал и что я сделала. Убежала с детской площадки в слезах. Рассказала учительнице. Подралась на лестнице, после чего мне наложили три шва на бровь. И каждый раз, каждый раз мне хотелось как-то унять боль от оскорбления, но я чувствовала, что уже поздно, оно уже отравило меня. Я вдруг вспомнила сына. В то утро он поехал в школу вместе с Брэндоном на велосипеде и нетерпеливо махнул рукой, когда я крикнула ему, чтобы он ехал осторожно: «Не волнуйся, мам!» Но я все время за него волновалась. Мама всегда беспокоится, такова ее доля.

Обеими руками я схватилась за металлические прутья решетки:

— Что ты только что сказал?

Молчание. Он ждал, чтобы я ушла.

— Эй, я с тобой разговариваю!

Когда Эй-Джей почувствовал, что я все еще стою у дверей камеры, он приподнялся на койке и сел лицом ко мне. Он говорил медленно и четко,

выговаривая каждое слово:

— Я сказал, что с тупым ниггером разговаривать не буду. Теперь услышала?

Я вцепилась в решетку мертвой хваткой. Нора Геррауи рассказывала мне о том, что он сделал много лет назад, и тогда я ответила ей, что то, что случилось с ней в школе, не имеет отношения к тому, что произошло с ее отцом. Но я ошиблась. Нельзя отделять настоящее от прошлого, никогда, одного без другого не существует.

— Услышала, — ответила я, развернулась и ушла. В приемной я сказала Ломели, что мне нужно еще кое-что уточнить.

Двадцать минут спустя я уже подъезжала к дому на Саннислоуп-драйв. Хелен Бейкер стояла на улице, она поднимала красный флажок на почтовом ящике[52]. Это была высокая женщина с тонкими губами, нетронутыми косметикой, и седеющими волосами, которые собирала в хвост, как учительница физкультуры. Прикрыв глаза рукой от солнца, она смотрела, как я выхожу из машины. Две собаки породы колли стояли рядом с ней и тяжело дышали от жары.

— Добрый день, миссис Бейкер, — сказала я. Я

---

[52] Примечания: 52

Поднятый красный флажок на почтовом ящике означает, что в ящике есть письма, которые почтальон должен забрать.

протянула руку, и колли тут же подошли понюхать ее. — Какие красивые собаки. Как их зовут?

— Вот этого зовут Лойал, — неохотно проговорила она. Тремор миссис Бейкер явно усилился с тех пор, как я в последний раз ее видела, когда приезжала поговорить с ее мужем по поводу наезда на человека. — А этого зовут Ройал.

— Сын просит у меня собаку, но я не знаю, какая порода лучше.

— Берите колли, не пожалеете.

— Значит, советуете колли. — Я почесала Ройала по подбородку… или это был Лойал. Он вытянул шею с явным удовольствием. Вторая собака жалобно заскулила. — Проблема в том, что сын очень хочет шоколадного лабрадора. Знаете, какие они, эти мальчишки, что-нибудь вобьют себе в голову, и отговорить их потом просто невозможно.

— Вы по какому-то делу приехали? — спросила миссис Бейкер.

Я посмотрела мимо нее на дом, купающийся в полуденной жаре. Дверь гаража была открыта, внутри пусто.

— Миссис Бейкер, у вашего сына есть машина?

— Сейчас нет, — ответила она после минутного колебания. — А почему вы спрашиваете?

— Просто так, мне интересно. По дороге сюда я не заметила ни одной автобусной остановки. Если у Эй-Джея нет машины, как он ездит по городу? Он берет вашу?

Миссис Бейкер схватилась за почтовый ящик, будто боялась упасть. Одна из собак ткнулась мордой ей в ноги, прося, чтобы ее погладили, но хозяйка не отреагировала. Она смотрела на меня и пыталась понять, как ей правильно ответить.

— Может быть, и тогда, в апреле, он взял машину вашего мужа?

— Это был несчастный случай, — взмолилась она. — Несчастный случай.

Ты же тоже мать, как будто говорила она мне, разве ты не понимаешь, что это естественно — защищать своего сына. Я почесала шрам на брови ногтем большого пальца — старая привычка, которая возвращалась время от времени. Отдельные кусочки пазла сложились в цельную картину, но теперь я поняла, что эту картину можно увидеть и по-другому. Конечно, мне было понятно желание миссис Бейкер защитить своего сына. Но должен же кто-то защитить от него остальных.

Андерсон

Я поздно стал отцом. Всю жизнь мечтал о сыне, и когда наконец, спустя пятнадцать лет, он родился, я был удивлен, насколько реальность не совпала с ожиданиями. Это оказалось даже лучше, чем в самых смелых моих мечтах. Помню лето, когда родился Эй-Джей, как я сидел на диване, а он спал у меня на груди, свернувшись калачиком, и пускал слюни мне на рубашку. Он был счастливым, спокойным младенцем. К тому времени, когда ему исполнилось три месяца, он научился спать ночью, не просыпаясь, зубки тоже прорезались без особых проблем. Я часто вспоминаю его детство и пытаюсь найти тот момент, когда что-то пошло не так. Но у меня ничего не получается. Не было такого момента. Может, это произошло оттого, что Хелен слишком с ним нянчилась, а я не лез со своими советами. Может, все началось тогда, когда на детской площадке он замкнулся в себе и не играл с другими детьми. А возможно, это связано с тем, что много лет спустя, в старших классах, он превратился в хулигана и травил остальных. Трудно любить злобного

задиру, но, видит бог, я любил его всем сердцем.

Я старался ему помочь. Но сын не слушал меня, а ему стоило бы, хоть иногда. Например, когда он решил открыть детский сад для собак, я объяснил, что сейчас неподходящее время, экономический кризис и все такое, но сын решил, что мне просто жаль денег и я не хочу одалживать ему пятьдесят тысяч. В результате он уговорил мать надавить на меня, чтобы я дал ему эти деньги. Конечно же, прогорел. Думаю, он очень этого стыдился. И еще сильно разозлился из-за того, как именно прогорел. Он начал ссориться с женой и выпивать, и в результате у него отобрали права за вождение в нетрезвом виде. Всего этого он мне не рассказывал, я узнал обо всем потом, от его матери. Поэтому я очень удивился, когда он позвонил как-то поздно вечером. Я только вернулся домой с работы и открывал банку пива, когда зазвонил телефон.

— Что случилось? — спросил я, сразу заподозрив неладное, раз сын звонит, — так редко он это делал.

— Ничего не случилось, пап.

Эй-Джей ничего не сказал мне тогда, даже не спросил, как у меня дела, и не объяснил, почему звонит. Может быть, хотел поговорить с Хелен,

но в те выходные она была в Канзас-Сити на похоронах племянницы. Всякий раз, когда жена уезжала, она оставляла мне инструкции на холодильнике: что мне есть и как это разогревать. У нее был красивый почерк, и я помню, что стоял в тот вечер, держал телефон у уха и разглядывал ее записку. «Вторник: запеченные зити[53]. Включи духовку на 175 градусов и разогревай 15 минут». Я взял пиво, вышел из кухни, пересек гостиную, где спали колли, и оказался на заднем дворе. Стояла ясная ночь.

— Сегодня звезды видны, — произнес я, просто чтобы не молчать.

— Я тут подумал… — начал Эй-Джей и снова замолчал.

Я сел на складной стул, не обращая внимания на то, что он весь в пыли и в песке, и отхлебнул пива из банки.

— Как Аннет? — спросил я. — Все у вас в порядке?

— Все в порядке. Дело не в этом.

— А в чем дело?

— Я продал сегодня вывеску своего магазина.

Нужно описать эту вывеску, потому что Эй-

---

[53] Примечания: 53
Разновидность итальянских макарон.

Джей сам ее сделал. Он всегда любил рисовать, может нарисовать практически все что угодно, поэтому когда открыл детский сад для собак, то вложил всю душу в вывеску. Из окрашенной стали он соорудил почти двухметрового колли с костью во рту, которая светилась в темноте, и установил его на крыше своего заведения. Вывеска привлекала внимание клиентов, они заходили внутрь и спрашивали про нее, так завязывался разговор. Я знал, как важна была для него эта вывеска, и удивился, что он решил с ней расстаться.

— Кому ты ее продал? — спросил я.

— Одному парню, он хочет ее переплавить. Получил сорок баксов.

— Что ж, неплохая сумма. — Я старался сказать что-то хорошее, хотя, конечно, сорок баксов были каплей в море по сравнению с тем, сколько он задолжал банку.

— Пап, — сказал он, — что мне теперь делать?

У него был такой испуганный голос, и я вдруг вспомнил, как он испугался в четыре года, когда вышел первым из лифта в отеле в Лас-Вегасе и двери за ним закрылись, а мы остались внутри. Целых двадцать минут мы ездили туда-сюда на этом чертовом лифте, пока не нашли его. Он

плакал и держался за пипку, чтобы не описаться. После этого он целый день не отпускал руку Хелен.

Я отхлебнул пива и задумался, всерьез он спрашивает моего мнения или нет. Его никогда раньше не интересовало, что я думаю по тому или иному поводу, но по затянувшемуся молчанию я понял, что он серьезно.

— Может быть, тебе вернуться домой? — предложил я. — Поработаешь в боулинге, сэкономишь на счетах, снова встанешь на ноги.

— А ты не против?

— Конечно нет. Ты же мой сын.

Позже, той весной, он переехал к нам обратно. Привез с собой жену, дочь, ее хомячка и еще собак колли. За одну ночь дом стал маленьким, многолюдным и шумным. Очень шумным. Я не сразу сумел к этому привыкнуть. Аннет удалось найти работу в Палм-Спрингс, в компании, занимающейся оформлением недвижимости, а Эй-Джей пошел работать ко мне, но у них все равно оставалась довольно большая задолженность по кредитным картам и некоторым счетам. Было непросто, вот что я пытаюсь сказать. Мы все были в постоянном напряжении и дома, и на работе. И все же впервые в жизни я проводил с сыном

столько времени. Мы много разговаривали, он расспрашивал меня о бизнесе. И у меня возникло ощущение, что наконец-то между нами установилась какая-то связь, взаимопонимание.

Конечно, ему нельзя было садиться за руль в тот вечер. Но Хелен не могла водить машину из-за тремора, а невестка не хотела иметь ничего общего с боулингом. Мы стремились развивать свой бизнес, и другого выбора у нас не было. Да и садился за руль он всего пару раз, когда некому было его подвезти. Тот сосед, которого он сбил… это был несчастный случай. Эй-Джей ни в чем не виноват, но не сомневаюсь, что, учитывая его послужной список, они представят все так, будто он сделал это нарочно. Я знаю, что мой сын — хороший парень. В глубине души. Как хотелось бы протянуть мостик из прошлого в настоящее, вернуть старое. Может быть, именно поэтому я и пытаюсь все вам сейчас объяснить.

Эй-Джей

Через пару дней после моего ареста какая-то журналистка залезла в мои соцсети, вырвала из контекста пару цитат и комментариев и выставила меня монстром. Читатели «Дезерт сан», конечно же, проглотили наживку. Забавно, все только и делают, что прославляют культурное многообразие, но как только поднимаешь тему культуры белых, набрасываются на тебя и начинают оскорблять. Кто-то отправил в редакцию газеты письмо, в котором обозвал меня расистом. Так сейчас называют всех белых гетеросексуалов. Все вокруг могут гордиться своим происхождением, но только не я, так, что ли?

Что меня больше всего взбесило, так это то, что, как только я внес залог и вышел на свободу, некоторые стали вести себя так, как будто я и правда монстр, с рогами и клыками. Но я не монстр. Я такой же, как все: люблю свою семью, играю с собаками, покупаю на заправке лотерейные билеты, целыми днями фантазирую о том, что бы сделал, если бы выиграл миллион долларов. Если я чем-то и отличаюсь от всех остальных, то толь-

ко пониманием того, что несу ответственность за то, что происходит в моей жизни. Например, когда я закончил колледж, страна переживала тяжелый экономический кризис, но я не сидел сложа руки и не изображал жертву, как делали многие. Я занял немного денег у родителей и открыл собственный бизнес в Ирвайне — детский сад для собак.

Конечно, отец всему этому не сильно радовался. Он скупой и не считает, что собаки — это хорошее вложение денег, но мама уговорила его. И он ошибся, потому что мой детский сад процветал. «Лапы и когти» — так он назывался. Помимо дневной передержки я предлагал и множество других услуг, таких как груминг и содержание собак в питомнике. К концу первого года у меня сформировалась солидная клиентская база из местных программистов, которые работали допоздна и у которых не было времени выгуливать собак или играть с ними. Я женился на подруге по колледжу Аннет, и у нас родилась дочка. Все было прекрасно. Мы были счастливы, но я осознал это только через три года, когда наше счастье рухнуло.

В тот день я возвращался после прогулки с двумя золотистыми ретриверами и хаски, и

вдруг одна из моих новых клиенток выскочила из машины и бросилась ко мне. Ее звали Грейс Чин. Хаски начал лаять, так агрессивно вела себя женщина, и мне пришлось сначала успокаивать его, чтобы понять, что она говорит. Хотя это все равно не помогло, она очень плохо владела английским. Но я догадался, что она хочет забрать Орешка, джек-рассел-терьера, которого она оставила у меня на выходные.

— Одну минутку, — сказал я. Мне нужно было завести больших собак внутрь. Она бросила «лексус» посреди дороги с включенными аварийными огнями, помню, у меня возникло от этого дурное предчувствие; я подумал, что что-то нехорошее должно случиться. Я завел двух золотистых ретриверов и хаски в вольеры, снял с них поводки и вернулся за джек-расселом. Я услышал, что сзади звякнул дверной колокольчик, и понял, что Грейс Чин зашла внутрь.

Хочу подчеркнуть, что я честный бизнесмен и соблюдаю все законы и правила. Я уверен, что у Орешка было какое-то заболевание, потому что я не сделал ничего, что могло привести к его смерти. Каждый день я кормил и поил его, как обычно, он не мог внезапно заболеть. Но он не двигался, даже после того, как я окликнул его по

имени; я пытался понять, что не так, а китаёза все не унималась.

— Что вы сделали с моей собакой? — голосила она. — Что вы с ней сделали?

— Ничего я с ним не делал, — ответил я и погладил Орешка. Ей-богу, он шевельнулся. — Видите!

Дамочка обошла стойку, совершенно проигнорировав табличку «Только для персонала», и встала рядом со мной. Она проворковала что-то нежное, но пес не шевельнулся. Тогда она попыталась поднять его, но он повис у нее на руках. Тогда она заорала так, будто с нее заживо сдирают кожу. Еще до того, как ветеринар успел определить причину смерти, она рассказала всем знакомым, что я убил ее Орешка. Она была инженером по базам данных и знала большинство моих клиентов, так что, конечно, многих клиентов я потерял. А потом просто разорился из-за судебного иска. Много бессонных ночей я вспоминал и анализировал события того дня и до сих пор не пойму, от чего погиб джек-рассел-терьер. Не сомневаюсь, что еда, которой я его кормил, и вода, которую он пил, тут ни при чем. Может, съел что-то, когда я вывел его на прогулку. В любом случае я не был виноват в его гибели. Но никого это не волновало, я начал терять клиентов одного

за другим. Я не мог поверить, что эта женщина, которая приехала в мою страну, едва научилась говорить на моем языке, осмелилась подать на меня в суд за халатность.

Продолжать бизнес не имело смысла, по крайней мере в Ирвайне, но у меня не было денег, чтобы открыть детский сад для собак где-нибудь еще. К тому же мамина болезнь прогрессировала, и в результате я вернулся домой. Я подумал, что мне не помешает научиться управлять боулингом, ведь со временем этот бизнес перейдет ко мне по наследству. Моему отцу тогда было уже семьдесят восемь, он давно перевалил за пенсионный возраст, но на пенсию уходить не хотел, поэтому мне оставалось только ждать. У меня было множество идей по поводу этого бизнеса. Вместо киоска я планировал сделать полноценный буфет, купить новые игровые автоматы, поменять музыку и вывески и тому подобное. Всякий раз, когда я предлагал отцу что-то изменить, он говорил, что у него нет на это денег и что уже отдал все свои сбережения на мой бизнес. Но мой бизнес прогорел.

То, что случилось с тем соседом, — это несчастный случай. Было слишком темно, и я поздно его заметил, не успел ничего сделать. Ну скажите,

зачем мне его убивать?

Дрисс

Кажется, я уже упоминал, что той зимой мой бизнес пошел на спад. Недалеко от нас, если ехать на запад по шоссе, открылись еще два новых ресторана. И хотя в одном подавали только сэндвичи, а во втором — только пирожные и печенье, меня беспокоила неожиданная конкуренция. Сорок процентов моего дохода — это туристы, которые заезжают в ресторан по дороге в национальный парк или на какой-нибудь концерт в пустыне. Поэтому я решил кое-что изменить. Я решил убрать из меню кукурузный хэш и жареные сырные палочки, добавить новые салаты и фруктовые смузи, заменить виниловые полы на входе и подумывал о том, чтобы получить лицензию на продажу алкоголя. Но самое важное: я понял, что для привлечения внимания туристов, несущихся мимо по шоссе, нужно установить на ресторане новую большую вывеску.

Старая вывеска досталась мне от предыдущего владельца. Это было несколько досок, выкрашенных в зеленый цвет, с надписью белыми буквами: «Закусочная». Симпатичная доска, но краски на

ней давным-давно поблекли, к тому же правую часть вывески закрывало огромное дерево рядом с рестораном. Пало-верде. Весной, когда желтые цветки появлялись на его ветвях, называние ресторана из «Закусочной» превращалось в «Закус», а то и вовсе в «Зак». Даже если не учитывать все это весеннее цветение, ночью было очень легко не заметить ресторана, потому что шоссе плохо освещалось. Владелец хозяйственного магазина в двух кварталах от «Закусочной» понял это много лет назад и повесил неоновую вывеску.

Одним февральским вечером, пока Рафи мыл пол, я набросал за стойкой на листке бумаги новый дизайн. Вывеску я оставил деревянной, потому что клиенты к ней привыкли, но увеличил ее размер и изменил цвета с зеленого и белого на красный и белый, для большей контрастности. Я решил установить вывеску повыше, чтобы ее не заслонял цветущий пало-верде, и для пущего эффекта добавил изогнутую металлическую стрелу, усеянную лампочками. Идею светящейся стрелы мне подсказала Беатрис; она сказала, что так вывеска приобретет классический вид, что идеально подойдет для моего ресторана.

На следующее утро я отнес этот рисунок в местный магазин вывесок. Меня будоражила мысль

о том, что я вступаю на новую дорогу, дорогу перемен, будто наконец-то отправился в далекое путешествие, о котором мечтал годами. Помимо новых планов, связанных с рестораном, я строил планы на жизнь с Беатрис, а это означало, что мне предстоит мучительно трудный разговор с Мариам. Каждое утро я просыпался с мыслью, что сегодня все ей расскажу, и каждый вечер, вернувшись домой, откладывал разговор на потом. Так что та зима была одновременно полна и напряжения, и, наоборот, новых надежд. Противоречивые чувства переполняли меня — такого не было давно, со времен юности.

Вывеску изготовили за четыре дня, но пришлось ждать еще шесть недель, чтобы получить разрешение ее повесить. Установка была запланирована на 28 апреля, и, когда в мастерской мне сказали, что для этого пришлют специальный грузовик, я попросил их приехать рано утром, до открытия боулинга. Но они не послушали меня. Или, может быть, в тот день рано утром у них была работа в другом месте. Грузовик подъехал к ресторану только около одиннадцати утра, и его кран перекрыл часть парковки. Мне пришлось переставлять свою машину на южную сторону Чемеуэви, чтобы освободить место для клиентов.

Целый час ушел на то, чтобы снять старую вывеску и установить новую. И пока я бегал туда-сюда, следил, чтобы люди могли спокойно парковаться и выезжать со стоянки, и параллельно давал подрядчику важные указания, сын Бейкера стоял у дверей боулинга и внимательно наблюдал за нами.

Грузовик уехал, а я стоял и любовался новой вывеской. Она получилась даже лучше, чем я ожидал. Удача вдохновила меня, я захотел еще кое-что исправить в ресторане. Подвесные светильники над столиками у окон висели там с 1959 года, когда закусочная только открылась, и, хотя они были из красивого кремового стекла, светили они очень тускло и вечером почти не освещали ресторан. Поэтому я решил увеличить мощность лампочек до 75 ватт — так клиентам будет легче разглядеть меню и при этом ощущение уюта не исчезнет. В тот вечер я отпустил Марти пораньше, сказал, что сам все закрою.

Я запер входную дверь и принес лампочки из подсобки. В бледном свете, который шел от прилавка, я переходил от столика к столику и менял старые лампы на новые. Потом я щелкнул выключателем, и из темноты выплыл ряд кресел со столиками. Я вышел на парковку, чтобы

посмотреть, как ресторан выглядит снаружи. Он буквально преобразился, стал таким ярким, манящим, что мне захотелось оставить свет на всю ночь. Краем глаза я заметил, что сын Бейкера выходит из боулинга. Он остановился возле отцовской машины и глядел на ресторан, будто его тоже это касалось. Когда-то он был долговязым парнишкой с бегающим взглядом, а теперь превратился в широкоплечего мужчину, его глаза больше не бегали, а смотрели пристально и внимательно. Даже как-то слишком внимательно. Мне стало немного неприятно от его взгляда, появилось чувство, что за мной наблюдают.

И все же это был хороший день, много дел сделано. Когда я запер в тот вечер двери ресторана, меня переполняли светлые надежды на будущее. Я подумал, что сегодня расскажу наконец Мариам о нас с Беатрис, не стану больше откладывать. Позвякивая ключами, я пошел к машине.

Джереми

Я шел по коридору, разрисованному граффити, синими и желтыми каракулями, смысл которых разобрать не мог. Какой-то верзила преградил мне путь, а когда я попытался обойти его, на меня набросились еще трое. Тут позвонили в дверь. Я нажал на паузу, моя винтовка застыла в центре экрана, я проверил, какой у меня счет. Всего на четыре очка отстаю от Дэмиена85, игрока из Канады, которого вот уже несколько недель пытаюсь обыграть. Я достал бумажник и пошел к двери, пытаясь вспомнить, сколько стоит масала из баранины — 14 или 16 долларов. Но это оказался не курьер, а Нора. От неожиданности у меня перехватило дыхание.

Я сунул деньги обратно в бумажник и отступил в сторону. Она вошла, за ней тянулся легкий аромат духов. Никакого макияжа на лице. На шее серебряная цепочка. Только сейчас я заметил у нее в руках коричневую хозяйственную сумку с моими походными ботинками, шапками, одеждой и другими мелочами, которые я оставил у нее в домике. Так вот почему она здесь. Что ж, боль-

ше нам не по пути, мы стоим на развилке, там, где заканчивается любовь. Несколько недель я готовился к этому моменту, и все равно он застал меня врасплох.

— Можешь бросить куда-нибудь сюда, — сказал я, указывая подбородком на ближайший угол.

Однако ее платье мне возвращать не хотелось. Оно висело в шкафу, и я постоянно зарывался в него лицом, до тех пор пока не перестал чувствовать ее запах. Мне хотелось, чтобы эмалированная коробочка для таблеток, в которой Нора держала разные витамины, так и осталась стоять на полочке в ванной. Я не желал расставаться с ее экземпляром книги Джеймса Болдуина «Завтра — пожар», которая лежала на тумбочке рядом с кроватью. Поля книги исчерканы заметками, очень длинными, переползавшими с одной страницы на другую. Дорогие сердцу знаки того, что когда-то Нора жила здесь. Что какое-то время она присутствовала в моей жизни.

Нора положила сумку и окинула взглядом гостиную. В ней царил жуткий беспорядок: на экране телевизора застыла игра-стрелялка, весь экран был забрызган компьютерной кровью; на диване валялась куча одежды; под журнальным столиком собирали пыль бутылки из-под пива и

виски, учебники и тетрадки. Потом Нора повернулась ко мне.

— Как ты? — спросила она.

— Лучше не бывает.

Я хотел спровоцировать ее, но она проигнорировала мой сарказм. После небольшой паузы она сказала:

— Мне позвонила детектив Коулман.

Вот в чем причина ее приезда. И ничего больше.

— Просто не верится. Эй-Джей убил моего папу, а потом позволил своему отцу взять вину на себя. — Она в недоумении покачала головой. — И мы бы никогда об этом не узнали, если бы ты не остановил его на дороге.

— Это вышло совершенно случайно, — пожал я плечами. Думаю, мне такое просто и в голову не могло прийти — откуда мне знать, что бывают такие отцы, как Андерсон Бейкер, готовые пожертвовать всем ради сына.

— Все равно спасибо, Джереми.

Я быстро кивнул в ответ. Она произнесла мое имя, и от этого мне стало еще больней. «Уходи, — думал я. — Не мучай меня, уходи». В дверь снова позвонили. Я бросился открывать, обрадованный тем, что меня отвлекли. Это был Джо, курьер.

Два-три раза в неделю я заказывал еду из индийского ресторана, и случались дни, когда Джо был единственным моим собеседником, не считая коллег и различных правонарушителей.

— Привет, — весело сказал он и протянул мне бумажный пакет с прикрепленным к нему чеком, на котором желтым маркером была подчеркнута сумма. — Ровно двадцать один доллар. На самосы сегодня скидка пятьдесят процентов.

Я достал купюры из бумажника и быстро отсчитал 25 долларов.

— Это твоя девушка? — спросил он, заглядывая мне через плечо.

— Что?

Джо расплылся в улыбке.

— Твоя девушка? Очень симпатичная.

Я отдал ему деньги, взял коричневый пакет и пинком захлопнул дверь. Из пакета доносился запах теплой лепешки наан, чеснока и баранины, но аппетит у меня пропал. Я отнес еду на кухню, положил на стол, а когда обернулся, то увидел в дверях кухни Нору. Было невыносимо видеть ее так близко. Я почувствовал комок в горле, мне пришлось сглотнуть, чтобы что-то сказать. То, что у меня вырвалось, напоминало и восклицание, и вопрос одновременно.

— Ты просто взяла и уехала.

Она подошла и встала у стола напротив меня.

— Я решила, что снова случится что-нибудь ужасное. Только на этот раз не с папой, а со мной.

— Я же сказал, что не позволю Фиерро и пальцем тебя тронуть.

— Ты не можешь стопроцентно это гарантировать.

— И поэтому ты решила исчезнуть? Не позвонила, не написала, просто взяла и испарилась. Значит, я для тебя пустое место. В какой-то момент тебе нужно было на кого-то опереться, а потом, когда отпала надобность, ты просто выбросила меня, как ненужный костыль.

— Нет, все не так. Послушай, я это и пытаюсь тебе объяснить. Я все так же сломлена, ничего не изменилось.

Все, чего я хотел, — это оберегать ее, но каким-то образом умудрился, наоборот, подвергнуть еще большей опасности.

— Я облажался, — сказал я. — Я знаю, что облажался.

Нора дотронулась до моей руки, и в этот момент я как будто все вспомнил. Как она прильнула ко мне, когда я впервые поцеловал ее в пустыне. Как

прижалась губами к моей коже, когда я рассказал ей о Флетчере. Вспомнил, как однажды утром, когда я был в душе, она сунула мне в карман джинсов стихотворение Неруды и как я потом нашел его, когда искал ключи от машины на парковке универсама. Я стоял возле машины с только что купленным пятикилограммовым пакетом льда, который уже таял на солнце, и все перечитывал эти строчки: «Люблю тебя, как тот цветок, что не цветет, но тайно / Хранит внутри своих листов свечение цветка». Это был единственный момент, когда она почти призналась мне в любви. Те несколько недель, что я провел с ней, стали барометром, который теперь определял мое будущее. Мгновение назад я был так зол на нее, мне хотелось, чтобы она ушла. А теперь я чувствовал такую нежность, что у меня закружилась голова.

— Мне очень тебя не хватает, — прошептал я.

— А мне — тебя, — ответила она.

Любовь ткется из подобных отголосков, и теперь, услышав ее ответ, я понял, что мы сможем все преодолеть и пойти дальше вместе. Я раскрыл объятья, и она шагнула ко мне. Мы прижались друг к другу и замерли, будто и не было размолвки, будто она не уезжала. Главное было не

замолкать, а продолжать разговаривать друг с другом.

Нора

Дождливым сентябрьским утром мы выехали из Окленда. Замок на кузове пикапа дребезжал, пока мы ехали по узким улочкам моего района, но, как только мы выехали на автостраду, этот звук исчез. Я часто ездила этой дорогой, но за рулем грузовика ехала впервые, и впервые с мамой, которая смертельно боялась аварий и постоянно просила меня сбавить скорость. В бардачке мама нашла карту Калифорнии, фантики от конфет, старый журнал — вещи, оставленные незнакомцами. Она бездумно полистала журнал, потом положила его обратно и уставилась в окно. За окном проносились виноградники, рощи цитрусовых деревьев, откормочные площадки для скота, запах которых разносился на много километров, плакаты, обвиняющие Конгресс в засухе, билборды с рекламой ресторанов. Где-то во второй половине дня мама снова достала из бардачка журнал и начала зачитывать мне кроссворд с последней страницы: «Блуждающий дух», пять букв; «Сильная сторона слона», шесть букв.

Поздно вечером мы наконец доехали до пусты-

ни. Как только мы свернули на 62-е шоссе, мама включила радио и начала крутить ручку.

— Сейчас начнется передача с Клаудией Корбетт, — сказала она, прибавляя громкость.

На передачу позвонил пожилой мужчина и рассказал, что беспокоится о сыне, у которого была хорошо оплачиваемая работа в ипотечной компании в Денвере и которому при этом постоянно не хватало денег.

— Сколько бы он ни зарабатывал, — объяснял звонивший, — он всегда тратит больше. Я этого не понимаю.

Я ожидала, что Клаудия посоветует сыну отказаться от кредитных карточек и постараться погасить свой долг, но вместо этого она начала задавать вопросы о его детстве и воспитании, уверенная, что в этом кроется корень всех его проблем. Мама восхищенно слушала ее. Она очень любила это ток-шоу, и я вдруг подумала, что в этой передаче есть элемент вуайеризма: можно как бы подглядеть в щелку за чьей-то личной жизнью, что в реальности было совершенно невозможно. Мама никого не допускала в свою личную жизнь, держала дверь плотно закрытой. Я дождалась окончания передачи, потом выключила радио.

— Мам, мне надо кое-что тебе рассказать, — призналась я. — О папе.

— Что?

Я больше не могла хранить папину тайну. Мне нужно было обо всем рассказать маме, прямо сейчас.

— У него была другая женщина, — сказала я.

Я выдохнула и стала ждать маминого возмущения и неприятных вопросов: что это я такое вообразила, это невозможно, и вообще, откуда мне об этом знать. Нелегко смириться с тем, что любимый человек способен на ужасные поступки, ведь, когда любишь кого-то, он кажется особенным. Мама отвернулась от меня и уставилась вперед, на дорогу. За окнами машины теперь проносились темные креозотовые кусты, мескитовые деревья и йерба-санта, на горизонте вставали горы. Прошла еще минута, прежде чем я поняла, почему мама молчит. Я изо всех сил вцепилась в руль.

— Ты знала? — удивилась я. — Почему же ты молчала?

— А зачем мне об этом говорить? Это наши с папой дела.

Значит, она видела уродливое лицо отца, которое он прятал за маской, и все равно любила

его. Всю жизнь я считала ее бескомпромиссной, порой даже безжалостной, и было так странно сейчас, когда мы мчались по ночному шоссе, открыть в ней эту новую сторону. Коричневый крадущийся силуэт пересек дорогу. Я убрала ногу с педали газа.

— Кто эта женщина? — спросила я.

Я видела, как маме трудно произнести имя, но после долгой неловкой паузы она проговорила:

— Беатрис Ньюланд.

Это имя было мне совершенно незнакомо, ничего мне не говорило. Но после того, как мама произнесла его, ей как будто стало легче, она возмущенно заговорила:

— Она совсем молодая. На вид примерно твоя ровесница.

«Какая пошлость», — подумала я, но потом вспомнила, что сама встречалась с Максом.

— Почему же ты не ушла от него? — спросила я. Я все не могла примириться с новым образом матери; женщина, сидевшая рядом со мной, оказалась вдруг совершенно мне незнакомой.

— Я не сомневалась, что интрижка скоро закончится, что нужно просто подождать. Мы прожили вместе тридцать семь лет, я не могла взять и выкинуть их на помойку из-за одной женщины.

Просто не могла, и все.

— А когда папа умер? — спросила я. — Почему ты тогда ничего не сказала?

— А что бы это изменило? Это не вернуло бы его к жизни, не сделало бы его кем-то другим.

— Понимаю.

Я и правда понимала. Но, хоть мой разум и соглашался, сердце продолжало бунтовать. Со мной она никогда не была такой нежной, терпеливой и понимающей. Если она способна на такую любовь, то почему она не питала ее ко мне? Почему она так упорно старалась превратить меня в кого-то другого? Единственное, чего я от нее хотела, — чтобы она принимала меня такой, какая я есть.

В этот момент мы выезжали из долины, и дорога становилась все уже, поднимаясь по каньону. У меня заложило ухо. Неприятное чувство.

— Мам, — сказала я после небольшой паузы, — ты даже не спросила меня о «Сильвервуде».

— Спросила. Ты сказала, что это большой фестиваль.

— И тебе больше ничего не хочется спросить? Тебе не интересно, что я там играла, как выступила?

Мама повернулась и посмотрела на меня.

— Я ничего в этом не понимаю.

— Это *музыка.* Ее не надо понимать. Ее надо просто слушать.

— О, Нора, — она нежно коснулась моей руки, — я не это имела в виду. Мне *нравится* твоя музыка. Я хотела сказать, что совершенно не разбираюсь в фестивалях, соревнованиях, грантах. В таких вот вещах.

Дорога шла под уклон, потом выровнялась, и через некоторое время перед нами возникла первая роща юкки.

— Ну так расскажи мне, что это за «Сильвервуд», — попросила мама.

Может, что-то наконец изменится в наших отношениях. Заговорив с ней о тайне, которую она так долго носила в себе, я, возможно, поломала защитный механизм, с помощью которого она отгораживалась от окружающего мира. Ей придется отказаться от всех своих фантазий о моем будущем и признать, что я всего лишь музыкант и никогда не стану никем другим. Теперь, когда мама как будто готова была слушать, я начала рассказывать ей о своей поездке в Бостон, о барабанщике и басистке, о наших дальнейших планах, о тот хорошем, что я там узнала, и о плохом тоже.

После этого я опустила стекло и оперлась локтем о дверь. Воздух был теплым и сухим. Скоро через перевалы начнут дуть ветры Санта-Ана и принесут с собой ярость и огонь. Как часто я лежала в постели и мечтала, что когда-нибудь навсегда уеду из пустыни! Ссоры и взаимные обвинения наполняли пространство моей жизни, и пройдет немало времени, прежде чем они прекратятся. Мне еще придется встретится с Эй-Джеем в зале суда. Через три дня, во время предварительного слушания, я с отвращением буду наблюдать, как его выпускают на свободу под залог. Но будут и другие дни, когда у меня наконец-то появится возможность выступить, рассказать судье и присяжным об отце, почтить таким образом его память. На каждом судебном заседании адвокат Эй-Джея из округа Ориндж, специализирующийся как раз на таких делах, будет подавать ходатайства и просьбы об отсрочке, и только через три с половиной года, когда я буду беременна первым ребенком, Эй-Джея наконец признают виновным в непредумышленном убийстве и приговорят к пяти годам тюрьмы.

А я все еще буду здесь. Пустыня — это мой дом, как бы я ни старалась убежать из него. Дом — это широкие пространства, первозданный свет и

тишина, которая не всегда бывает тишиной. Дом — это прежде всего семья, которая любит. Только теперь, после смерти папы, я поняла, что любовь — это не ручной, тихий зверек, а непокорный зверь, суматошный и непредсказуемый, великодушный и прощающий, который способен спасти меня от горя и вывести из тьмы.

Благодарности

Я благодарна многим людям и организациям за поддержку в ходе написания этой книги. Я бы хотела выразить особую признательность городу Санта-Моника за предоставленный мне грант, «Yaddo Corporation» за то, что позволили мне пожить в прекрасной арт-резиденции, и Фонду Джона Саймона Гуггенхайма за стипендию. Спасибо редактору Эрролу Макдональду за тонкие замечания и терпеливую поддержку. Спасибо агенту Эллен Левин за первые комментарии и неоценимую поддержку. Рекламные агенты Джозефин Калс, Мичико Кларк и Кимберли Бернс способны на настоящие чудеса. Николас Томсон из «Pantheon Books» и Марта Вайдиш из «Trident Media» усердно работали над этим проектом на каждом его этапе. Мириам Фейерле, Ханна Скотт и Эндрю Ветцель из «Lyceum Agency» очень поддерживали меня во время работы. Особая благодарность Алексису Киршбауму, Рэйчел Уилки и Роз Эллис из «Bloomsbury UK». Я в долгу перед смотрителями национального парка Джошуа-Три за их знания о фауне и флоре Мохаве,

а также перед сотрудниками департамента шерифа округа Сан-Бернардино за ответы на мои многочисленные вопросы. Спасибо Дане Болдт и Гэвину Хантли-Феннеру за помощь в решении юридических и логистических вопросов. Спасибо моим первым читателям: Скотту Мартеллу, Маазе Менгисте, Суаду Седликуи, Джейн Смайли. И особая благодарность Александру Йере.

Об авторе

Лайла Лалами — автор популярных книг, лауреат Американской книжной премии *(American Book Award)*, Арабо-американской книжной премии *(Arab-American Book Award)*, премии Херстона/Райта «Наследие» *(Hurston/Wright Legacy Award)*, а также финалист Пулитцеровской премии. Ее книга «Мемуары мавра» вошла в лонглист Букеровской премии и в несколько списков лучших книг года, в том числе от «The Wall Street Journal», «Kirkus Reviews» и NPR. Ее эссе публиковались в «Los Angeles Times», «The Washington Post», «The Nation», «Harper's Magazine», «The Guardian» и «The New York Times». Лайла Лалами — стипендиат «British Council Fellowship», «Fulbright Fellowship» и «Guggenheim Fellowship». В настоящее время преподает литературное творчество в Калифорнийском университете в Риверсайде. Живет в Лос-Анджелесе.